

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
Факультет гуманитарных и социальных наук
Кафедра теории и истории международных отношений**

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF RUSSIAN FEDERATION
PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
Faculty of Humanities and Social Science
Department of Theory and History of International Relations**

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

**Сборник научных публикаций
по материалам
межвузовской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых учёных**

Москва, 25 октября 2013 г.

**Москва
Российский университет дружбы народов
2014**

УДК 327(470)©5+265-192.2)(063)

ББК 66.4(2)+(5)

А35

НАУЧНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель –

зав. кафедрой ТИМО к.э.н., доцент *Д.А. Дегтерев*

Зам. председателя –

акад. РАЕН *В.Г. Джангирян*, д.и.н. *М.А. Шпаковская*

Члены комитета:

к.и.н., доц. *К.П. Курылёв*, почётный проф. РУДН *А.С. Протопопов*,

к.и.н., доц. *Е.М. Савичева*, к.и.н., доц. *А.Ю. Борзова*

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф., зав. кафедрой философии и культурологии
Российского государственного университета туризма и сервиса *С.И. Реснянский*;

доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и политологии

Государственного университета управления *С.П. Костриков*

А35 Азиатско-Тихоокеанский регион в мировой политике : сборник научных публикаций по материалам межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Москва, 25 октября 2013 г. / под ред. д.и.н. М.А. Шпаковской. – Москва : РУДН, 2014. – 250 с.

В сборнике представлены материалы межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Азиатско-Тихоокеанский регион в мировой политике», организованной кафедрой теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. В материалах конференции затрагивается целый ряд актуальных вопросов, связанных с развитием современной системы международных отношений в регионе АТР, с задачами внешней политики России в условиях эволюции международной системы.

Издание адресовано специалистам по истории международных отношений, регионоведению, внешней политике России, аспирантам, студентам.

The collection of materials of interuniversity scientific conference of students, postgraduates and young scientists "The Asia-Pacific Region in World Politics" organized by the Department of Theory and History of International Relations of the Faculty of Humanities and Social Sciences of PFUR. In the materials of the conference touched upon a whole range of topical issues related to development of the modern system of international relations in the Asia-Pacific region, with the objectives of Russian foreign policy in the conditions of the evolution of the international system.

ISBN 978-5-209-06044-4

© Коллектив авторов,

отв. ред. М.А. Шпаковская, 2014

© Российский университет дружбы народов,

Издательство, 2014

СТРАНЫ АТР В XXI ВЕКЕ

Одной из ключевых тенденций мирового развития в XXI веке становится возрастание роли стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в мировых процессах. Этот регион является центром международного развития, в котором сосредоточены огромные человеческие ресурсы и экономический потенциал. В настоящее время на страны Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) приходится 40% населения мира, 54% мирового ВВП и 44% мировой торговли.

Необходимо учитывать новые тенденции и в архитектуре безопасности стран АТР: нельзя сбрасывать со счетов проблему усиления военно-политического влияния Китая; одновременно происходит укрепление позиций стран АСЕАН (в особенности Индонезии, Вьетнама, Малайзии и Филиппин). Новую динамику получило развитие Транстихоокеанского партнерства - интеграционной инициативы в АТР без участия КНР и РФ, нашедшей широкую поддержку в США. Необходимо учитывать и интересы России в этом регионе, развитие Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как ведущей региональной военно-политической структуры.

В своей статье «Политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: к миру, безопасности и устойчивому развитию» министр иностранных дел РФ С.В. Лавров опубликованной в индонезийском журнале «Strategic Review» еще в 2012 г. отметил, что «Уже стало аксиомой, что центр тяжести мировой политической и экономической активности смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион... Регион справедливо называют локомотивом глобального развития, здесь формируется новое полицентричное мироустройство».

В этой связи, состоявшаяся в октябре 2013 г. научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых кафедры теории и истории международных отношений

(ТИМО) на тему «Азиатско-Тихоокеанский регион в мировой политике» стала важным научным событием в жизни факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. На обсуждение были вынесены такие вопросы, как роль стран АТР в глобализирующемся мире; приоритетные направления внешней политики КНР; тенденции и перспективы развития интеграционных процессов в АТР; сотрудничество России со странами АТР; проблемы глобальной и региональной безопасности в АТР; территориальные споры между стран АТР; роль многосторонней дипломатии в регионе АТР.

В работе этой конференции приняли участие студенты и преподаватели кафедры ТИМО РУДН, а также студенты и аспиранты других вузов Москвы.

На конференции выступил с докладом научный сотрудник Центр исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН Дмитрий Александрович Милеев, специализирующийся по внешней политике Японии.

Доклады участников конференции были посвящены как общим проблемам АТР, так и внешней политики отдельных стран региона. Можно отметить доклады, касающиеся вопросов безопасности в отдельных регионах Азии и деятельность стран региона, направленную на укрепление мира и безопасности. Затрагивались и проблемы сотрудничества стран региона, как в политической, так и в экономической сферах. Отдельные выступления были посвящены внешней политике Вьетнама, Индонезии, КНР. Заслуживают внимания выступления, касающиеся вопросов астрополитики во внешнеполитической доктрине Индии, а также двусторонних и многосторонних отношений стран АТР. Можно отметить проблематику двусторонних отношений КНР и Аргентины на современном этапе, Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях. В некоторых выступлениях рассматривались вопросы, связанные с ролью «мягкой силы» во внешней политике отдельных стран

региона. Читателей заинтересуют и отношения в треугольнике КНР-РФ-СГА. И, наконец, хотелось бы отметить, доклад о деятельности стран региона в организации ШОС.

Представленный сборник материалов конференции свидетельствует о неподдельном интересе молодых исследователей к проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона. Хочется пожелать студентам и аспирантам дальнейшей плодотворной научной работы и новых научных мероприятий!

Кафедра отмечает, что в подготовке сборника к печати принимали участие следующие студенты кафедры – Н. Ивкина, М. Голубчиков, Н. Антипов, Т. Брицов.

Зав. кафедрой теории и истории
международных отношений РУДН,
доцент, к.э.н.

Д.А. Дегтерев

Декан факультета гуманитарных
и социальных наук РУДН,
профессор, д. филос.н.

В.А. Цвык

БЕЗОПАСНОСТЬ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Г.А.Авалян*

В XXI веке наблюдается смещение мировых экономических и политических центров в Азиатско-Тихоокеанский регион. Это обуславливает повышенный научно-исследовательский интерес к региону в целом. Быстрые экономические темпы развития отдельных стран обусловили появление в регионе новых центров, способных принимать активное участие в создании архитектуры современных международных отношений.

Однако говорить об Азиатско-Тихоокеанском регионе как о некой целостной, однородной единице не приходится. Это проявляется в различных уровнях и темпах экономического развития, разнообразии политических режимов, культурных и религиозных различиях. Регион является весьма конфликтогенным, зачастую взрывоопасным. АТР сталкивается с различными проблемами в сфере безопасности, такими как терроризм, распространение оружия массового поражения, сепаратистские тенденции, проблема спорных территорий. Однако регион пока не может дать адекватного ответа этим угрозам безопасности. Можно сказать, что Азиатско-Тихоокеанский регион на сегодняшний момент раздираем проблемами. Дестабилизирующим фактором является и то, что процессы, происходящие в регионе, зачастую можно противопоставить друг другу.

* **Авалян Гегецик Ашотовна** – студентка 4 курса, кафедры ТИМО. Научный руководитель – доцент, преподаватель Российского университета дружбы народов (РУДН), Понька Татьяна Ивановна.

Однако стоит указать, что в связи с экономическим ростом отдельных стран и региона в целом, он активнее вовлекается в мировые процессы, его вес становится все более значимым и заметным. В связи с этим обеспечение безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе является первостепенной задачей для всего мира, поскольку от ситуации в регионе зависит и международная безопасность.

Азиатско-Тихоокеанский регион обычно делят на 4 субрегиона: Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Южная Азия, южная часть Тихого океана [4]. Все четыре субрегиона являются важными звеньями в процессе обеспечения безопасности в регионе в целом. В последнее время наблюдается динамика к сотрудничеству между этими субрегионами, однако масштабы данного сотрудничества не столь велики, чтобы позволить сформировать общеазиатские ценности и общие подходы к международным вопросам и проблемам; каждый из субрегионов сохраняет свою специфику. Необходимо сказать, что в свою очередь значимость каждого отдельного субрегиона в деле обеспечения безопасности в регионе очень велика и многогранна, чем и объясняется необходимость отдельного, всестороннего и глубокого анализа процессов в каждом отдельно взятом субрегионе для понимания ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В связи с вышесказанным, представляет научный интерес анализ обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии, ее возможностей и перспектив.

Субрегион Северо-Восточная Азия традиционно включает в себя Китай, Японию, Республику Корею, КНДР, Монголию. Несмотря на то, что за последние 40 лет в регионе не было вооруженных конфликтов, в нем сохраняется большой конфликтный потенциал. По этой причине ситуация в Северо-Восточной Азии оценивается как ограниченная стабильность. В регионе продолжают сохраняться три больших конфликта,

таких как курильский, корейский и тайваньский. Все страны региона прямо или опосредованно имеют отношение к этим конфликтам. Также следует указать, что в процесс построения безопасности в регионе вовлечены и страны, не относящиеся к данному субрегиону [2]. Данное обстоятельство имеет двойное значение, поскольку, с одной стороны, их присутствием обеспечивается некий гарант безопасности, но с другой же стороны, именно эти страны в определенной степени затрудняют поиск решения проблем, поскольку преследуют свои интересы в решении или, наоборот, замораживании конфликтов в субрегионе. В частности, в большей степени на ситуацию в Северо-Восточной Азии оказывают влияние Соединенные Штаты Америки, в меньшей степени Россия.

Для понимания структуры безопасности в Северо-Восточной Азии, а также ситуации в регионе в целом, необходимо всесторонне проанализировать ситуацию в странах, вовлеченных в процесс построения механизмов защиты от внутренних и внешних угроз, а также конфликты, существующие в регионе.

Экономический рост Китая, активная внешнеполитическая деятельность, ядерный статус, большой людской потенциал, стремление к расширению зоны своего влияния, оснащение вооруженных сил - все это факты, говорящие о возросшей роли Китая как в мире, так и в регионе Северо-Восточной Азии. Однако, несмотря на динамику активного развития, у Китая имеется ряд проблем на данном пространстве.

В первую очередь, необходимо отметить тайваньскую проблему. Китай очень ревностно относится к любым проявлениям суверенитета со стороны Тайбэя. Подчеркивая исключительную важность объединения с Тайванем, Китай говорит о приоритетном решении проблемы мирным путем, однако не исключает возможности решения проблемы с применением вооруженной силы. Данная проблема

обостряется еще и вовлечением в конфликт третьей стороны в лице Соединенных Штатов Америки. В случае вооруженного конфликта Китаю придется столкнуться не только с мощным оборонным потенциалом Тайваня, но и также не исключается военная помощь со стороны Соединенных Штатов. Следует сказать, что позиция США по данному вопросу заключается в том, что США не против объединения, но они настаивают на объединении только мирным путем, без применения вооруженных сил. Однако следует также сказать и о том, что вовлеченность США в данный конфликт осложняют ее решение, так как для США тайваньский фактор является инструментом для сдерживания Китая. В связи с этим в краткосрочной и среднесрочной перспективе считается невозможным потерю Штатами данного эффективного и действенного инструмента, что, следовательно, означает замораживание конфликта [5].

В регионе у Китая существуют также проблемы с Японией. Здесь можно выделить ряд конфликтных моментов. Во-первых, сохраняется нерешенным вопрос о спорной территории острова Сенкаку (Дяоюйдао), на который претендуют обе стороны. Во-вторых, эти страны являются конкурентами в экономическом плане как в субрегионе Северо-Восточной Азия, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. В-третьих, китайскую сторону беспокоит военное сотрудничество Японии и США, когда-то направленное против СССР, сегодня объективно может быть использовано против Китая. В-четвертых, Китай беспокоят планы США по созданию ПРО территории США в соединении с развертыванием программы с японской стороны системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) с целью обороны территории Японии от северокорейских ракет [3]. Однако Пекин понимает, что данная система сможет обеспечить и перехват части китайских ракет. Ко всему вышесказанному добавляется еще и

негативное отношение на ментальном уровне этих народов друг к другу, имеющее глубокие исторические корни.

Другой важной проблемой с опосредованным участием Китая является ситуация на Корейском полуострове. В этой связи важна именно ядерная составляющая конфликта, поскольку именно Китай является основным экономическим и военным спонсором КНДР. В этой связи для Китая складывается сложная ситуация, когда Пекин не может контролировать острые моменты во внешнеполитическом курсе Ким Чен Ына, но при этом также и не хочет присоединяться к кругу государств, осуждающих внешнеполитический курс Пхеньяна, поскольку таким образом Китай будет вытеснен из решения данной проблемы. Это вытеснение крайне невыгодно Китаю, так как такое опосредованное участие в конфликте подчеркивает вес Китая в регионе.

После поражения во Второй мировой войне Япония, оказавшись под "ядерным зонтиком" США, получила возможность для экономического развития, однако при этом не развивала сама свои вооруженные силы и не принимала активного участия в международных отношениях. В этой связи взаимодействие со странами Северо-Восточной Азии преимущественно осуществляется по формуле "экономический гигант, но военный карлик". Наряду с этими проблемами у Японии также есть конфликтные точки в данном регионе [1].

В первую очередь, необходимо отметить территориальные претензии Японии на острова Малой Курильской гряды, которые принадлежат России. Вследствие того, что Япония продолжает требовать включения данных российских территорий в ее состав, теоретически ситуация остается взрывоопасной, а также препятствует заключению мирного договора между Российской Федерацией и Японией.

Другими проблемами Японии, как выше отмечалось, является вопрос относительно принадлежности острова Сенкаку между Японией и Китаем. Для Японии проблемой является и сложившаяся ситуация на Корейском полуострове. В частности, в 2010 году в японской прессе появилась информация о новых "Основных принципах национальной обороны", где главными угрозами для Японии называются Китай и КНДР [1].

Необходимо отметить, что в Японии в последние годы проявляется тенденция на более активное участие в международных вопросах. Япония больше не стремится позиционировать себя как государство, исключительно направленное на реализацию внутренней политики. В частности, Токио стремится получить место постоянного члена в Совете Безопасности ООН.

Важным дестабилизирующим фактором безопасности в Северо-Восточной Азии является ситуация на Корейском полуострове. Сложившаяся ситуация оказывает существенное влияние на процесс создания системы безопасности в регионе. Позиция КНДР заключается в воссоединении двух Корей, при этом примечательно, что не исключается использование военной силы для решения данной задачи. Позиция Республики Кореи по данному вопросу всегда определялась в контексте сотрудничества с Соединенными Штатами Америки. Между Республикой Корея и Соединенными Штатами заключен договор о взаимной обороне в октябре 1953 года [4].

Корейская проблема является опасной не только для КНДР и Республики Корея, но также и для третьих стран в лице США, Китая, Японии, России, которые так или иначе вовлечены в данный конфликт. Для России это объясняется географической близостью, поскольку применение ядерного оружия может негативно сказаться и на российском Дальнем Востоке.

Поиском решения корейского вопроса занимается шестисторонняя комиссия в составе России, Китая, США, Японии, Республики Корея и КНДР. В настоящее время члены данной комиссии понимают необходимость решения проблемы, вследствие чего выступают за возобновление переговоров в формате шестисторонней комиссии.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в силу вовлеченности стран Северо-Восточной Азии в ряд конфликтов данного региона, а также интересов нерегиональных стран, очень сложно построить систему безопасности, учитывающую и удовлетворяющую интересы каждого участника данного процесса. Представляется очень сложным поиск общих точек соприкосновения. Однако необходимо указать, что сотрудничество между этими странами также ведется. В частности, например, основными инвесторами в китайскую экономику являются именно Япония и США; несмотря на сильные антияпонские настроения в Республике Корея после японской оккупации во время Второй мировой войны, между данными государствами осуществляется сотрудничество.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о наличии разновекторной тенденции в субрегионе Северо-Восточная Азия. Однако необходимо сказать и о том, что страны, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации посредством экономического сотрудничества, все же не перестают опасаться друг друга, что в свою очередь приводит к их вооружению. После рассмотрения проблем, конфликтных точек и претензий стран субрегиона друг к другу, представляется логичным рассмотреть их подготовку к возможному военному конфликту, то есть их вооруженное состояние.

Народно-освободительная армия Китая и ее парк боевой техники и самолетов являются одними из самых больших по численности в Северо-Восточной Азии. В стране

наблюдается тенденция к увеличению военного бюджета при сохранении общей численности армии. Существенная часть средств из военного бюджета расходуется на модернизацию имеющегося военного потенциала, строительство новых подводных лодок. Ведутся проекты по созданию собственного авианосца, ПРО, истребителя пятого поколения. Все это позволяет сделать вывод о том, что Китай сегодня стремительно перевооружается. Данный тренд беспокоит соседние страны по региону, которые не желают допустить доминирования Китая в Северо-Восточной Азии [1].

Несмотря на малочисленность японской армии, она обладает высоким уровнем боеспособности и высоким уровнем технического оснащения. За последние годы были проведены реформы в системе руководства вооруженными силами, суть которых можно свести к повышению статуса оборонительных сил и получению возможности использования этих сил. В рамках данных программ большое внимание уделяется системе ПРО. В 2004 году между Японией и США был подписан договор о взаимопомощи, на базе которого ведется сотрудничество между двумя странами в области ПРО. Таким образом, можно говорить о желании Японии превратить силы самообороны в полноценные, эффективные вооруженные силы.

Противоположной ситуации в Японии является северокорейская ситуация в плане вооруженных сил. Обладая большой по численности армией и вооруженными силами, КНДР уступает в техническом оснащении этих сил. В большинстве своем северокорейская военная техника является устаревшей. Однако в связи со сложной экономической ситуацией власти КНДР пока не способны перевооружить страну, провести модернизацию вооруженных сил. Вместе с тем о тенденции к вооружению этой страны говорит соотношение численности вооруженных сил к численности резерва армии. "Кроме того, при численности вооруженных

сил в 1,106 млн. человек численность резерва Корейской Народной Армии достигает 4,7 млн. человек" [1]. Другим фактором, говорящим о вооружении КНДР является создание ракетно-ядерного оружия. Все эти обстоятельства вкуче осложняют процесс обеспечения безопасности в регионе, в равной степени осложняя использование военной силы против КНДР.

В связи со сложившейся ситуацией на Корейском полуострове Южная Корея ставит вопрос обеспечения национальной безопасности очень остро, чем обусловлено повышенное внимание к значению военного потенциала. Архитектура вооруженных сил Республики Корея построена с учетом возможного военного конфликта с КНДР. Правительство ставит задачу сформировать такую систему вооруженных сил, которые могли бы не только отразить удар противника, но и нанести ему ответный удар с поражением последнего. Военный потенциал Республики Корея можно охарактеризовать, как в значительной степени способный самостоятельно отразить агрессию со стороны КНДР в случае возможного удара. В количественном соотношении вооружение и техника практически равны северокорейским, при этом превосходят ее в качественном плане. Что касается численного превалирования северокорейских вооруженных сил, то южнокорейская обладает значительным резервом армии, чем компенсируется численное превосходство северокорейских войск. Как известно, в обеспечении безопасности Республики Корея принимает активное участие США, будучи связанными определенными договорами. Однако по реформе, которая проводится с 2009 года в военной сфере, Южная Корея хочет создать более компактную армию, но при этом способную взять на себя больше обязанностей в обеспечении национальной безопасности, то есть отразить северокорейский возможный удар без помощи США [3].

Тайвань обладает небольшой по численности армией, однако боеспособность вооруженных сил является очень высокой. Помимо этого у Тайваня есть эффективные военно-морские силы, которые могут противостоять военно-морским силам КНР. Однако самостоятельно обеспечить свою безопасность в случае военного столкновения с материковым Китаем Тайвань не способен, именно поэтому Тайвань зависим от США. Проблема модернизации вооруженных сил и закупки нового вооружения для Тайваня осложняется еще и тем, что материковый Китай всячески стремится не допустить этого, вследствие чего использует возможные рычаги для блокирования подобных действий. В связи с этим все усилия Тайваня направлены на сохранении существующего статус-кво.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что США в данном регионе формируют свою систему безопасности, будучи связанной с Японией и Южной Кореей официальными договорами, а с Тайванем законом об отношениях с Тайванем от 1979 года, который был принят после денонсации американо-тайваньского договора о взаимной обороне в 1978 году. Согласно данному закону США неофициально дают гарантии Тайваню в случае, если произойдут чрезвычайные ситуации в отношениях с Китаем. Как уже выше говорилось, такое присутствие США в регионе одновременно в определенной степени и гарантирует безопасность, и является тормозящим фактором в вопросе поиска решений по данным конфликтам [4].

Как мы видим, несмотря на актуальные в современном мире способы достижения своих целей посредством использования аспектов "мягкой силы", Северо-Восточная Азия активно продолжает милитаризовываться, оставаясь регионом, где военный фактор играет решающую роль не только в обеспечении безопасности, но и зачастую для достижения поставленных целей. Можно констатировать, что

роль военного фактора, значение жесткой силы не только не ослабевает, но и продолжает усиливаться. В такой ситуации вся система безопасности, которая сложилась в Северо-Восточной Азии, является очень хрупкой. Здесь продолжает доминировать игра с нулевой суммой, где на вооружение одной страны в обязательном порядке должна вооружиться другая сторона, поскольку иначе она автоматически считается проигравшей. На сегодняшний день в регионе нет страны, которая в силу своего военного потенциала претендовала бы на безоговорочное лидерство, чем и объясняется наличие пусть и хрупкого, но все же баланса сил.

Однако нельзя сказать, что страны субрегиона лишь вооружаются, не сотрудничая друг с другом. В Северо-Восточной Азии активно ведется взаимодействие между странами в экономической сфере. Это сотрудничество имеет очень весомое значение, поскольку показывает, что, несмотря на наличие проблем между странами, можно находить точки соприкосновения интересов. Поскольку представляется невозможным решение вышеназванных проблем посредством проведения переговоров, не опирающихся на наличие сфер сотрудничества, где учитывались бы интересы каждой из сторон, то именно сотрудничество в экономической сфере и может выступить той сферой, которая постепенно сблизит эти страны. В перспективе это может означать углубление такого сотрудничества до такой степени, когда страны будут взаимозависимы друг от друга, что существенно снизит возможность решения конфликтов вооруженным путем.

Список литературы:

[1]Бурлаков В. А. Военно-политическая составляющая геополитического анализа международных отношений в Северо-Восточной Азии // Научно-теоретический журнал «Ойкумена». – 2012.

[2] Губин А. В. Военно-морской фактор в национальной безопасности стран Северо-Восточной Азии // Научно-теоретический журнал «Ойкумена». – 2011

[3] Крупянко М. И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». – М.: Междунар. Отношения, 2010. – 448 с.

[4] Современная международная безопасность : учебное пособие/ В.М. Кулагин. – М.: КНОРУС, 2012. – 432 с. -(для бакалавров)

[5] Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 668 с.

РОЛЬ ТАЙВАНЯ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИКО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Г. В. Бакалина

Сегодня район Тайваньского пролива уже не является зоной обострённого конфликта, однако проблема идентификации Тайваня стала еще более актуальной.

После гражданской войны как на «материковом Китае», так и на Тайване экономика страдала от инфляции, усугублённой неподготовленными валютными реформами и коррупцией. Это послужило толчком для процесса комплексного восстановления и новых реформ на о. Тайвань,

Бакалина Галина Валерьевна – студентка 4 курса, кафедры Теории и истории международных отношений. Научный руководитель – к. и. н. Борзова Алла Юрьевна.

который становится местом строительства нового государства. Партия Гоминьдан взяла под свой контроль Тайванские монополии, которыми ранее (до второй мировой войны) владела Япония. Это, наряду с помощью, предоставленной США (*China Aid Act*) [7] через Совместную Китайско-Американскую комиссию по сельскохозяйственным преобразованиям (*Sino-American Joint Commission on Rural Reconstruction*), обеспечили Тайваню быстрое экономическое восстановление после войны. В соответствии с данным Актом о помощи Тайванскому правительству предоставлялась американская финансовая помощь в размере 400 млн долларов, 125 миллионов из которых предназначались для обновления военной сферы [6. С. 12]. Совместная Китайско-Американская комиссия по сельскохозяйственным преобразованиям в рамках согласованной программы экономического, социального и технического развития в 1950-1960 годах создала мощный сельскохозяйственный фундамент, на котором тайванская экономика стремительно росла в последующие десятилетия. Скорому развитию Тайваня способствовало также то, что партия Гоминьдан перевезла с континента на Тайвань «золотой резерв Китая» и использовала его для создания и поддержки новой валюты – Нового Тайваньского Доллара (*New Taiwan Dollar, NTD*), а также для прекращения гиперинфляции.

Экономическая помощь Соединенных Штатов Тайваню с 1950 по 1965 годы оценивается в 1,5 млрд. долл., а военная – в 2,4 млрд. В 1965 году, когда Тайвань уже создал стабильную финансовую основу для дальнейшего развития, финансовая помощь со стороны США прекратилась. После этого Дзян Цзинго (*Chiang Ching-kuo*) как глава правительства начал реализацию ряда государственных проектов, получивших название «Десять Крупных Строительных Проектов» (*Ten Major Construction Projects*). Они были направлены на создание инфраструктуры как основы для развития сильной

экспортно-ориентированной экономики. Реализация этого комплексного проекта, который включал в себя 6 транспортных, 3 промышленных проекта и одну электростанцию общей стоимостью 300 млрд тайваньских долларов, шла в 1974 -1979 годах.

Воплотив в жизнь эти проекты, Китайская Республика стала стремительно развиваться и превратилась в страну с сильной диверсифицированной экономикой, с весомым представительством на иностранных рынках, стала обладателем одного из самых крупных в мире валютных резервов для торговли за границей. Экономическое процветание острова сопровождалось ростом социальной стабильности, в результате чего Тайвань занял почетное место среди четырех «азиатских тигров».

Однако в 1971 году согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций 2758 представительство Китая в ООН было отнято у Китайской Республики и передано Китайской Народной Республике [10]. Через 8 лет после этого, в 1979 году США признали правительство КНР единственным официальным правительством Китая. Эти два события оказали наибольшее влияние на политический статус Тайваня на мировой арене.

В течение многих десятилетий помощь США Тайваню была незаменимым фактором выживания острова. По Договору о взаимной обороне между США и Китайской Республикой (*The U. S. – ROC Mutual Defense Treaty*), который действовал с 1950 по 1980 гг, США предоставляли Тайваню помощь, которая стала гарантом безопасности Тайваня. Отношения в области безопасности продолжились и после того, как Вашингтон установил дипломатические отношения с КНР и разорвал их с Тайванем. США продолжили продавать Тайваню оружие, что помогало укреплять обороноспособность острова. В законе «О взаимоотношениях с Тайванем» (*The Taiwan Relations Act*), принятом Конгрессом США в 1979 г.,

оговаривалось, что «Соединенные Штаты будут предоставлять Тайваню доступ к военным технологиям и вооружению в таком количестве, которое будет необходимым для того, чтобы сохранять способность Тайваня к самообороне» [5].

В 80-е годы происходит внешнеполитическое ослабление Китайской Республики одновременно с экономическим усилением (на протяжении сорока лет начиная с 1950-х гг темпы роста тайваньской экономики составляли 9% в год).

КНР преподносит «тайваньский вопрос» как внутреннюю проблему, однако, на самом деле, тайваньская государственность пусть и признается лишь 24 странами мира (Ватиканом и странами Центральной и Южной Америки), но обладает всеми атрибутами: развитыми институтами власти, территорией, оборонным комплексом, самобытной экономикой, населением, собственной денежной единицей.

Кроме того, Тайвань заключил договоры с более чем сотней стран о безвизовом режиме (в том числе с Европейским Союзом) и, оформив документ («паспорт соотечественника»), граждане Тайваня могут ездить на континентальный Китай, не оформляя виз, чего нельзя сказать про «материковых» китайцев, которые могут попасть на Тайвань лишь при наличии визы, а если цель поездки – туризм, то еще и исключительно в составе группы. О независимости Тайваня в определенной степени говорит и его способность конкурировать с КНР в таких регионах как Южная и Центральная Америка. Хотя необходимо признать, что если в странах Центральной Америки позиции Тайваня пока сохраняются, то в Южной Америке дипломатические отношения с Тайванем поддерживает лишь одно государство – Парагвай. Это объясняется несопоставимостью масштабов экономик КНР и Китайской Республики.

Что касается позиционирования Тайваня на международной арене, то с 80-х гг его имидж строится на

контрасте с «коммунистическим» Китаем, провозгласившим начало новой истории для древнейшей цивилизации. Тайвань же заявляет о себе как о наследнике Китая, ведущего свою историю с самых древних времен, сохраняет традиционную письменность, а также делает акцент на демократических ценностях и защите окружающей среды, чего нельзя сказать про КНР, которая отказалась подписать Киотский протокол, опасаясь замедления роста экономики.

Сохранение определенной независимости Тайваня происходит во многом благодаря покровительству США [3]. США же используют Тайвань для того, чтобы сдерживать КНР, как способ влияния на нее. Благодаря Тайваню на юго-востоке Китая Соединенными Штатами был сформирован так называемый «островной пояс сдерживания», состоящий из Японии, Тайваня и Филиппин. Несмотря на то, что на острове нет американских баз и военного контингента, тайваньская независимость является преградой, которая ограничивает свободу морской и авиационной навигации КНР. Если Тайвань выпадает из этой цепи, эффективность сохранения позиций США на Филиппинах и в Японии резко снижается и защищать своих союзников США становится сложнее. В области кибербезопасности Тайвань представляет интерес для США потому, что все кибератаки, которые в будущем будут направлены на США, испытываются на Тайване, в связи с чем быстрота реагирования и уровень технологий, в применении которых США крайне заинтересованы, у Тайваня развиты весьма высоко [3]. Также у Вашингтона вызывают опасение любые предпосылки сближения Тайваня и КНР. Этот вывод подкрепляется поведением Белого дома в период эскалации конфликта по вопросу о принадлежности острова Дяоюйдао в 2012 г [9]. После того как в спор вмешался Тайвань, заявляя о своих правах на рыболовный промысел в этом районе, конфликт приобрел многостороннюю окраску и Тайвань стал буферной зоной между КНР и Японией. Тогда США надавили

на Японию, чтобы она подписала с Тайбэем соглашения о вылове рыбы, что снизило напряженность конфликта.

В ноябре 2011 г, выступая перед австралийским парламентом, президент США Барак Обама заявил о принятии стратегического решения о том, что США должны играть большую роль в формировании Тихоокеанского региона путем поддержания тесных партнерских отношений с союзниками США в регионе [8]. Тремя столпами новой американской политики в Азии были названы: обеспечение безопасности, содействие благосостоянию и поддержка принципа обеспечения прав человека.

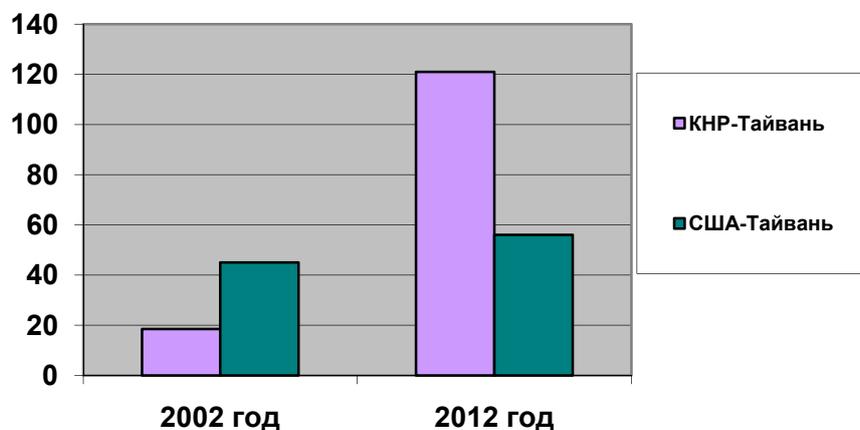
Несмотря на заявленный разворот в сторону Азии, нужно особо отметить аккуратность и осмотрительность действий США в их поддержке Тайваня. Как уже было сказано, США продают оружие Тайваню, но при этом соблюдают два условия: (1) оружие, продаваемое Тайваню, не превосходит по своим характеристикам то, которым располагает КНР; (2) купленное Тайванем оружие не доставляется на остров, доставка гарантируется США в случае эскалации конфликта между КНР и Тайванем в течение 48 часов. Подобная осмотрительность просматривается и в политике, которую проводит КНР в Латинской Америке, на так называемом «заднем дворе» США. Развивая экономическое сотрудничество со странами ЛАК, КНР тщательно оговаривает, что политика не направлена на вытеснение США, и эта умеренность в экономическом наступлении, в свою очередь, способствует сохранению позиций Тайваня в регионе ЛАК.

В соответствии с данными Стокгольмского Института Мира (Stockholm International Peace Research Institute), с 2001 г рост расходов Тайваня на оборонную промышленность составляет в среднем 0,5 %, и при этом Тайвань планирует переход на контрактную службу, что потребует дополнительных расходов.

Финансирование оборонной промышленности КНР растет на 12,2 % в год, что составило 213,9% с 2001 по 2011 гг. КНР разместила 1500 единиц баллистических и крылатых ракет на юге в качестве устрашения и психологического орудия сдерживания тайваньских претензий на обретение независимости [5]. Увеличение военной мощи КНР, которая значительно превосходит потребности защиты своего суверенитета, в совокупности с более агрессивной политикой Пекина в АТР, в частности, в отношении территориальных споров с соседними государствами (многократная эскалация отношений с Японией, самовольное размещение военного контингента и основание города на спорных с Вьетнамом островах) привели к нарушению баланса в Тайваньском проливе и росту обеспокоенности других стран региона, что нашло отражение в их стремлении модернизировать оборонную промышленность, зачастую путем сотрудничества с США [1]. Президент КНР Си Цзиньпин (*Xi Jinping*) на последнем саммите АТЭС на о. Бали особо выделил заинтересованность КНР в стабильности и поддержании мира в АТР и необходимости совместного развития стран региона. Пекин не хочет в глазах стран региона выглядеть агрессором, поэтому вероятность военного конфликта между КНР и Тайванем очень низка, однако очевидно, что сохранение баланса в отношениях между Тайванем и КНР является ключевым вопросом для поддержания стабильности в регионе.

КНР выбрал более надежный путь сближения с Тайванем, нацеленный на воссоединение в долгосрочной перспективе. После прихода к власти Ма Инцзю (*Ma Ying-jeou*) в 2008 году наблюдается сближение Тайваня и КНР в экономической сфере. С мая 2008 года было подписано 15 договоров, в том числе Соглашение об экономическом сотрудничестве - ЕСФА (*Economic Cooperation Framework Agreement*), вступившие в силу 1 января 2010 г, что способствовало активизации экономического взаимодействия

между КНР и Тайванем. В результате этого КНР становится главным экономическим партнером Тайваня. Если в 2002 году торговля с КНР составляла лишь 7% всего товарооборота Тайваня, то в 2012 году этот показатель достиг 21%, при этом экспортируется в два раза больше, чем импортируется из КНР. После подписания ЕСФА Пекин начал проводить более мягкую политику в отношении сотрудничества третьих стран с Тайванем, поэтому активизировались переговоры о подписании договоров о свободной торговле между Тайбэем и ЕС и об экономическом сотрудничестве и инвестициях между Тайванем и США, Сингапуром, Филиппинами, Индонезией, Индией, Южной Кореей, Японией [4]. Товарооборот со странами АСЕАН вырос с 33 млрд долларов в 2002 году до 88 млрд в 2012, а объем инвестиций за тот же период вырос с 503 млн до 6 млрд. Как мы видим, договор ЕСФА стимулировал горизонтальную и вертикальную экономическую интеграцию внутри АТР, но в то же время сделал неизбежным снижение экономической независимости Тайваня от КНР.



Товарооборот, млрд долл.

Опросы общественного мнения на Тайване демонстрируют, что подавляющее большинство населения

предпочтут независимость лишь в том случае, если это не приведет к войне с КНР [2. С. 280]. Экономический упадок США сказывается на способности Вашингтона влиять на ситуацию в различных регионах мира. Ярким примером стал последний саммит АТЭС на о. Бали, визит Барака Обамы на который был отменен из-за внутреннего политического кризиса в США, связанного с принятием бюджета. Принимая во внимание этот фактор, а также наращивание военной и экономической мощи Пекином, можно сделать вывод, что психологическое давление на тайваньское население и экономическая зависимость Тайваня от КНР приведут к тому, что в долгосрочной перспективе основания для достижения Тайванем статуса признанного политически независимого государства будут потеряны.

Список литературы:

- [1] Andrew N.D. Yang, Mainland China's Military Development and Taiwan's Countermeasures.
<http://www.brookings.edu/research/papers/2011/08/chinas-military-development-yang>
- [2] Brett V. Benson, Emerson M. S. Niou, Public Opinion, Foreign Policy, and the Security Balance in the Taiwan Strait. Security Studies, 14, no. 2 (April-June 2005): 274-289.
- [3] Michael Mazza, Taiwan's crucial role in the US pivot to Asia
<http://www.aei.org/outlook/foreign-and-defense-policy/regional/asia/taiwans-crucial-role-in-the-us-pivot-to-asia/>
- [4] Mignonne Man-jung Chan, Taiwan in the Global Economic Landscape. www.brookings.edu/research/opinions/2012/03/12-taiwan-global-economy-chan
- [5] Parris H. Chang, Taiwan's Role in Supporting the U.S. Pivot in Asia. <http://www.wufi.org.tw/en/taiwans-role-in-supporting-the-u-s-pivot-in-asia/>

[6] Schaick F. L., China's Civil War. The Pittsburgh Press - Dec 20, 1948. - P. 12.

<http://news.google.com/newspapers?nid=1144&dat=19481220&id=fy8bAAAAIAAJ&sjid=Nk0EAAAAIAAJ&pg=6288,1977975>

[7] The China White Paper. Stanford University Press. August 1949.

<http://books.google.ru/books?id=hC8f2VvUSqsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

[8] The White House, Remarks by President Barack Obama to the Australian Parliament, news release, November 17, 2011. www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament

[9] US confounded by Taiwan's role in Asia-Pacific balance.

<http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=20130601000021&cid=1701>

[10] 联合国大会第2758(XXVI)号决议 .

<http://www.un.org/chinese/ga/ares2758.html>

РОЛЬ КИТАЙСКИХ ИММИГРАНТОВ В ИНДОНЕЗИИ

Д.М. Сибарани Т.И. Берёзина *

Известно, что отличительной чертой изучаемого нами Азиатско-тихоокеанского региона является наличие на этой территории бурных интеграционных процессов, которые принимают самые различные формы в наши дни. Это и

* **Берёзина Татьяна Игоревна** – студентка 3-его курса, кафедры теории истории и международных отношений. Научный руководитель – к.и.н., доцент Понька Татьяна Ивановна

Даме Мария Нова Сибарани – студентка 3-его курса, кафедры теории истории и международных отношений. Научный руководитель – к.и.н., доцент Понька Татьяна Ивановна

создание всевозможных многосторонних структур, и заключение договоров во всевозможных областях (в том числе и соглашения о свободной торговле), и поддержка международных проектов по экономическому взаимодействию (например, освоение прибрежной зоны реки Меконг). Безусловно, данный регион вызывает огромный интерес у нашей страны. Отметим, что на сегодняшний момент Российская Федерация имеет дружеские отношения со всеми странами АТР, а также принимает активное участие во многих региональных организациях. Можно с уверенностью сказать, что весомым доказательством успешного сотрудничества между РФ и странами АТР является проведение саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 году. Отметим, что значимую роль в данном регионе занимает Китайская Народная Республика. Китаю удалось добиться таких позиций не только благодаря комплексному изучению данного региона, но и благодаря искусному ведению своей дипломатии в рамках разработанного внешнеполитического курса. В целом ситуация в АТР складывается очень позитивно для КНР. Многие страны региона признают, что присутствие Китая на данной территории и его постоянное участие в различных процессах, является необходимой силой, которая может способствовать региональной стабильности, поддержанию безопасности и равновесия.

Известно, что одним из важнейших факторов интеграции является миграция населения. Мировое сообщество еще в 80-е годы прошлого века обратило внимание на такой феномен, как китайская иммиграция, когда миллионы китайцев с целью нахождения работы покинули свою родину и переселились в страны, где уровень развития промышленности был очень высок. В сегодняшние дни эта тенденция продолжает набирать обороты и наиболее привлекательными странами для китайских иммигрантов стали развивающиеся страны Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии.

Связано это с тем, что, начиная с 1990-х годов, Китай активно занимался развитием и укреплением экономического сотрудничества с данными регионами. Эта проблема действительно имеет множество аспектов, и в данной работе будет освещен один из них.

Китайская диаспора является самой многочисленной в мире. Согласно некоторым данным, количество представителей китайского населения, которое проживает за рубежом, достигает 60 – 70 млн. человек [1. С. 63]. Однако стоит отметить, что большую численность (28,2 млн. человек) и наиболее долгую историю имеют китайские общины Юго-Восточной Азии. В одной лишь Индонезии проживает около 7 млн. китайцев. Проблема присутствия китайских мигрантов на территории Индонезии представляется чрезвычайно актуальной в силу того, что в настоящее время Индонезия – это одна из крупнейших стран АТР. Индонезия занимает лидирующие позиции в регионе и принимает активное участие в деятельности целого ряда региональных организаций, прежде всего, самой влиятельной — АСЕАН. Доказательством тому послужило успешное проведение Саммитов АСЕАН и ВАС в период 2011 года под председательством Индонезии. Проблема присутствия китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии и, в частности, в Индонезии, вызывает большой интерес у многих исследователей. Данную тему в своих работах освещали Е.С.Анохина «Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии»[1], И. Н. Золотухин «Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии»[2]. Кроме того, в китайских и индонезийских журналах и газетах был опубликован целый ряд статей, посвященных данной проблеме.

Основой образования китайской общины за рубежом считается «принцип крови», то есть любого китайца, независимо от того, как долго он прожил за границей (всю свою жизнь или же один год), принято рассматривать, как

представителя китайской нации. В научной литературе используется специальный термин «хуацяо», который переводится на русский язык следующим образом: «хуа» – Китай, китайский, «цяо» – эмигрант. «Соотечественники на материке, на Тайване, в Сянгане и Аомэне, а также заморские хуацяо – все они суть сыновья и внуки китайской нации» – это высказывание великого китайского революционера и деятеля Коммунистической партии Дэн Сяопина дает нам четкое представление о том, как само государство относилось к китайцам, находящимся за рубежом [7]. Так, правительство КНР усердно старалось вновь объединить нацию после 1949 года, когда произошел раскол Китая. После этого исторического события начали выделять особую группу эмигрантов – «соотечественников на Тайване»[6].

Миграция китайцев в страны ЮВА – это историческое явление, в котором можно выделить четыре этапа. Первый этап эмиграционной волны начался еще в XVII веке, когда европейские колонизаторы, имевшие под своим влиянием страны Юго-Восточной Азии, старались использовать дешевую китайскую рабочую силу для строительства портов и других объектов. Согласно некоторым данным, уже к XIX веку на данной территории проживало около 1,5 млн. представителей китайской нации [5. С. 65].

С середины XIX века начинается второй период, который характеризуется активной миграцией китайских чернорабочих. Подобная ситуация была вызвана в результате Второй Опиумной войны (1856-1860 гг.), в которой Китай был полностью разгромлен великими державами Англией и Францией. Правительство проигравшего Китая было вынуждено предоставить колонизаторам необходимую им наемную силу для проведения работ на плантациях и шахтах в их колониальных владениях в Юго-Восточной Азии. Так, к 1920 году число китайцев в данном регионе возросло до 5 млн. человек.

Следующий этап китайской миграции длился с 1920 г по 1980 годы. В это время наблюдались явные успехи в экономической сфере: рост инвестиций с Запада, создание современного по тем оценкам промышленного экономического сектора [9. С. 13]. Но, если, начиная с 1940-х до 1950-х годов, количество китайских диаспор за рубежом возрастало и число представителей достигло 10 миллионов, то уже с 1950-х годов такая массовая миграция китайского населения в страны ЮВА впервые за несколько столетий приостановилась. Связано это было с тем, что Коммунистическая партия Китая стала рассматривать эмигрантов в качестве враждебно настроенной буржуазии и приняла решение о запрете осуществлять миграцию за рубеж. Несмотря на столь жесткие условия, китайские общины все равно продолжали существовать на территории стран Юго-Восточного азиатского региона и лишь путем естественного прироста, число представителей китайского населения достигло 20 миллионов. В 1990-е годы самые многочисленные диаспоры были сосредоточены в Индонезии, Малайзии и Сингапуре [2].

Четвертая волна или «новая» волна китайской миграции с 1980-х годов характеризуется тем, что хуацяо, которые эмигрировали в это время, очень отличаются от своих предшественников. Во-первых, это обусловлено тем, что представители китайской нации за границей уже не исполняют роль наемной силы. Хуацяо начинают энергично занимать доминирующие позиции в бизнесе и торговой сфере на территории развивающихся и развитых стран ЮВА. Развитие экономического сотрудничества КНР со странами Юго-Восточной Азии в рамках региональной организации АСЕАН также стимулирует рост данной миграции. Во-вторых, китайские иммигранты за рубежом, в основном, представлены элитами, образованными слоями китайского общества. Сложившаяся ситуация, действительно, способствует

экономическому развитию КНР, потому что хуацяо могут активно участвовать в проектах, которые связаны с поступлением иностранных инвестиций в Китай. Неотъемлемым фактором роста данной миграции стало и изменение курса внешней политики КНР. Как известно, еще в 1980-е годы китайское правительство рассматривалось многими странами как яростный защитник коммунистической идеологии, которое нередко поддерживало военные восстания под руководством коммунистов против правительственных сил стран ЮВА, предоставляя военное оружие. Однако с 1978 года Китай стал проводить новый внешнеполитический курс, нацеленный на укрепление дружественных отношений и на развитие плодотворного экономического сотрудничества со своими соседями. 1990 год ознаменован важным историческим событием – визит премьер-министра Государственного совета КНР Ли Пэна в столицу Индонезии Джакарту, в ходе которого были официально восстановлены дипломатические отношения с Индонезией. Правительство Китая заявило о том, что хуацяо, проживающие на территории Индонезии, признаются лишь гражданами Индонезии, не имея право на двойное гражданство [6].

Китайские представительства на территории Юго-Восточной Азии, действительно, обладают схожими чертами, но обычно специалисты классифицируют их в рамках нескольких моделей: неассимилировавшиеся диаспоры (Малайзия), ассимилировавшиеся (Таиланд, Вьетнам и на Филиппины), а также диаспоры, которые откровенно занимают лидирующие позиции (Сингапур) [1. С. 65]. Хуацяо Индонезии относят к первой модели. Это обусловлено политикой, проводимой индонезийским правительством, по отношению к китайскому населению. После того, как Индонезия обрела независимость в 1945 году, все старания властей были направлены на создание чистой индонезийской нации, исключая, тем самым, китайское население и создавая

так называемый китайский анклав. Не стоит забывать, и о религиозном факторе. Известно, что большая часть населения Индонезии – мусульмане, а китайцы, в основном, исповедуют христианство. Поэтому невозможность заключать межэтнические браки в связи с разными религиозными верованиями приводит к низкому уровню ассимиляции.

В целом, в рамках китайской диаспоры в Индонезии можно выделить две группы: «перанакан» – это основная группа, потомки поселенцев, которые поселились на этой территории еще до середины XX века, и «тоток» – представители китайской нации в первом и втором поколении. Хуацяо первой группы «перанаканы» своим родным языком считают индонезийский и являются практически ассимилированной группой в индонезийском обществе. «Тоток» говорят на китайском языке и очень активно продвигают и развивают китайскую культуру. Отметим, что понятие «перанакан», которое впервые появилось в Индонезии, также начало использоваться исследователями и в более широком значении [1. С. 62]. Многие специалисты так называют детей, которые были рождены в результате смешанного брака между индонезийцами и этническими китайцами. Таким образом, понятие «перанакан» получило широкое распространение в Юго-Восточной Азии (Малайзии, Сингапуре и других странах).

С целью более подробного исследования проблемы, стоит изучить историю миграции хуацяо в Индонезию. Известно, что еще в XV – XVI веках европейские колонизаторы Нидерландов, Франции и Великобритании стали интересоваться территорией индонезийского архипелага. С 1610 г. голландцы в жесткой борьбе с Великобританией и Португалией стали объединять под своей властью эти территории. В начале XX столетия практически вся территория современной Индонезии вошла в состав так называемой Нидерландской Ост-Индии. Многие

исследователи полагают, что именно в этот период китайские иммигранты начали активно проникать сюда и сосредоточили в своих руках торговлю этой части региона. Интересно то, что некоторые историки высказывают теорию по поводу того, что ислам в Индонезии зародился как раз благодаря китайским торговцам-мусульманам хуэйцзу [2. С. 159]. Однако нередко встречается в литературе и предположение о том, что первыми, кто начал проповедовать исламскую культуру на данной территории были представители индийского населения из Гуджарата. Естественно, европейцы всячески поддерживали китайскую диаспору в этом регионе. Голландские колонизаторы дали талантливому хуацяо возможность свободно развиваться в экономической сфере, наделили их широкими правами собственности, правом арендовать большие земельные участки на острове Ява. Тем самым, правительство Нидерландов обеспечило благоприятные условия для стремительного экономического роста данного региона в целом. Однако коренное население явно было недоволено их положением в обществе, потому что голландские колонизаторы также позволяли китайцам эксплуатировать местных индонезийцев. В результате сами индонезийцы оказались в зависимости от прибывших в Индонезию хуацяо, которые контролировали на тот момент весь сельскохозяйственный сектор.

Голландцы, таким образом, заручились твердой поддержкой китайцев в вопросах колониализма. Ситуация, которая складывалась на тот период, никак не могла способствовать ассимиляции китайского населения, а лишь наоборот, усиливала существующие негативные настроения со стороны индонезийцев. Нередко между хуацяо и местным населением возникали конфликты на этнической почве.

Во время колониального господства Нидерландского правительства в Индонезии наблюдалась самая крупная волна миграции китайцев. Среди них были не только торговцы, но и

бедные рабочие, которые трудились на сахарных плантациях Батавии. Постепенно Батавия стала центром осуществления торговли между Индонезией, Китаем и Индией. Европейцы старались регулировать число иммигрантов в ЮВА, вводя жесткие ограничения для китайцев, однако нелегальный ввоз рабочих-кули все же продолжался. Так, уже к 1740 году количество этнических китайцев на территории Индонезии составляло приблизительно 50% от общего населения страны [11. С. 112], что вызывало острое недовольство местного населения. Обстановка накалилась до предела, и в 1740 году произошла кровавая резня в Батавии. Это историческое событие было обусловлено следующими причинами: в 20-х годах XVIII века объемы производства сахара очень возросли, европейский рынок, действительно, был перенасыщен этим продуктом. На протяжении нескольких лет поставщики с острова Ява были главными партнерами европейских предпринимателей, однако бразильский сахар оказался более дешевым, поэтому индонезийские частные компании не выдержали столь серьезной конкуренции и многие обанкротились. В итоге огромное число рабочих хуацяо попали в безвыходное положение, оставшись без работы. Попытки голландского правительства направить китайских рабочих на плантации Цейлона встретили яростное недовольство представителей китайской диаспоры. Это повлекло за собой всплеск мятежей китайской части населения, которые очень часто перерастали в откровенные разбои и убийства.

9 октября 1740 года голландские власти предприняли кардинальные меры. Был издан приказ о законном обыске всех домов Батавии, где проживали китайцы. В течение трех дней индонезийские солдаты, заручившись поддержкой нидерландских властей, поджигали жилища хуацяо, обстреливали из пушек дома и больницы, где находились китайцы. В результате около 10 тысяч представителей

китайской нации были жестоко убиты, а данное событие, связанное с резней китайцев, нередко осуждалось и оценивалось в качестве неправомерного действия со стороны голландских и индонезийских властей. Но даже этот кровавый эпизод не смог полностью остановить китайскую миграцию в Индонезию.

К началу XX века ситуация начала явно улучшаться: некоторые китайцы стали охотно ассимилироваться в индонезийском обществе, однако не переставали поддерживать контакты с Китаем, создавались китайские политические партии и в печать выходили китайские периодические издания. Во время событий 1940-х годов хуацяо приняли активное участие в поддержании индонезийской армии, которая боролась против японских оккупантов. Китайцы предоставили не только людские ресурсы, но и обеспечили индонезийских солдат оружием и продовольствием.

После получения в 1945 году независимости к власти в Индонезии пришел президент Сукарно. Его правление характеризовалось чрезвычайно жестким отношением к китайскому населению, проживающему на территории страны. К 1950 году все розничные магазины в Индонезии принадлежали перанаканам. Индонезийские предприниматели не могли конкурировать с ними в экономической сфере, поэтому под давлением роста недовольства коренного населения, правительство вводило ограничения на китайских импортеров и розничных торговцев. Главной целью Сукарно стало создание чистой индонезийской нации, поэтому, начиная с этого момента, в стране проводилась открытая дискриминационная политика по отношению к китайцам, а репрессии Сукарно привели к многочисленным жертвам среди представителей китайской диаспоры. В 1966 году прошла волна массовых гонений на этнических китайцев, в итоге которой погибло огромное количество проживающих там

хуацяо. Проблема получения индонезийского гражданства китайцами также стояла очень остро, потому что в течение 1960-х годов условия его приобретения были настолько жесткими, что около половины представителей китайской диаспоры жили на этой территории, не имея никакого гражданства. Многим китайцам было предложено поменять свои имена и фамилии на индонезийские. Закрытие китайских школ и введение запрета на китайскую прессу безоговорочно подводило черту между местным населением и хуацяо. Присутствие китайцев в политической, экономической и культурной сферах значительно сократилось. Исследователи расценивали проводимую политику Сукарно как целенаправленный культурный геноцид, и все мировое сообщество открыто осуждало все действия, которые предпринимались индонезийским правительством. Некоторые представители китайской диаспоры так и не смогли примириться с дискриминацией в их отношении, и были вынуждены покинуть Индонезию.

Уже в начале 1990-х годов премьер Госсовета КНР Ли Пэн предпринял первые попытки восстановить отношения с Индонезией на дипломатическом уровне, совершив визит в Джакарту. Был подписан меморандум о взаимопонимании по восстановлению дипломатических отношений от лица своих правительств. Были сделаны важнейшие шаги в целях улучшения взаимоотношений между двумя странами: китайское правительство заявило о том, что китайцы имеют право иметь лишь одно гражданство, соответственно, хуацяо, проживающие на территории Индонезии, уже не признаются гражданами КНР.

В 1998 году с отставкой президента Сукарно был отменен введенный им жесткий режим и все репрессии в отношении хуацяо были остановлены. Представители китайской диаспоры считались уже полноправными гражданами Индонезии. В 1997-1998 годах, когда страны

ЮВА переживали финансовый кризис, китайское правительство проводило грамотную внешнюю валютную политику, учитывая интересы и возможности этих стран. Китай набирал мощь и в экономическом, и в политическом плане, поэтому его роль в АТР заметно возрастала [3. С. 45]. Власти КНР с большей активностью начали поддерживать стабильность и мир в данном регионе. Индонезия не была исключением, и с 1998 года китайская культура снова вернулась в эту страну. Так, изучение китайского языка, литературы, искусства стало очень популярным, был снят запрет на преподавание китайского языка, а также было разрешено показывать программы на путунхуа на индонезийском телевидении.

В 1999 году индонезийско-китайские отношения продолжали динамично развиваться во всех направлениях. А в 2003 году президент Мегавати Сукарнопутри китайский Новый год объявила национальным праздником Индонезии.

В наши дни хуацяо в Индонезии занимают лидирующее положение в экономической и торговой сферах страны, проявляют себя как успешные бизнесмены и предприниматели. Правительство КНР, в свою очередь, способствует развитию подобной ситуации, всячески поощряя инвесторов-хуацяо, предоставляя им льготы и привилегии. Отметим, что представители китайской общины в Индонезии, в основном, осуществляют свою деятельность в экономике и не имеют возможности полноценно регулировать политическую структура страны, потому что их присутствие во властных образованиях практически незаметно. Однако посредством экономического участия в жизни страны хуацяо могут оказывать давление и на ее политическую составляющую. Так, влиятельные хуацяо-бизнесмены уверенно лоббируют собственные политические интересы в индонезийском обществе. Китайское правительство также делает все возможное для того, чтобы индонезийцы имели

положительное представление о КНР. Конкурируя с Западом в плане завоевания расположения стран ЮВА, КНР акцентирует внимание на культурной близости и азиатской общности с этими странами, утверждая о том, что намного лучше понимает проблемы данного региона и действительно может найти эффективные способы их решения. Таким образом, одним из важнейших инструментов «мягкой силы» китайских властей является присутствие хуацяо на территории Индонезии и их оживленная деятельность.

Таким образом, роль хуацяо в Индонезии велика и заметна, особенно в экономической области. На современном этапе под контролем этнических китайцев находятся самые крупные конгломераты в стране. В их число входят такие широкомасштабные объединения, как Salim Group (пищевая компания), Bogasari (компания по производству муки), Lippo Group (конгломерат, контролирующий инвестиции в финансовую, энергетическую области, в сферу здравоохранения, средств массовой информации и информационных технологий), Astra International (автомобильная компания), Gudang Garam (компания, специализирующаяся на сигаретном бизнесе) [9]. Согласно некоторым статистическим данным, в Индонезии существует около 30-40 мощных конгломератов, но лишь 6-7 из них принадлежат коренным жителям, то есть этническим индонезийцам. Экономический вес, которым обладают китайцы в Индонезии, может служить и своеобразным рычагом в осуществлении политической деятельности. Поэтому исключать политическое давление иммигрантов, которые имеют возможность продвигать свои собственные интересы в этой стране, не стоит. Необходимо отметить и то, что Индонезия является одним из сильнейших членов мощной региональной организации АСЕАН, поэтому правительство КНР старается проводить внешнюю политику, ориентированную на сближение с таким влиятельным игроком

международных отношений, как Индонезия, а также развивать тесное сотрудничество в различных сферах. Так, в 2012 году были установлены отношения стратегического партнерства между Китаем и Индонезией. Встреча президента Индонезии, руководителя Демократической партии Сусило Бамбанга Юдойоно и члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ли Чанчуня прошла в дружественной атмосфере взаимопонимания. Оба представителя заявили о том, что это событие стало началом нового этапа в истории индонезийско-китайских отношений, выразили желание способствовать развитию двусторонних отношений и стремление достичь плодотворных результатов. Безусловно, в нынешней ситуации, когда происходят серьезные и не всегда желаемые перемены в мире, партнерские отношения занимают важнейшее место в жизни государств.

Представители двух стран договорились о необходимости осуществлять поддержку в сфере гуманитарных контактов, согласились способствовать взаимному укреплению политического доверия и развитию торгово-экономических связей, решили расширить и углубить сотрудничество в межпартийной деятельности, а также пришли к заключению о том, что необходимо осуществлять четкую координацию взаимных позиций в рассмотрении целого ряда международных и региональных вопросов. Президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно в своей речи заявил: «Индонезийская сторона выразила свою готовность к дальнейшей интенсификации межпартийных связей с Китаем, активизации процесса обмена опытом государственного управления с целью оказания содействия процессу модернизации двух стран» [13].

Список литературы:

- [1] *Анохина Е. С.* Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 8. С. 62-65.
- [2] *Барач Денеш.* Дэн Сяопин. Международные отношения, 1989. С.282
- [3] *Золотухин И. Н.* Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена. 2011. № 2. С. 157-163.
- [4] *Канаев Е. А., Курилко А.* Юго-Восточная Азия в условиях мирового финансово-экономического кризиса // Мировая экономика и международные отношения, 2010. № 2. С. 38-46.
- [5] *Каплан Р.* География китайской мощи // Россия в глобальной политике. 2010. № 4. С. 50-71.
- [6] *Колдунова Е.В.* Юго-Восточная Азия: новые тенденции регионального развития // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Идеология, история, культура, политика, экономика. Выпуск XII (ЮВА 2008-2009 гг.). - М.: Институт востоковедения РАН, 2009. С. 54-66.
- [7] *Материалы международной конференции «Взаимодействие российской диаспоры с другими этническими диаспорами ЕС, имеющими серьезный опыт защиты своих прав и продвижения своих интересов в европейских странах».* Брюссель, 2008 г. стр. 18.
- [8] *Хохлова Н.И.* Основные направления внешней политики Индонезии и перспективы ее развития по итогам первого президентства С.Б. Юдойоно // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4. С. 54-60.

- [9] ASEAN-China Free Trade Area. Paper for presentation at the AEP Conference // Singapore Institute of International Affairs, 2004. 18 p.
- [10] *Atje R., Gaduh Arya B.* Indonesia-China Economic Relations: An Indonesian Perspective // Hong Kong University: The center of Asian Studies, 1999. 24 p.
- [11] *Chandra A. C., Lontoh L. A.* Indonesia-China Trade Relations: The deepening of economic integration amid uncertainty? // International Institute for Sustainable Development, 2011. 15 p.
- [12] *Chua C.* Chinese Big Business in Indonesia. L.: Routledge, 2008. 176 p.
- [13] *Zhuang Guotu, Wang Wangbo.* Migration and Trade: The Role of Overseas Chinese in Economic Relations between China and Southeast Asia // International Journal of China Studies, 2010. Vol. 1, No. 1. P. 174-193.
- [14] Новостное агентство Синьхуа. Ли Чанчунь: развитие китайско-индонезийских отношений стратегического партнерства имеет большое значение. URL: <http://www.cntv.ru/2012/04/27/ARTI1335513503092908.shtml>

МЕСТО АСТРОПОЛИТИКИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ ИНДИИ

Бирюкова Д.Р.*

Космическая программа любого государства – это источник национальной гордости и престижа. Однако, как и любая медаль, она имеет две стороны. Так, с одной стороны, космическая деятельность государств порождает сотрудничество и здоровую конкуренцию, стирая напряженности в отношениях между участниками на международной арене. Как заметил в 1959 г. президент США Л. Джонсон: «Люди, которые работали вместе, чтобы достичь звезд, вряд ли вместе спустятся в глубины войн и взаимного уничтожения» [8]. Но, с другой стороны, реализация космической программы одного государства может быть направлена против его врагов. Таким образом, с момента своего создания, космические программы были связаны с расширением двух сфер государственной деятельности: внешней политики и национальной безопасности. Сотрудничество в космосе сегодня – это политический ход, направленный на защиту национальных интересов. В данной статье автор делает ретроспективный анализ эволюции космической программы Республики Индия в контексте ее значимости во внешнеполитическом курсе страны.

При изучении древних писаний на санскрите может сложиться впечатление, что перед нами – свидетельство знакомства древних с технологиями освоения космоса. В зависимости от перевода, там можно увидеть фантастическое произведение, индийский эквивалент библейскому Апокалипсису и даже инструкцию по использованию

* **Бирюкова Диана Рустамовна.** – студентка 4 курса кафедры ТИМО.
Научный руководитель - к.и.н., доцент К.П. Курылев

летающих «виманов» (с санскрита – «колесница»). В любом случае, тексты на санскрите являются самым ранним письменным источником упоминания нечто похожего на летательный аппарат [19].

Индийская астрономия достигла своего пика в V в., когда астроном и математик Ариабхата за тысячу лет до европейцев предположил, что Земля вращается вокруг Солнца [1. – Р.141]. Продолжительный период нашествий и колониальных завоеваний привел к упадку науки в Индии. Однако оружие, которое использовали индийцы в конце XVIII в. в борьбе с англичанами, было подобием боевых ракет – железные трубы, прикрепленные к бамбуковым шестам, имевшие дальность полета более одного километра [9]. Считается, что в Индию они попали из Китая. Образцы этих ракет были привезены в Великобританию, после чего во время Пиренейских войн с Наполеоном англичане впервые в истории имели на вооружении ракетные войска.

После обретения независимости в 1947 г. первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру провозгласил концепцию служения науки на благо построения новой Индии. Он утверждал, что «только развитие науки может решить проблемы голода и бедности, антисанитарии и безграмотности, религиозных предрассудков и вымирания национальных традиций, истощаемости природных ресурсов, а также другие проблемы богатой страны, жители которой ужасно голодают» [1. – Р.141].

С обретением независимости помимо внутренних проблем обнажилась проблема спорных территорий с соседними Пакистаном и Китаем. Индия была вынуждена вступить в региональную гонку вооружений, что естественным образом отразилось на развитии ракетостроения.

Одним из архитекторов нового государства стал «Циолковский Индии» [9] – Викрам Сарабхай, отец индийской космической программы. Вокруг него с детства царил крайне

политизированная атмосфера. Сарабхай был частью элиты, которая привела Индию к независимости, он лично встречался с лидерами партии Индийский национальный конгресс, в том числе с Джавахарлалом Неру. Поэтому, когда в 1957 г. состоялся запуск первого искусственного спутника Земли, Сарабхай незамедлительно написал письмо индийскому правительству, где настаивал, что среди приоритетов Индии должно быть и строительство собственного космического аппарата. К тому времени СССР и США уже вступили на путь лунной гонки, и возник вопрос о том, в каком направлении должна развиваться Индия как космическая держава. Сарабхай убеждал, что Индия должна создать собственную космическую программу, которую в 1961 г. он представил на суд индийскому правительству. Нужно отметить, что на протяжении всей истории независимой Индии, проекты по освоению космического пространства всегда находили поддержку у высшего руководства страны, что, безусловно, говорит о той высокой роли, которую занимает космическая деятельность в контексте становления Индии как важного игрока на мировой арене.

В августе 1962 г. правительством Индии был учрежден Индийский национальный комитет по космическим исследованиям (Indian National Committee for Space Research – INCOSPAR) во главе с Викрамом Сарабхай. Формально индийские космические исследования теперь осуществлялись в рамках ИНКОСПАР, находившегося в ведении индийского Управления по атомной энергетике, занимающегося вопросами индийской ядерной программы. Фактически же руководство над реализацией индийской космической программы осуществлялось в Лаборатории физических исследований в Ахмедабаде, которую в 1947 г. основал Викрам Сарабхай по возвращению из Европы [1. – Р.143]. Перед ИНКОСПАРом же стояла задача информировать правительство о проводимых космических исследованиях,

способствовать международному сотрудничеству и участвовать в международной деятельности. Отсюда можно сделать вывод, что с самого начала вопросы освоения космического пространства индийской республикой имели стратегическое значение наравне с ядерной составляющей страны на международной арене.

При поддержке американского и французского космических агентств 21 ноября 1963 г. Индия запустила свою первую звуковую сигнальную ракету [1. – Р.147]. Однако на международном уровне это событие осталось в тени убийства американского президента Дж. Кеннеди на следующий день. Тем не менее, уже через четыре года с полигона в Тхумбе (Thumba Equatorial Rocket Launching Station – экваториальная станция запуска ракет, штат Керала) в небо поднялась первая полностью построенная в Индии звуковая сигнальная ракета «Рохини-75» (в честь одного из индуистских богов).

В 1968 г. в австрийской столице прошла первая конференция ООН по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях. Здесь Викрам Сарабхаи призвал развивающиеся страны использовать достижения в области космических исследований как способ избавиться от бедности и зависимости и, более того, как возможность сделать резкий технологический скачок вперед [1. – Р.152]. Именно в космосе, индийское правительство продолжает искать спасение от насущных земных проблем.

В этот период близким другом Викрама Сарабхаи становится японский ученый Хидео Итокава – отец японской космонавтики [6]. Впоследствии он был приглашен стать советником по реализации индийской космической программы на официальном уровне. На протяжении всей истории Индия и Япония, будучи естественными союзниками (начиная буддизмом и заканчивая интересами в обеспечении безопасности в Индийском океане), проявляли друг к другу исключительно теплые дипломатические отношения. Обе

страны являются бедными с точки зрения наличия углеводов, поэтому они заинтересованы в обеспечении стабильных поставок энергоресурсов из стран Персидского залива, а, следовательно, в безопасности транспортных путей. Так, в контексте региональной безопасности, сотрудничество в сфере космических исследований, на взгляд автора, является краеугольным камнем в индийско-японских отношениях.

В 1972 г. индийскую космическую программу возглавил Сатиш Дхаван, назначенный премьер-министром Индирой Ганди руководителем Индийской организации космических исследований (Indian Space Research Organization – ISRO), поглотившей еще в 1969 г. ИНКОСПАР. Дхаван так определил принципы работы данного института: «В космических областях для нас важно быть в курсе последних достижений и развиваться в ногу со временем, так как мы имеем возможность занимать место среди передовых стран мира. Мы все еще вынуждены полагаться на импорт готовых изделий, но нет причин, почему мы не должны нацеливаться на полную самостоятельность в космической технике» [9]. В середине 70-х гг. XX в. индийская космическая деятельность особенно привлекала умы не только уехавших за границу специалистов, но и местной молодежи. Тридцать университетов по всей стране принимали участие в государственных проектах по исследованию космического пространства.

В 70-х гг. XX в. на международной арене наметились позитивные тенденции к разрядке напряженности. Советский Союз активизирует свою внешнюю политику во многих направлениях, в том числе и индийском. Необходимо отметить, что СССР всегда очень дружелюбно относился к индийской республике и оказывал ей поддержку по широкому кругу вопросов. В 1971 г. обострилась ситуация в Восточной Бенгалии, и Москва открыто заявила, что будет содействовать Индии в разрешении конфликта, вышедшего за пределы

Пакистана, дипломатическими средствами [16. – С.103]. Американско-индийские отношения в этот период резко ухудшаются. Причина тому – оказание Вашингтоном политической и экономической помощи Исламабаду. Несмотря на официально нейтральную позицию США, американское руководство выступило с заявлением, в котором обвинило Индию во «враждебных действиях» [15 – С.85]. На сторону Пакистана встало и руководство КНР, Пекин даже направил в Восточную Бенгалию китайских военных. В таком естественном политическом контексте Москва и Нью-Дели ускорили процесс заключения двустороннего Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, который 9 августа 1971 г. подписали А.А. Громыко и С.Сингх [16 – С.103]. В целом договор подтвердил существующие политические курсы СССР и Индии и стал правовой основой для дальнейшего многостороннего развития советско-индийских отношений.

Поэтому, когда встал вопрос о конструировании и последующем запуске собственного спутника, Индия вполне естественно обратилась за помощью именно к СССР. И уже 10 мая 1972 г. было подписано советско-индийское соглашение, предусматривающее осуществление запуска индийского спутника Советским Союзом, с одной стороны, и использование индийских портов для размещения советских судов, предназначенных для запуска звуковых сигнальных ракет, с другой [1. – Р.159].

Первый индийский спутник получил название «Ариабхата», в честь того самого астронома и математика, жившего в V в. Запуск «Ариабхаты» состоялся 19 апреля 1975 г. с советского космодрома Капустин Яр с помощью советской ракеты-носителя «Космос-3М» [1. – Р.164]. Таким образом, Индия «шагнула» в космос.

Второй индийский спутник «Бхаскхара», названный так в честь индийского астронома, жившего в VII в., был запущен 7 июня 1979 г. также с космодрома Капустин Яр. Спустя два

года, 20 ноября 1981 г., СССР вывел на околоземную орбиту третий индийский спутник «Бхаскхара-2» [1. – Р.164].

Несмотря на очевидный успех, Индию не устраивало положение, зависимое от советских ракет-носителей, и Индийская организация космических исследований начала разработку собственного проекта. За основу был взят «Скаут» – американская ракета-носитель для вывода на околоземную орбиту малых спутников. Проект возглавил Абдул Калам – будущий президент Индии в 2002-2007 гг. Конструирование индийской спутниковой ракеты-носителя (Satellite Launch Vehicle – SLV) началось в 1973 г. Аппарат представлял собой четырехступенчатую ракету, 85% деталей которой было изготовлено в Индии [9]. Хотя SLV была крошечных размеров, она имела огромное значение для развития Индии как космической державы. Кроме того, этот аппарат привлекал внимание ведущих космических игроков на международной арене.

Свою помощь в реализации проекта предложили американцы, устроив индийцам экскурсию на космодром на о. Уоллопс у восточного побережья штата Виргиния. Индийские специалисты могли увидеть знаменитую ракету-носитель в действии. Позже, спустя десятки лет, этот факт позволил злым языкам говорить, что вся индийская космическая промышленность была полностью скопирована с американских аналогов. «Конечно, в этом есть доля правды, однако единственная «живая» ракета, которую мне показали американцы, потерпела аварию при запуске и грохнулась рядом с джипом главного администратора NASA!» – с иронией отвечал Абдул Калам на подобные утверждения [9].

Помощь предложила и Германия, предоставив для испытаний аппарата аэродинамическую трубу в своем экспериментальном аэрокосмическом центре [1. – Р.165].

Таким образом, достижения Индийской республики в космической отрасли достигли того уровня, что

международные акторы уже не могли просто наблюдать за ее деятельностью со стороны. Тем более что связи Нью-Дели и Москвы лишь крепили. Необходимо было контролировать процесс изнутри.

Для осуществления запуска выбрали остров Шрихарикота на юго-восточном побережье Индии, где построили космодром SHAR (Sriharikota Launching Range). Пусковые установки для полигона были куплены по цене металлолома в Австралии, после того как в начале 1970-х гг. там закрылся британский космодром Вумера [9]. Изначально первый самостоятельный запуск спутника Индии планировался в 1974 г., но первая попытка была осуществлена лишь 10 августа 1979 г. Первый удачный запуск состоялся 18 июля 1980 г. [1. – Р.169].

Спустя 8 лет после запуска своего первого спутника, Индия принимала в Бангалоре 39-й мировой конгресс Международной федерации аэронавтики. Здесь было представлено более 600 технических обзоров и докладов, приняли участие около 900 специалистов со всех концов света [1. – Р.172]. Индия стала еще одним мировым центром «космического знания».

Кроме того, в апреле 1984 г. Индия шагнула в космос в прямом смысле. Советский космический корабль «Союз Т-11» доставил на околоземную орбиту советско-индийский экипаж с первым космонавтом-индийцем Ракеш Шарма [1. – Р.234].

Подводя итог первого этапа развития индийской космической программы, необходимо отметить, что за этот период в Азии появились три новые космические державы – Япония, Китай и собственно Индия. Теперь же Индия столкнулась с проблемами, связанными с расширением баз, усовершенствованием оборудования и разработкой более мощных ракет-носителей. Кроме того, пришло время поставить космические технологии на эксплуатационную службу индийской экономике и сельскохозяйственному

развитию, ведь официально вся космическая программа была затеяна именно ради этих целей. Перед индийским руководством встала задача оправдать в глазах индийских граждан огромные денежные вливания в развитие космической отрасли страны.

Итак, этап практического использования космических достижений начался с создания спутника дистанционного зондирования Земли (Indian Remote Sensing satellite – IRS) и дальнейшего развития индийской спутниковой системы. IRS был слишком тяжелым для индийской ракеты-носителя, поэтому 17 марта 1988 г. IRS-1A был доставлен на орбиту советским аппаратом «Восток» [1. – P.177]. Благодаря данным, собранным этим спутником, было составлено 50 детальных карт Индии. IRS-1B стартовал в составе ракеты-носителя «Восток» 29 августа 1991 г. с космодрома Байконур [1. – P.177]. Приоритетом его исследований стало прогнозирование урожайности кофейных и чайных плантаций. 28 декабря 1995 г. советской «Молнией» на околоземную орбиту был доставлен более продвинутый третий спутник дистанционного зондирования Земли IRS-1C [1. – P.177]. Благодаря улучшенному разрешению и стерео визуализации это был спутник нового поколения. Передача информации шла не только на индийскую базу, но также в Южную Африку, Германию и на Аляску.

Спутники делали фотографии Земли такого качества, что на них можно было различить пассажирские самолеты, припаркованные в аэропортах. В 1993 г. Индия предоставила франшизу на продажу на мировом рынке фотографий с индийских IRS американской компании Earth Observation Satellite Company (EOSAT) [1. – P.177]. А в 1998 г. разрешение на получение данных с индийских спутников запросило японское национальное космическое агентство. Как уже упоминалось, в рамках освоения космического пространства в отношениях Нью-Дели и Токио всегда была только здоровая

конкуренция, в некоторой степени даже можно говорить о тандеме. Однако помимо причин, приведенных выше, усиливающийся на рубеже веков Китай также стал стимулом для индийско-японского сотрудничества.

Еще один проект был запущен в 1976 г. INSAT (Indian National Satellite System) – общее предприятие Департамента по космосу, Индийского метеорологического департамента, Департамента телекоммуникаций и Всеиндийской радиовещательной корпорации [1. – P.183]. Целью проекта было создание и запуск спутников связи и метеорологической спутниковой системы одновременно. В июле 1978 г. ISRO и NASA заключили соглашение, согласно которому американская сторона обязывалась с помощью своего космического аппарата «Space Shuttle» запустить INSAT [1. – P.184]. Амбициозный индийский проект совмещал в себе функции двух разных систем, что выходило дешевле. На первую серию спутников INSAT был разыгран тендер за границы, который выиграли Ford Aerospace и Space Systems Loral. INSAT-1A был выведен на орбиту 10 апреля 1982 г. с помощью американской ракеты-носителя «Delta». Также спутники первой серии были запущены в 1983, 1988 и 1990 гг. [1. – P.197].

Вторая серия спутников INSAT была построена дома, при незначительной поддержке извне, а для доставки на орбиту использовали европейскую ракету-носитель «Ariane». 10 июля 1992 г. INSAT-2A достиг околоземной орбиты. Последующие запуски этой серии состоялись в 1993, 1995 и 1999 гг. [1. – P.197].

В 1992 г. началась разработка спутников серии INSAT-3, первый из которых (INSAT-3B) был запущен 21 марта 2000 г. INSAT-3A поднялся в космос 21 апреля 2003 г. А 28 сентября 2003 г. европейская улучшенная ракета-носитель «Ariane-5» доставила на околоземную орбиту INSAT-3C [1. – P.197].

INSAT-4A и 4B были запущены 21 декабря 2005 г. и 11 марта 2007 г. соответственно [1. – Р.197].

Еще одним достижением индийской космической отрасли на данном этапе следует считать разработку криогенных технологий. В 80-90-е гг. XX в. индийское руководство обратилось за помощью к США и СССР. Российское предложение о передаче Индии уже испытанного криогенного двигателя и технологий его производства привело к контракту с «Главкосмосом» (именно эта компания занималась в то время продажей отечественных космических технологий зарубежным партнерам). Однако американское правительство использовало все свои рычаги давления, чтобы не допустить реализации этого договора. Принимая во внимание внутреннюю ситуацию в России в начале 90-х гг., российское руководство вполне очевидно, как собственно и во многих других сферах, пошло на уступки. И в 1993 г. Москва передала Нью-Дели лишь образцы жидкостного водородного двигателя. Но развитие индийской космической отрасли достигло такой скорости, что на тот период уже невозможно было довольствоваться достигнутым. Индийцы имели достаточно опыта, чтобы начать самостоятельные разработки криогенных технологий, и у них получилось. Первые испытания собственного кислородно-водородного двигателя прошли в 1998 г., а в январе 2007 г. тестам подверглась полностью укомплектованная криогенная ступень [9]. Именно эти технологии американское NASA помешало индийцам приобрести у России около 20 лет назад.

В начале XXI в., когда бесспорные лидеры в области освоения космического пространства, очевидно, сдают свои позиции (руководство США в 2011 г. свернуло программу «Space Shuttle» и заморозило программу «Constellation» [21. – С.12], а Россия с 1982 г. никак не реализует полномасштабно проект ГЛОНАСС [21. – С.35]), а развивающиеся страны

вступили на путь второй космической гонки, Индия перешла на новый – третий – этап развития собственной космонавтики.

На сегодняшний день Индия является одной из немногих стран, не только имеющих свои космические программы в теории, но и способных выводить на околоземную орбиту спутники различных назначений (метеоспутники, космические аппараты зондирования земли, ее картографирования и, конечно, геостационарные спутники связи). А уникальность именно индийского подхода к космосу заключается в том, что достижения в этой области помимо индийского имиджа на международной арене также служат на благо социального развития Индийской Республики. Взять хотя бы образование, благодаря собственным спутникам Индия имеет сотни центров дистанционного обучения в деревнях на территории всей страны. А перспектива использования телемедицины позволит повысить уровень здравоохранения в стране – Индия будет не только первым экспортером фармацевтических препаратов в мире, но также сможет обеспечить свободный доступ к медицинским услугам своих граждан вне зависимости от места их проживания и уровня доходов.

Тем не менее, несмотря на все успехи, Индия пока так и не реализовала свои астрополитические цели: 1) добиться регионального политического лидерства и 2) создать систему региональной безопасности в Азии в контексте национальных интересов.

И вот в 2002 г. в Индии заговорили о покорении Луны. Ранее только США, Россия и Япония осуществляли лунные миссии. В контексте новой космической гонки полеты к единственному естественному спутнику Земли возобновились в космических программах Индии, Китая и Европейского Союза.

В августе 2003 г. проект, подготовленный специальной рабочей группой, был одобрен премьер-министром Индии

Атал Бихари Ваджпаи. Руководителем проекта под названием «Чандраян» (с санскрита – «лунный корабль» [14]) был назначен Милашвами Аннадураи [1. – Р.215].

Как только первый «Чандраян» был готов к запуску, индийцы приступили к подготовке второй лунной миссии «Чандраян-2», назначенного на 2012 г. (совпадение или нет, но на этот же год планировалась вторая китайская лунная миссия). Целью «Чандраян-2» провозглашалась посадка на луну передвижного транспортного средства. Индия обратилась за сотрудничеством к стране, имеющей единственный опыт запуска автоматических лунных передвижных транспортных средств, – России. В ноябре 2003 и 2007 гг. были подписаны российско-индийские соглашения, согласно которым «Роскосмос» обязывается предоставить лунное передвижное транспортное средство, а ISRO – ракету-носитель, орбитальный и посадочный аппараты [1. – Р.217].

Одурманенная быстрым развитием событий, Индия вскоре объявила о программе «Чандраян-3», запланированной на 2015 г. [1. – Р.217]. Здесь уже индийцы идут на опережение Китая. Такой интерес к Луне со стороны Индии и Китая, по-видимому, объясняется неофициальной гонкой между двумя государствами за влияние в азиатском регионе, лунные миссии как результат этого соперничества.

17 октября 2006 г. на стол премьер-министра Индии лег доклад, подготовленный специалистами ISRO, о возможности отправки индийских гаганавтов (с санскрита «гаган» – «небо» [9]) в космос в 2015 г. Руководитель ISRO Мадхаван Наир заявил: «Я не думаю, что мы можем позволить себе пропустить эту гонку. Мы должны быть в самом центре событий» [9]. Согласно заявлениям премьер-министра Манмохана Сингха, уже в 2016 г. Индия планирует запустить собственный пилотируемый космический корабль, что «автоматически сделает ее четвертой космической сверхдержавой в мире» [10]. А если грандиозным индийским

планам суждено сбыться, то уже в 2020 г. нога индийца может ступить на лунную поверхность [10].

Научно-техническое сообщество Индии, а также интеллектуальная элита страны с восторгом встретили данный проект. Президент Индии Абдул Калам, некогда сам занимавшийся космонавтикой, также поддержал данную инициативу. В международном политическом и стратегическом контексте индийская пилотируемая космическая миссия представляет собой рассчитанный ход с целью повышения национального престижа. Кроме того, мировая пресса пестрит заявлениями о том, что планируемый Индией пилотируемый полет – это реакция на успехи Китая, включая выход в открытый космос в 2008 г. [7].

22 октября 2008 г. «Чандраян-1» наконец-таки был запущен [1. – P.218]. стала шестой космической державой, достигшей Луны после России, США, Японии, Европы и Китая. Примечательно, что на борту зонда находились как приборы индийского производства, так и иностранного, среди которых два американских, три европейских и один болгарский.

Еще когда «Чандраян-1» был только готов к запуску, официальные лица Индии заговорили о полете к Марсу. В сентябре 2007 г. на конференции Международной федерации аэронавтики, проходившей в Бангалоре, глава ISRO Мадхаван Наир заявил, что вскоре маленький индийский зонд может отправиться в марсианскую экспедицию вслед за японским «Nozomi» и планируемым китайским «Ying Yuo» [1. – P.217]. Летом 2012 г., во время празднеств по случаю 65-летия освобождения от англичан, премьер-министр Индии Манмохан Сингх объявил, что космическая экспедиция на Марс планируется 28 октября 2013 г. Однако в связи с некоторыми трудностями запуск аппарата MOM (Mars Orbiter Mission) перенесли на 5 ноября 2013 г. [11]. Основные цели индийской марсианской миссии заявлены следующие: с

научной точки зрения – исследование особенностей поверхности Марса, его морфологии, минералогии, а также атмосферы [4], а с технологической – цели «проектирования, планирования, управления и осуществления межпланетных миссий» [18].

Старт марсианского зонда «Мангальян» произошел успешно с полигона на Шрихарикоте с помощью ракеты-носителя PSLV-C25. Ожидается, что аппарат достигнет марсианской орбиты к сентябрю 2014 г. Здесь Индия вновь сыграла на опережение Китая, хотя КНР еще в 2011 г. unsuccessfully пыталась отправить свой спутник к Марсу. Однако, несмотря на сегодняшний успех, индийско-китайское соперничество проходит с явным перекосом в сторону Пекина. Основная причина, конечно, в финансировании проектов. Для сравнения космический бюджет Китая по оценкам западных специалистов в 2012 г. составил 5 млрд. долл., тогда как Индия потратила на космос около 1,3 млрд. долларов [13]. Кроме того, на сегодняшний день наблюдается существенная разница и в оборонно-промышленных комплексах стран. Однако преимуществом Индии перед Китаем являются большие возможности для международного сотрудничества, в том числе и с Западом. Возможно, что гонка КНР и Индии приведет весь мир к прогрессу, который наблюдался в период космической гонки СССР и США.

В случае успеха MOM, Индия продемонстрирует миру всю мощь своей космической отрасли, а также превосходство над своим главным конкурентом в регионе. Член российской академии космонавтики Ю.Ю. Караш так прокомментировал индийскую марсианскую миссию: «Если Индии удастся вывести свой аппарат на марсианскую орбиту, то это поднимет авторитет индийской науки и техники на ступень выше над наукой и техникой соседей» [17]. И пока в Индии отрицают стремление участвовать в космической гонке [2], тем временем в Пекине за несколько часов до старта «Мангальян» открылась

промышленная выставка, на которой самым обсуждаемым экспонатом стал китайский луноход. Кстати говоря, ведь сам запуск MOM был осуществлен в ущерб «Чандраян-2». Видимо, индийское руководство посчитало, что куда важнее опередить КНР в марсианской гонке, чем догнать ее в лунной.

Как заявил президент страны Пранаб Мукерджи, «Индия вступает в космическую гонку, чтобы через некоторое время стать такой же великой космической державой, как США, Россия и Китай» [12]. Однако оппозиционная коалиция Индии отчаянно критикует огромные денежные вливания нынешнего руководства в космические программы, тогда как индийское население страдает от инфекций и безграмотности. Кроме того, в 2012 г. у Индии был наименьший показатель экономического роста за последние годы. В то время как финансирование космической программы индийское правительство увеличило на 50% по сравнению с 2011 г. [10]. Согласно объективным подсчетам, MOM обошлось индийскому бюджету в 100 млн. долларов [10].

Индия это та страна, в «портфеле будущего» которой всегда будет множество интереснейших и перспективных проектов. Чего стоит только проект АВАТАР (AVATAR – Aerobic Vehicle for Hypersonic Aerospace Transportation) – многократный космический самолет, который будет доставлять на орбиту спутники и космических туристов [3]. Ожидается, что за период своей жизни одна такая космическая транспортная система сможет осуществить 100 подобных миссий, каждый раз возвращаясь на Землю и осуществляя посадку своими силами, как обычный самолет. Реализация проекта намечена на 2020 г. [14]. Также к 2020 г. Индия планирует запустить орбитальную миссию к солнцу «Aditya-1», вторую лунную миссию «Чандраян-2», орбитальную миссию к Венере и MOM-2 [2].

Глава ISRO Мадхаван Наир отметил, что необходимо сохранить «лидирующую позицию» Индии в космосе путем

реализации сложных космических миссий национального значения. Он также утверждает, что «в отношении космоса, Индия является развитой страной» [7].

Подводя итог, автор обращает внимание на то, что «индийский космос» – это особенное понятие, заключающее в себе национальную веру в великое будущее и незаменимый атрибут политической мощи государства на международной арене. При этом сотрудничество в рамках «космического клуба» и за его пределами является приоритетным для всеобъемлющей реализации идеи «индийского космоса».

Альянсы в контексте космического пространства стимулируют развитие экономики и систем региональной безопасности. Совместные инициативы в космосе могли бы вывести регион на новый уровень кооперации. Особое место здесь занимают взаимоотношения Индии и Пакистана. Правительства этих государств могли бы использовать сотрудничество в космосе для разрядки напряженности на Земле.

Особое внимание сегодня отводится индийско-американскому сотрудничеству в области освоения космического пространства. В 2004 г. более 500 индийских и американских политических деятелей и представителей промышленности встретились в Бангалоре, чтобы обсудить совместные исследовательские проекты, как NASA VSE (Vision for Space Exploration) [7]. Специалисты отмечают, что индийско-американский союз укрепился после событий 11 сентября. А успешное недавнее возвращение американки с индийскими корнями Суниты Уильямс, которая провела рекордные шесть месяцев на МКС, является таким символом нового этапа сотрудничества Вашингтона и Нью-Дели.

Когда США и Индия в 2005 г. подписали договор по ядерному сотрудничеству, а в 2010 г. закрепили его соглашением об условиях переработки индийскими предприятиями отработанного американского ядерного

топлива [23], многие восприняли этот шаг Нью-Дели как ориентация индийского внешнеполитического курса в сторону Вашингтона, а индийско-российские отношения, следовательно, будут напряженными. Однако Россия всегда демонстрировала лояльность по отношению к индийской республике: никогда не накладывала какие-либо санкции на Индию, не поставляла оружие в Пакистан. Конечно, в современном мире не существует сентиментальностей, и обе страны руководствуются прагматическими и экономическими соображениями во внешней политике. Тем не менее, несмотря на различные взгляды по определенным вопросам, в целом параллелизм в индийско-российских отношениях символизирует доверие, существующее между ними. Так, помимо военно-технической составляющей, космос является одной из приоритетных областей сотрудничества Москвы и Нью-Дели. Страны договорились совместно развивать и использовать в дальнейшем российскую глобальную навигационную систему ГЛОНАСС. Также партнеры договорились о совместной разработке спутника «Юность» для научно-образовательных целей [5].

В октябре 2013 г. состоялся 14-ый индийско-российский саммит. По заявлениям министерства иностранных дел индийской республики, подобные ежегодные встречи символизируют «особый и привилегированный характер двустороннего партнерства» [20]. Вице-премьер Д.О. Рогозин, говоря об итогах саммита, заявил, что до конца 2013 г. главы российского и индийского космических агентств встретятся для того, «чтобы выйти на новое соглашение» [22].

Акцентируя же внимание на азиатском регионе, важно понимать, что Китай и Япония наравне с Индией обладают взрывным потенциалом в контексте освоения космического пространства. С китайскими деньгами и рабочей силой, с индийскими достижениями в области информационных технологий и новыми системами запуска, с японскими

высокими технологиями и техническими возможностями такой союз привел бы к прорыву в области космических исследований. Однако на сегодняшний день государства пока не использовали возможность стратегической кооперации в этом новом значимом политическом пространстве. Несмотря на растущую роль Азии в общемировом политическом пространстве, индийско-японская или особенно индийско-китайская космические миссии на сегодняшний день представляются маловероятными. И единственным препятствием на пути у создания такого союза видится политическая воля этих государств и несовпадение их астрополитических целей. Что, на взгляд автора, является недальновидным в контексте нарастающей гонки вооружений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ведь сегодня космос – это политическое пространство, которое имеет огромный потенциал для сохранения мира на Земле.

Список литературы:

- [1] *Brian Harvey, Henk H.F. Smid, Theo Pirard*. Emerging Space Powers. The New Space Programs of Asia, the Middle East, and South America. – Praxis Publishing Ltd., Chichester, UK, 2010. – 624 p.
- [2] *Chaitanya Giri*. New Delhi's myopia beyond Mars // Indian Council on Global Relations «Gateway House»: [website]. URL: <http://www.gatewayhouse.in/new-delhis-myopia-beyond-mars/>
- [3] India Eyes New Spaceplane Concept // Space Daily: [website]. URL: <http://www.spacedaily.com/news/india-01i.html>
- [4] Indian Space Research Organization (ISRO): [website]. URL: <http://www.isro.org/pslv-c25/mission-objective.aspx>
- [5] *Nivedita Das Kundu*. President Putin's Visit to India // Institute for Defence Studies and Analyses: [website]. URL: http://idsa.in/idsastrategiccomments/PresidentPutinsVisittoIndia_NDKundu_300107

- [6] Prof. Itokawa, «The Father of Japanese Rocketry» / History of Japanese Space Research // Japan Aerospace Exploration Agency: [website]. URL: http://www.isas.jaxa.jp/e/japan_s_history/profito.shtml
- [7] *Radhakrishna Rao*. India's Manned Space Flight: Scope and Significance // Institute of Peace and Conflict Studies: [website]. URL: <http://www.ipcs.org/article/military/indias-manned-space-flight-scope-and-significance-2922.html>
- [8] *Scott Shackelford*. Space, Power and Politics in Asia // Institute of Peace and Conflict Studies: [website]. URL: <http://www.ipcs.org/article/military/space-power-and-politics-in-asia-2330.html>
- [9] *Афанасьев И., Воронцов Д.* «Гаган» – значит «небо» // Журнал «Вокруг света». – Август 2007.
- [10] *Василенков С.* Космические амбиции Индии – сказка или быль? // «Правда.Ру»: [сайт]. URL: http://www.pravda.ru/world/asia/southasia/17-08-2012/1125112-india_space-0/
- [11] Индия переносит старт своего марсианского аппарата на 5 ноября // Портал новостей высоких технологий и науки CyberSecurity.ru: [сайт]. URL: <http://www.cybersecurity.ru/space/183467.html>
- [12] Индия пообещала отправить миссию на Марс в октябре 2013 года // Полит.ру: [сайт]. URL: http://polit.ru/news/2013/02/25/ps_marscomingup/
- [13] *Кашин В.* Индия против Китая: кто победит в космической гонке? // Российская государственная радиовещательная компания «Голос России»: [сайт]. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_11_07/Indija-protiv-Kitaja-kto-pobedit-v-kosmicheskoy-gonke-1986/
- [14] Космическая программа Индии: от «Ариабаты» до «Чандраяна-1». Справка / «РИА Наука» // Сетевое издание «РИА Новости»: [сайт]. URL: <http://ria.ru/science/20081022/153630699.html>

- [15] Лунев С.И. Индия и США: межгосударственные отношения / АН СССР, Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1987. – С. 181.
- [16] *Никитина М.В.* Индийско-советские отношения: заключение договора о мире, дружбе и сотрудничестве // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2007. – №2. – С. 102-107.
- [17] *Павлищев Б.* Индия входит в марсианский клуб // // Российская государственная радиовещательная компания «Голос России»: [сайт]. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_11_05/Indija-vhodit-v-marsianskij-klub-6814/
- [18] Первый индийский марсианский зонд успешно выведен на орбиту Земли / РИА НАУКА // «РИА Новости»: [сайт]. URL: <http://ria.ru/space/20131105/974782129.html>
- [19] По следам тайны. Была ли ядерная война до нашей эры? Индийский след / Видео. Документалистика // Общероссийский государственный телеканал «Культура»: [сайт]. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/28975/video_id/187121
- [20] Премьер-министр Индии прибудет с визитом в Россию // «РИА Новости»: [сайт]. URL: <http://ria.ru/politics/20131020/971274991.html>
- [21] Россия и международная безопасность в космосе / Отв. ред. А.А. Кокошин; Научн. ред. А.Д. Богатуров. – М.: КРСАНД, 2013. – 272 С.
- [22] РФ предложила Индии участвовать в проекте ГЛОНАСС / РИА НАУКА // «РИА Новости»: [сайт]. URL: <http://ria.ru/space/20131021/971592163.html>
- [23] США и Индия подписали соглашение об условиях переработки ядерного топлива // «Вести» интернет-газета»: [сайт]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=382086>

ПОЛИТИКА ВЬЕТНАМА В АТР

Воронин А.С.*

Стратегическая задача развития Вьетнама на ближайшие десятилетия видится руководством страны в проведении в исторически сжатые сроки модернизации и индустриализации. В успешной реализации данного курса важное место отводится внешней политике. 11 съезд (январь 2011г) правящей компартии (КПВ) потребовал от внешнеполитической службы СРВ добиваться сохранения мирной обстановки, «проводить независимую, самостоятельную, многовекторную внешнюю политику; диверсифицировать, внешнеполитические отношения; инициативно и активно участвовать в международной интеграции»[1]. При этом современный этап интеграции понимается как не только расширение экономических связей и участие в глобальной кооперации, но и всестороннее сотрудничество с мировым сообществом в политике, науке и технике, образовании и культуре, в оборонной сфере.

Центральное место в реализации данного комплекса внешнеполитических задач отводится укреплению позиций СРВ в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Такой курс полностью отвечает жизненно важным национальным интересам. На АТР приходится 60% вьетнамского экспорта, 80% импорта и 75% иностранных туристов, посещающих СРВ. Из стран АТР в СРВ поступает 65% иностранных инвестиций[2].

СРВ последовательно проводит курс на расширение своего участия в многосторонних региональных структурах и механизмах безопасности и экономической интеграции,

* Воронин А.С. - с. н. с. , к.и.н., Института Дальнего Востока РАН

активно воздействуя на саму повестку дня их работы. Центральное место в этой политике отводится активному участию в формировании политического курса АСЕАН, направленного на создание к 2015 г. Сообщества в сфере политики и безопасности, в экономике и социально - культурной области; на укрепление роли Ассоциации как движущей силы в обеспечении мира, безопасности и развития в АТР.

Выступая на 23-м саммите АСЕАН в Брунее 9 октября 2013г., вьетнамский премьер Нгуен Тан Зунг призвал страны-члены Ассоциации выработать «Видение Сообщества на период после 2015 г». «АСЕАН должна стать политически сплоченным, экономически интегрирующим Сообществом. Она должна повышать свою роль центра в формирующейся региональной архитектуре, эффективно противостоять возникающим вызовам и угрозам»[3].

Вьетнам ведет активную работу в Региональном форуме по вопросам мира и безопасности (АРФ) с участием стран-членов АСЕАН и их партнеров по диалогу, таких, как США, Китай, Япония, Индия, Россия, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия. СРВ регулярно выступает с инициативами, направленными на укрепление взаимодоверия, единства этого института, расширение сфер взаимовыгодного сотрудничества стран-участниц Форума.

Вьетнам считает, что АСЕАН, АРФ, а также другие региональные форумы и механизмы, созданные по инициативе АСЕАН, в том числе Форум Шангри-Ла, совещания министров обороны стран-членов АСЕАН и её диалоговых партнеров (СМОА-плюс), должны наращивать свои усилия для укрепления мира и безопасности, эффективного реагирования на вызовы и угрозы в Юго-Восточной Азии и в АТР.

СРВ вносит важный вклад в успешную работу форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), рассматривая этот межправительственный форум в качестве важной площадки не только для реализации своей политики в экономической, внешнеполитической сфере и в области безопасности, но и как эффективный канал укрепления двустороннего сотрудничества со странами - участницами АТЭС. В 2006 г. СРВ председательствовала на 14-м саммите АТЭС, в ходе которого был принят Ханойский план действий г., призванный стать основой и ориентиром развития торгово-экономического сотрудничества в «тихоокеанском кольце» до 2020[4]. На 21-м саммите АТЭС (октябрь 2013 г.) президент СРВ Чьонг Тан Шанг заявил о готовности Вьетнама стать организатором 25-го саммита АТЭС в 2017 г[5].

Вьетнам-участник ежегодных Восточноазиатских саммитов (ВАС). СРВ исходит из того, что ВАС призваны играть важную роль в развитии региональных правил с целью укрепления мира, стабильности и процветания в Восточной Азии. ВАС должен укреплять свою роль в активизации диалога и создании обстановки доверия с целью мирного урегулирования споров на основе международного права[6]. В октябре 2010г. Вьетнам стал организатором 5-го саммита ВАС в Ханое, на котором СРВ поддержала вступление России и США в эту региональную структуру.

Среди приоритетных направлений внешнеэкономической политики СРВ в АТР следует назвать деятельность по заключению соглашений о свободной торговле со странами-участницами АТЭС. Готовятся к подписанию соглашения о свободной торговле с Республикой Корея, Сингапуром. Завершаются переговоры об участии СРВ в Транс-Тихоокеанском партнерстве (ТТП),

предполагающем полную отмену таможенных пошлин на товары и услуги в АТР. В завершающую стадию вступили переговоры о создании Зоны свободной торговли между Вьетнамом и Таможенным союзом. (Россия, Белоруссия, Казахстан).

Расширяется инвестиционное сотрудничество СРВ со странами-членами АТЭС. Наиболее крупные инвестиции в СРВ осуществляют Малайзия, Сингапур, Республика Корея, Япония, Китай. В свою очередь Вьетнам всё активнее начинает выходить на инвестиционный рынок стран АТР. Наиболее значимые инвестиционные проекты СРВ реализует в сфере добычи полезных ископаемых, телекоммуникаций, энергетики, сельского хозяйства[7]. Крупнейшие инвестиции СРВ осуществляет в Лаосе, Камбодже и России.

СРВ проводит целенаправленную политику по увеличению экспорта рабочей силы в страны АТР. Крупнейшими рынками экспорта вьетнамской рабочей силы в регионе являются Тайвань, Малайзия, Южная Корея, Япония. Работающие за рубежом вьетнамцы ежегодно отправляют домой до 2 млрд. долл[8].

В стране уделяется возрастающее внимание развитию международного туризма, как форме повышения занятости, развития инфраструктуры, привлечения иностранных капиталов. В 2012г СРВ приняла 7 млн. иностранных туристов, главным образом из стран АТР. Это КНР, Республика Корея, США, Япония, а также Тайвань. Высокими темпами растет турпоток из России.

Что касается политики Вьетнама по развитию отношений со странами АТР на двусторонней основе, то первоочередным приоритетом здесь является развитие отношений со странами, имеющими общую границу с Вьетнамом, а также другими государствами Юго-Восточной Азии - членами АСЕАН. СРВ призывает строить эти отношения на принципах «стратегического доверия». Они

должны отвечать интересам мира, сотрудничества и процветания», - подчеркнул премьер СРВ Нгуен Тан Зунг, выступая в Сингапуре на диалоге Шангри-Ла 1 июня 2013 г.[9].

На взаимном уважении независимости, суверенитета и равноправия построены отношения Вьетнама с великим соседом- **Китаем**. Это отношения «дружбы и всеобъемлющего стратегического партнерства». Регулярные контакты поддерживают между собой высшие партийные и государственные руководители, руководители министерств, ведомств, органов власти на местах. Работает Объединенный руководящий комитет по двустороннему сотрудничеству на уровне вице-премьеров. Поддерживается стратегический диалог между министерствами иностранных дел, министерствами обороны на уровне заместителей министров. Завершена демаркация сухопутной границы. Ведутся переговоры по делимитации района открытых вод в Тонкинском заливе. Между столицами работает горячая телефонная линия».

Стороны реализуют «Программу действий по активизации отношений всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества», подписанную в ходе визита в Пекин генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга летом 2011г. Тогда же была достигнута договоренность о том, что все вопросы, возникающие между сторонами в Южно-Китайском море, будут решаться мирными способами в интересах дружбы между двумя странами, на основе международного права, в том числе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Стороны договорились не позволять проблеме Южно-Китайского моря мешать сотрудничеству двух стран в целом. Вьетнам выступает за полную и эффективную реализацию Декларации о поведении сторон в ЮКМ от 2002г. (ДОС), Декларации о 6 принципах АСЕАН по ЮКМ и предлагает как можно

скорее продвигаться к принятию Кодекса поведения государств в ЮКМ, к созданию механизма обеспечения безопасности и свободы мореплавания в регионе [10].

Китай - самый крупный торгово-экономический партнер Вьетнама. В 2012 г. взаимный товарооборот составил более 40 млрд. долл. Правда, торговля носит не сбалансированный характер. Вьетнамский экспорт-12,4 млрд. долл., импорт-28,8 млрд. долл. [11]. В ходе визита в СРВ в октябре 2013 г. китайского премьера Ли Кэцзяна стороны договорились довести к 2015 г. взаимный товарооборот на сбалансированной основе до 60 млрд. долл.

Вьетнам традиционно считает «первоочередным приоритетом» развитие дружбы и солидарности, всестороннего, долговременного и долгосрочного сотрудничества с народами Индокитая. «Особый» характер носят отношения Вьетнама с Лаосом. С 1977г. между странами действуют Договор о дружбе и сотрудничестве и Договор о размежевании государственной границы. Поддерживаются тесные связи между руководителями государств и правящих партий, руководителями внешнеполитических ведомств, министерств обороны и общественной безопасности. В июле 2013 г. закончена демаркация границы. Страны тесно координируют свои действия на международной арене. В соответствии со «Стратегией сотрудничества на 2011-2020 гг.», активно развиваются торговля, инвестиционное, научно-техническое, культурно-образовательное сотрудничество, в том числе и на уровне регионов. Товарооборот между странами в 2012 г составил 1 млрд. долл. СРВ реализует в Лаосе 435 проектов на общую сумму 5,2 млрд. долл. [12].

СРВ поддерживает дружеские, добрососедские отношения «всеобъемлющего сотрудничества» с Камбоджей. Регулярный характер носят контакты между высшими руководителями, руководителями министерств,

ведомств, общественных организаций. Развиты приграничные связи. Сделаны первые шаги по демаркации и установке пограничных столбов на сухопутной вьетнамско-камбоджийской границе. Взаимный товарооборот двух стран в 2011 г. составил 2,8 млрд. долл. Вьетнамские предприятия осуществляют в Камбодже около 100 инвестиционных проектов на сумму 2,2 млрд. долл[13]. Развивается транснациональное сотрудничество в бассейне реки Меконг, в рамках АСЕАН, а также по линии других международных форумов, в том числе ООН. Во Вьетнаме были осуждены сделанные летом 2013 г. антивьетнамские заявления лидера партии национального спасения Камбоджи Сам Рэнси, как «подстрекательские» и «идущие вразрез с исторической правдой»[14].

Вьетнам сумел создать рамки «стратегического партнерства» с Индонезией, Сингапуром, Таиландом, разрешить спорные морские вопросы с Таиландом и Индонезией. Высокими темпами развиваются экономические связи Вьетнама со всеми странами региона. На них приходится 1/3 товарооборота СРВ[15].

Многогранные отношения связывают СРВ с Сингапуром. В сентябре 2012 г. между ними было подписано совместное заявление о стратегическом партнерстве. Стороны наращивают взаимодействие в сфере внешней политики, в том числе по вопросам региональной безопасности, политической сплоченности и экономической интеграции в рамках АСЕАН с целью укрепления центральной роли этой организации в регионе и создания на её основе Сообщества государств Юго-Восточной Азии. Они координируют действия в рамках ООН, АТЭС. Развивается сотрудничество в сфере обороны. На этот счет в 2009 г. между ними было подписано отдельное соглашение. Поддерживаются контакты по вопросам безопасности, в сфере борьбы с нетрадиционными вызовами.

Бурно развиваются их связи в торгово-экономической сфере, инвестиционной и финансовой сферах. Товарооборот между ними в 2012 г. превысил 9 млрд. долл[16]. СРВ и Сингапур - деловые партнеры в области промышленности, строительства, трудовых ресурсов, а также культуры, высшего образования, туризма. Для Вьетнама Сингапур - один из крупнейших источников прямых инвестиций. В СРВ реализуется 1100 сингапурских инвестиционных проектов на сумму 25 млрд. долл., в том числе в сфере промышленности, сельского хозяйства, переработки морских продуктов, инфраструктуры, в банковской сфере[17]. Действует несколько вьетнамо-сингапурских производственных зон.

Отношения стратегического партнерства СРВ выстраивает с Индонезией. СРВ и Индонезия поддерживают регулярные контакты на высшем уровне. В июне 2013 г. состоялся официальный визит в Индонезию президента СРВ Чыонг Тан Шанга. Стороны реализуют Программу действий на 2014-2018 гг. Подписано соглашение о разграничении континентального шельфа. Работает комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Товарооборот в 2012 г. составил 4,6 млрд. долл. Индонезия реализует в СРВ 35 проектов на сумму 282 млн. долл. Налажено сотрудничество в сфере энергетики, транспорта, культуры, образования, туризма. Укрепляется сотрудничество в сфере обороны и безопасности, в том числе между военно-морскими силами. Вьетнам и Индонезия - традиционные партнеры в решении региональных вопросов, в том числе в рамках АСЕАН[18].

Во время визита генсека ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга в Таиланд в июне 2013 г. стороны договорились вывести двусторонние отношения на уровень стратегического партнерства. С этой целью они активизируют политический диалог, в том числе по вопросам региональной

безопасности, сохранения мира и стабильности в Южно-Китайском море, строительства АСЕАН и созданных Ассоциацией региональных организаций и форматов. Стороны расширят сотрудничество в рамках ООН, ВТО, АТЭС, ВАС. Поддерживаются регулярные контакты между правящими партиями и парламентами. Признано необходимым повышать эффективность сотрудничества в сфере обороны и безопасности, защиты морских коммуникаций и морских портов, противодействия вызовам и угрозам, не использовать территорию своих стран для проведения подрывной деятельности друг против друга, разрешать конфликты мирным способом. Планируется к 2020г. довести взаимный товарооборот до 15 млрд. долл., расширять сотрудничество в сфере трудовых ресурсов, в проведении мер по защите водных ресурсов реки Меконг, укреплять транспортные связи[19].

Следует также выделить отношения Вьетнама с Малайзией. Они носят устойчивый характер, прежде всего в торгово-экономической, инвестиционной, нефтегазовой сферах, а также в области культуры, образования, трудовых ресурсов. В 2012 г. товарооборот между странами составил 7,9 млрд. долл. Малайзия реализует в СРВ 440 проектов на сумму 10,2 млрд. долл. В Малайзии трудится около 80 тысяч граждан СРВ. Регулярный характер носят политические консультации. Стороны взаимодействуют на международной арене, особенно в рамках АСЕАН, АСЕМ, АТЭС и ООН. Поддерживаются контакты в сфере обороны и безопасности, по вопросам сотрудничества на море[20].

Несколько особняком стоят отношения Вьетнама с Мьянмой, что объясняется внешнеполитической изоляцией, в которой длительное время пребывал Янгон. Новый этап в отношениях Вьетнама с Мьянмой ознаменовал визит президента СРВ в эту страну в ноябре 2012 г., в ходе которого стороны определили приоритеты сотрудничества

в 12 областях, в том числе в сельском хозяйстве, банковско-финансовом секторе, авиации, телекоммуникациях. Объем взаимной торговли в предстоящие годы вырастет до 500 млн. долл[21]. В Мьянме действует филиал Банка инвестиций и развития Вьетнама, Ассоциация вьетнамских инвесторов. Стороны наращивают взаимодействие во внешнеполитической сфере, прежде всего в рамках АСЕАН.

Вне Юго-Восточной Азии СРВ уделяет приоритетное внимание динамичному развитию отношений с наиболее развитыми и влиятельными государствами АТР. В эту группу входит Россия. Российско-вьетнамские отношения строятся на основе Договора об основах дружественных отношений, заключенного 16 июня 1994г. Россия стала первой страной, с кем Вьетнам 1 марта 2001 г. установил отношения стратегического партнерства. 27 июля 2012 г. в Сочи было подписано Совместное заявление о всеобъемлющем стратегическом партнерстве.

Высшее руководство России и Вьетнама осуществляет регулярный доверительный диалог по глобальной и региональной повестке дня, по вопросам двустороннего характера. Крепнут межпарламентские, межпартийные, межведомственные и межрегиональные связи. Регулярные консультации ведутся между внешнеполитическими органами, министерствами обороны, органами безопасности правопорядка. Поддерживаются связи по линии «народной дипломатии», в том числе и между обществами дружбы. Координация делового сотрудничества осуществляется Межправительственной комиссией по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, её подкомиссиями и рабочими органами. В ходе официального визита в СРВ президента России В.В. Путина, состоявшегося 12 ноября 2013 г., стороны подписали «Совместное заявление о дальнейшем укреплении

отношений всеобъемлющего стратегического партнерства». В нём изложена конкретная программа дальнейшего сближения России и Вьетнама.

Товарооборот между странами в 2013 г. достиг 4 млрд. долл. Ведутся консультации по вопросу о создании зоны свободной торговли между СРВ и странами Таможенного Союза (Россия-Белоруссия-Казахстан). Подписание соответствующих документов запланировано на вторую половину 2014г[22].

Объем российских инвестиций в СРВ составляет примерно 4 млрд. долл. Объем вьетнамских инвестиций в России- 500 млн. долл[23]. Наиболее крупный и долгосрочный характер инвестиционное сотрудничество носит в энергетической области, включая нефтегазодобычу, тепло и гидроэнергетику, а также атомную энергетику. Стороны считают перспективным сотрудничество в таких сферах, как машиностроение, транспорт, связь, телекоммуникации, реализация программ развития российского Дальнего Востока. В банковской сфере позитивную роль играет Вьетнамо-Российский банк. Для реализации крупномасштабных проектов в сфере мирного использования атомной энергии во Вьетнаме Россия предоставила СРВ кредит в 10 млрд. долл[24].

Традиционно тесный характер носит взаимовыгодное сотрудничество в военно-технической сфере. Россия поставляет военную технику и вооружения для ВВС, ВМС и ПВО Вьетнама. Осуществляются проекты совместного производства, технического обслуживания, модернизации и ремонта на территории Вьетнама ранее поставленной техники. В российских военных вузах проходят обучение военные специалисты СРВ.

Расширяются связи в сфере науки и образования. В российских вузах обучается более 6 тысяч вьетнамских студентов.. Высокими темпами увеличивается поток

российских туристов в СРВ. Их число в 2013 г. составило около 300 тысяч человек. Интенсивный характер носят связи в сфере культуры.

12 июля 1995 г. были установлены дипломатические отношения Вьетнама с США. Эти отношения строятся на основе принципов независимости, равноправия, взаимного уважения и взаимовыгоды. Регулярно проводятся встречи на высшем уровне. Президент СРВ Чыонг Тан Шанг посетил США с официальным визитом в июле 2013г. Было принято Совместное заявление, в соответствии с которым вьетнамо-американские отношения будут подняты на уровень «всеобъемлющего партнерства». Стороны договорились проводить регулярный диалог на высшем уровне, на уровне внешнеполитических ведомств и партийных структур по глобальным и региональным проблемам, в том числе таким, как борьба с распространением оружия массового уничтожения, терроризм, транснациональная преступность, использование водных ресурсов реки Меконг, права человека. Стороны будут сотрудничать в региональных структурах ЮВА и АТР в сфере политики, экономики, безопасности с целью мирного разрешения спорных вопросов на основе международного права, без применения и или угрозы применения силы.

Активно развиваются отношения в сфере экономики, торговли, инвестиций, энергетики, в том числе атомной. В сентябре 2013г. подписано соглашение о сотрудничестве в использовании атомной энергии в мирных целях. Крепнут связи в сфере технологий, науки, образования, здравоохранения. Налажены контакты по вопросам безопасности, обороны, прав человека, религии, окружающей среды, культуры, спорта, туризма. В октябре 2013 г. в ходе диалога на уровне зам. министров иностранных дел и по вопросам обороны были обсуждены перспективы военного сотрудничества, региональной

безопасности, безопасности и свободы судоходства. США заявили о готовности расширять сотрудничество между силами ВМС двух стран, а также в сфере подготовки вьетнамских офицеров; обязались оказывать содействие СРВ в очистке территорий, загрязненных диоксином, в обезвреживании оставшихся после войны бомб, в проведении поисково-спасательных работ, в минимизации последствий стихийных бедствий[25].

Взаимный товарооборот СРВ-США в 2012 г. составил около 25 млрд. долл. США - крупнейший импортер вьетнамской продукции. Прямые инвестиции США в экономику СРВ достигли 10,5 млрд. долл[26]. В СРВ работают крупнейшие американские транснациональные компании. В США обучается 16 тысяч вьетнамских студентов, проживает 1,5 миллионная вьетнамская диаспора.[27] Ведутся переговоры о подписании соглашения о транстихоокеанском стратегическом партнерстве (ТСЭП)[28] Наряду с позитивными факторами в отношениях с Вашингтоном Вьетнам вынужден учитывать незаконную деятельность сил в США, стремящихся использовать вопросы демократии, прав человека, религии для вмешательства во внутренние дела Вьетнама.

В последнее время наблюдается заметное сближение Вьетнама и Японии. Их отношения приобрели многогранный, динамичный и регулярный характер. В ноябре 2007 г. подписано совместное заявление «К новым вершинам прочных партнерских отношений», а в ноябре 2011 г. принята «Совместная декларация о реализации мер в рамках вьетнамо-японских отношений стратегического партнерства ради мира и процветания в Азии». Работает Комиссия вьетнамо-японского сотрудничества на уровне министров иностранных дел. Поддерживается активный диалог по политическим вопросам, в том числе по ситуации в ЮВА и в Южно-Китайском море.

Возрастает вьетнамский импорт из Японии промышленного, технологического оборудования, средств транспорта, дорожно-строительной техники. Меняется структура вьетнамского экспорта. В нем возрастает удельный вес продукции обрабатывающей промышленности[29]. В 2012 г. товарооборот между странами составил около 25 млрд. долл.

Япония - один из крупнейших иностранных инвесторов СРВ. Япония является также крупнейшим официальным финансовым донором вьетнамской экономики в рамках ОДА(1,76 млрд. долл. США в 2010 г.). При содействии Японии в СРВ реализуется около 2000 объектов на общую сумму около 33 млрд. долл. При содействии Японии в СРВ реализуется ряд крупных инфраструктурных проектов (международный аэропорт, скоростное шоссе, метрополитен, глубоководный порт)[30]. Большое количество японских предприятий вкладывают инвестиции в сферу высоких технологий и обрабатывающей промышленности. В СРВ свои представительства открыли крупнейшие японские компании[31].

Развиваются связи в сфере энергетики, включая строительство АЭС, сельского хозяйства, высшего специального и среднего технического образования, трудовых ресурсов. В Японии обучаются и работают 60 тысяч вьетнамских граждан. В 2012 г. Вьетнам посетили около 600 тысяч японцев[32]. Устанавливаются контакты на уровне регионов. Углубляются отношения между оборонными ведомствами. Между ними подписан Меморандум об оборонном сотрудничестве[33].

Отношения стратегического партнерства связывают Вьетнам с Республикой Корея. Стороны регулярно обмениваются визитами на высшем уровне. В сентябре 2013 г СРВ посетила президент РК Пак Кын Хе. СРВ и РК ведут диалог по международным и региональным

проблемам, в том числе по вопросам Корейского полуострова и Южно-Китайского моря. Вьетнам поддерживает стремление корейского народа к мирному объединению, приветствует шаги по примирению между двумя частями Кореи, а также конструктивные усилия, направленные на сохранение мира и стабильности на Корейском полуострове, на разрешение его проблем мирным путем, посредством диалога. СРВ и РК активно сотрудничают на многосторонних форумах.

Интенсивно развиваются их отношения в сфере торговли и инвестиций. Товарооборот в 2012 г. составил более 21 млрд. долл. Достигнута договоренность довести объем двустороннего сотрудничества в 2020г. до 70 млрд. долл., подписать в 2014 г. соглашение о свободной торговле[34]. Южная Корея реализует во Вьетнаме порядка 3 тысячи инвестиционных проектов с объемом капиталовложений более 23 млрд. долл[35].

Сеул-один из крупнейших доноров СРВ в рамках Международной программы помощи. Ведутся переговоры о создании зоны свободной торговли. Стороны сотрудничают в сфере энергетики, включая атомную, зеленого развития, строительства транспортной инфраструктуры, развития финансово-банковского сектора, в сфере науки, новых технологий, охраны окружающей среды, дистрибуции и логистики, высшего и среднего профессионального образования, а также в социально-культурной сфере. Развиваются контакты в военно-технической сфере. В Корею трудится 68 тысяч вьетнамских рабочих. В 2012 г. Вьетнам посетили около 700 тысяч южнокорейских туристов[36].

Отношения всестороннего партнерства связывают Вьетнам с Австралией. Стороны поддерживают политический диалог по глобальным и региональным вопросам, в том числе по вопросам борьбы с мировым финансовым кризисом. Расширяются торгово-экономические связи, сотрудничество

в сфере образования. В университетах Австралии проходит обучение более 20 тыс. вьетнамских студентов[37].

Анализ политики Вьетнама в АТР показывает, что в предстоящие годы СРВ продолжит курс на динамичное укрепление своих позиций в этом регионе, играющем ведущую роль в мировой политике и экономике. Для этого вьетнамская дипломатия будет наращивать свое активное участие в региональных интеграционных механизмах, добиваться дальнейшего развития двусторонних отношений, прежде всего с наиболее крупными и влиятельными странами региона.

Список литературы:

- [1] Материалы XI съезда Коммунистической партии Вьетнама. М. 2011г. С.90-91
- [2] «The gioi va Vietnam». 1 октября 2013г.
- [3] «Нян Зан», 9 октября 2013г.
- [4] Г.М. Маслов, В.Ф. Урляпов. «Вьетнам в системе современных международных отношений в азиатско-тихоокеанском регионе». М. 2009 г. С.169
- [5] «Нян Зан», 7 октября 2013г.
- [6] VOV world , 13 сентября 2013 г.
- [7] www.ved.gov.ru/exportcountries/vn/vn_ru-relations/vn_rus_projects/
- [8] «Российско-вьетнамские отношения: история и современность. Взгляд с двух сторон». М. 2013 г. С.227,229
- [9] «Нян Зан». 1 июня .2013г
- [10] Г.М. Локшин. «Южно-Китайское море: трудный поиск согласия». М.2013г.С.119-124
- [11] «Нян Зан». 19 июня 2013г.
- [12] «Нян Зан», 12 сентября 2012г.
- [13] «Нян Зан», 24 сентября 2012 г
- [14] VOV world. 10 августа 2013г.

- [15] «Вьетнам после 20 лет «дой мой». Ханой. 2008г. С.325
- [16] «Нян Зан», 11 сентября 2013г.
- [17] VOV world. 5 августа 2013г.
- [18] VOV world. 28 июня 2013г.
- [19] «Нян Зан», 26 июня 2013г..
- [20] «Нян Зан», 5 сентября 2013г..
- [21] «Нян Зан», 24 июля 2013г..
- [22] «Нян Зан», 19мая 2013г
- [23] VOV world, 3 сентября 2013г.
- [24] РИА Новости, Ханой. 21 ноября 2011 г.
- [25] ВИА, 30 октября 2013г.
- [26] «Нян Зан», 23 июля 2013г.
- [27] VOV world. 26 июля 2013г.
- [28] ИТАР-ТАСС. Вашингтон.25 июля 2013г.
- [29] Nguyen Thi Minh Huong, Teramachi Nobio. Vietnam-Japan trade structure in 1991-2010 «Vietnam”s socio-economic development». 2012, №72. P. 32-45
- [30] «Вьетнам». 8 ноября 2011г.
- [31] VOV world , 17 июля 2013 г.
- [32] «Нян Зан», 20 сентября 2010г..
- [33] «Жэньминь Жибао он-лайн». 17 сентября 2013 г.
- [34] «Нян Зан», 9 сентября 2013г..
- [35] ИТАР-ТАСС, 9 сентября 2013 г.
- [36] 37. Во ngoai giao Vietnam. Thong tin co ban ve Han Quoc va quan he voi Vietnam.
- [37] « Doi ngoai», №3, 2009, tr.44

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ АРГЕНТИНЫ И КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

М.И. Грушина*

Официально дипломатические отношения между Аргентинской Республикой и Китайской Народной Республикой были установлены в 1972 году [6]. С тех пор сотрудничество между странами шло по нарастающей, а за последнее десятилетие можно наблюдать особенную интенсификацию двусторонних связей. В первую очередь стоит отметить, что сотрудничество сторон крайне взаимовыгодно в политическом плане. По ряду международных проблем страны имеют сходную позицию, и выражают друг другу поддержку на мировой арене.

Так, Аргентина не признает Китайскую Республику и полностью занимает сторону КНР в данном конфликте, считая, что Тайвань должен являться частью КНР. А вот сосед Аргентины, Парагвай, например, занимает диаметрально противоположенную позицию по данному вопросу, как и ряд стран Центральной Америки, которые признали государственный суверенитет Китайской Республики и поддерживают с ней культурные и экономические связи. Аргентина же поддерживает КНР не только, да и не столько из-за экономических связей с этой страной, сколько в обмен на поддержку со стороны Китая в давнем конфликте между Аргентиной и Великобританией по поводу Фолклендских/Мальвинских островов [9]. Буэнос-Айрес считает Мальвинские острова колониальными владениями Великобритании и требует немедленно передать их законному

* **Грушина Мария Игоревна** – студентка 4 курса кафедры теории и истории международных отношений. Научный руководитель – к.и.н. доцент кафедры А.Ю.Борзова.

владельцу. В январе 2013 года президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер даже направила британскому премьер-министру Дэвиду Кэмерону открытое письмо с призывом начать переговоры о возвращении Аргентине Фолклендских островов [14]. Однако на Фолклендах был проведен референдум и жители островов проголосовали за то, чтобы остаться в составе заморской территории Великобритании, что неудивительно, учитывая тот факт, что большинство жителей англичане и шотландцы [15].

Кроме того, как уже говорилось выше, страны имеют сходные взгляды на ряд международных проблем. Пожалуй, самым острым вопросом последних месяцев была ситуация в Сирии. КНР на официальном уровне заявила, что она против любого силового вмешательства, осудив намерение военного вторжения США в Сирию. Китай категорически не приемлет возможность использования химического оружия какой-либо страной или группировкой лиц, однако, данный факт не легитимизирует одностороннее военное вмешательство США или любой другой страны, без санкции ООН. КНР считает необходимым скорее гуманитарную интервенцию и проведение необходимого расследования [13]. С данной позицией полностью согласны в Буэнос-Айресе. Аргентина считает, что военное вторжение лишь усугубит ситуацию Сирии, где уже два года идет гражданская война и, как и КНР, поддержала инициативу России по установлению международного контроля над сирийским химическим оружием [2].

Важным вопросом современных международных отношений является реформа ООН. Обе страны говорят о необходимости реформирования данной организации, прежде всего Совбеза. Известно, что Аргентина и Бразилия борются за место среди постоянных членов Совета Безопасности ООН. Китай же официально не поддерживает ни одну из стран, поскольку активно сотрудничает с обеими и боится испортить

отношения. Кроме того, и Китай, и Аргентина, считают, что деятельность ООН на современном этапе недостаточно эффективна, поскольку организация не может разрешить целый ряд существующих проблем [3].

Также позиции сторон сходны и по иранской ядерной программе. КНР и Аргентина не против ядерных исследований в данной стране, однако оба государства подчеркивают, что данный разработки должны носить исключительно мирный характер. Пекин и Буэнос-Айрес не против мирного атома в Иране, но ядерные разработки считают недопустимыми, в особенности на Ближнем Востоке, ввиду его нестабильности. Тем не менее, стороны не приветствуют такие жесткие санкции (несмотря на то, что КНР в свое время голосовала за их введение) по отношению к Тегерану, поскольку наличие военной ядерной программы и, соответственно, убедительных доказательств того, что в этой стране ведется разработка, изготовление или испытания каких-либо ядерных взрывных устройств все же пока нет. Аргентина, даже продолжает развивать и укреплять дипломатические и экономические отношения с Ираном, за что недавно была осуждена США, и возможно, в скором будущем Буэнос-Айресу тоже придется испытать на себе введение санкций со стороны своего североамериканского соседа [20].

С самого начала XXI века Китай начинает активизировать сотрудничество со странами Латинской Америки, не только в политическом, но и в торгово-экономическом плане. Традиционно главным торговым партнером стран Южной Америки являлись США, однако в наступившем столетии КНР планирует составить им серьезную конкуренцию, для чего уже есть все необходимые предпосылки. США всерьез обеспокоены появлением такого соперника в регионе, однако до сих пор никаких решительных действий по этому поводу не предпринималось.

На данный момент, вторым после Бразилии торговым партнером Аргентины является именно КНР, а не США. По официальным данным, в 2005 году Аргентина экспортировала товаров в КНР на 3,2 млрд. долл., а в 2012 на 5 млрд. долл., импорт Аргентины из Китая в те же годы составлял 1,5 млрд. долл. и 8,6 млрд. долл. соответственно [24]. Таким образом, торговый оборот между странами за последние 7 лет увеличился с 4,7 млрд. долл. до 13,6 млрд., то есть практически в 3 раза, экспорт Аргентины в КНР увеличился практически в 2 раза, а импорт практически в 6 раз. Сотрудничество в торгово-экономическом плане способствует эффективному снижению зависимости от стран развитых экономически (США), обеспечению устойчивого роста, а также усиливает сопротивляемость Китая и Аргентины к рискам в целом. Заместитель министра коммерции КНР Цзян Яопин заявил о том, что экономики Китая и Аргентины взаимодополняемы, а их торгово-экономическое сотрудничество обещает взаимную выгоду, необходимо лишь научиться эффективно разрешать существующие торговые споры [27]. А подобные споры существуют, несмотря на все стремление стран к продуктивному, взаимовыгодному сотрудничеству.

Аргентинская республика – страна индустриально-аграрная, нацеленная на экспорт сельскохозяйственной продукции [28]. Еще около 10 лет назад государство занимало первое место в мире по производству мяса (говядины), а значительную часть посевных площадей занимала пшеница, теперь более 50% занимает соя, трансгенная соя, ставшая основной статьей экспорта Аргентины в Китай. Подобные изменения привели к появлению дополнительных проблем в стране [22]. Аргентина, которая значительно выросла в экономическом плане как раз за счет своего аграрного сектора, рискует в скором времени столкнуться с серьезными проблемами. Спрос на сырье и продукты с/х со стороны Китая

и других стран Юго-Восточной Азии все возрастает (поскольку в КНР не так много свободных территорий для посевов), что, в свою очередь, приводит к дефорестации в Аргентине. На сегодняшний день территория лесных массивов Аргентины составляет 33 млн. 190 тыс. га, страна потеряла примерно 70% своих лесов за последние 100 лет, так ещё в 1900г. площадь зелёного леса достигала почти 100 млн. га. Власти страны готовят целый ряд проектов по сохранению естественных национальных лесов, на эти цели уже выделено около \$35 миллионов. Кроме того, повышенный спрос со стороны торговых партнеров на сельскохозяйственную продукцию и мясо приводит к необходимости расширения пастбищ для скота, эрозии почв и их истощению, а также другим негативным для экологии страны последствиям [23].

Несомненно, в сложившейся ситуации есть и свои плюсы: Аргентина превратилась в «соевую республику» и обеспечивает около половины общемирового экспорта сои и субпродуктов (шрот, соевое масло, мука и т.д.) [21]. Кроме того, именно экспорт сои во многом способствовал выходу Аргентины из финансовых кризисов 2001 и 2008 гг. Однако, как бы ни выгодна была продажа сои для Аргентины, последствия все же могут быть плачевными. Существует распространенное мнение о том, что трансгенная соя способствует росту количества онкологических заболеваний, врожденных дефектов у младенцев, а многие местные фермеры теряют свои хозяйства и сгоняются с территорий, для того чтобы увеличить количество посевов сои. Сам же Китай в последнее время, в виду всего вышеперечисленного, очень настороженно относится к трансгенной сое и субпродуктам, сокращая закупки, аналогично поступают и европейские страны. В сложившейся ситуации Аргентине приходится нелегко, ведь больше половины посевных площадей в стране занимает соя, которая будучи генетически-модифицированной заражает почвы, так, что на них уже нельзя выращивать

нормальные культуры. Соответственно переориентация с экспорта сои кажется трудновыполнимой задачей, как и сбыт уже выращенного продукта, поскольку, например, вся соя, импортируемая КНР, подлежит проверке со стороны государства на предмет опасности для здоровья людей и животных, а также для окружающей среды. Подобные меры со стороны КНР были приняты в ответ на антидемпинговую политику Аргентины. В 2012 году президент республики Кристина Фернандес де Киршнер посчитала, что китайская продукция заполонила рынок страны, что в виду ее более низкой стоимости, по сравнению с аргентинской продукцией, наносило вред местным производителям. Таким образом, решено было принять меры, которые Китай посчитал протекционистскими, т.е. поднятие пошлин на импортируемую из КНР продукцию [4]. Пекин ответил на подобные действия прямо пропорционально.

Однако, не так давно для Аргентины все же забрезжил луч в конце туннеля, и, несмотря на все трудности, в мае 2013 года между Аргентиной и КНР был подписан меморандум о продвижении аргентинской сельхозпродукции на китайском рынке, а уже летом Китай одобрил импорт трех новых сортов генетически-модифицированной кукурузы и сои из Аргентины и закупили 60 тыс. тонн кукурузы [10]. Буэнос-Айрес не намерен терять такого выгодного импортера сельхозпродукции и поэтому решил проходить процесс одобрения продукции не на стадии продажи, а на стадии посадки, то есть проводить согласование сорта семян со своими китайскими партнерами. На данный момент уже встречаются довольно оптимистические прогнозы аналитиков о том, что в 2014 г. экспорт аргентинской кукурузы в Китай может достигнуть 1 млн. тонн. Кроме того, не стоит забывать, что Аргентина сейчас является основным поставщиком соевых бобов и шрота в Китай, конкурируя с США за счет более низкой цены на продукцию. Ставить вопрос о том, почему

КНР смягчила свои позиции по данному вопросу, не приходится, поскольку население Поднебесной составляет более 20% от общемирового населения и спрос на продовольствие в данной стране огромный, в частности, на мясо. Таким образом, для того чтобы прокормить растущее поголовье скота, КНР просто жизненно необходимы поставки кормовых культур, и в этом свете недорогой соевый шрот из Аргентины представляется прекрасным решением проблемы. В экономическом плане партнерство сторон строится по схеме «win-win», именно поэтому руководство стран пытается разрешить существующие проблемы без ущерба для двусторонних отношений, не сбавляя при этом темпов сотрудничества. Тем не менее, КНР параллельно пытается диверсифицировать партнеров-поставщиков сои, на эту роль помимо Аргентины претендуют США и Бразилия. Также Пекин стимулирует своих производителей к самостоятельной переработке сои, для получения масла и других субпродуктов, для сокращения импорта данных продуктов из-за рубежа [12].

Однако, соя, хотя и является самой большой статьёй экспорта Аргентины в КНР, все же не единственная. Так, несколько крупных аргентинских рыболовных компаний пытаются завоевать китайский рынок, поскольку страны Европы в последнее время сокращают импорт данной продукции. Конечно, объемы экспорта морепродуктов в Китай в разы меньше объемов экспорта продуктов сельского хозяйства [8], однако опыт ведения переговоров с Пекином, скорее всего, поможет в открытии доступа для аргентинских морепродуктов на рынок КНР. Возможно, в перспективе Буэнос-Айрес сможет посредством Китая проникнуть и на рынок других азиатских стран, таких как Корея и Сингапур.

Еще одним важным пунктом в двусторонних отношениях Китая и Аргентины является сотрудничество в сфере энергетики. В марте 2010 года одна из крупнейших государственных нефтяных компаний Китая China National

Offshore Oil Corp. (CNOOC) выкупила 50% акций частной аргентинской нефтегазовой компании Bidas Corp, владеющей рядом месторождений в Аргентине, Боливии и Чили [7]. А годом позже государственный китайский холдинг China Petrochemical (Sinopec) выкупил аргентинские нефтегазовые активы американской нефтегазовой корпорации Occidental Petroleum [18]. Кроме того, в начале 2013 года Аргентина и КНР подписали соглашение о расширении сотрудничества в сфере ядерной энергетики, которое предполагало трансферт китайских технологий в Аргентину [23]. Сотрудничество сторон в энергетической сфере также взаимовыгодно. Инвесторы из КНР, вкладывающие средства в развитие нефтегазовой отрасли Аргентины, получают налоговые послабления, а следовательно выигрывают в финансовом плане. Буэнос-Айресу же необходима помощь и содействие в развитии проектов в нефтегазовой отрасли со стороны Пекина, обладающего необходимым опытом и развитыми технологиями [11].

Кроме того, КНР частично занимается строительством метро и реконструкцией железных дорог в Аргентине. А в 2010 году стороны подписали соглашение, по которому китайская корпорация China National Machinery & Equipment Import & Export Corp. взяла на себя обязательства по модернизации ж/д путей, а банк China Development Bank предоставил кредит Аргентине на закупку у Китая вагонов и локомотивов.

Помимо политики и экономики отношения сторон укрепляет сотрудничество в сфере культуры и образования. На данный момент, в Аргентине открыто несколько центров по изучению китайского языка и культуры, среди них и знаменитый Институт Конфуция (открыт в Буэнос-Айресе в 2009 году) [1]. В свою очередь, в КНР существует ряд центров испанского языка и культуры, а Институт Сервантеса в Пекине был открыт еще в 1996 году. Количество китайцев, говорящих

по-испански стремительно растет, так, что недавно на Центральном телеканале КНР был запущен новый проект под названием «Большой конкурс испаноговорящих китайцев», цель которого выявить китайца, говорящего по-испански лучше всех [25]. Кроме того, стороны подписали ряд соглашений по сотрудничеству в развитии культуры и образования, науки и техники, туризма. В общем и целом, культурный обмен между странами находится на высоком уровне, Китай периодически посещают различные выставки, делегации и балетные труппы из Аргентины, а в Буэнос-Айрес, в свою очередь, приезжают артисты и экспозиции из Поднебесной. Кроме того, примечателен тот факт, что с 1993 года Пекин является городом-побратимом Буэнос-Айреса, что свидетельствует о намерении сторон не только выстраивать конструктивный диалог в экономической сфере, но и развивать сотрудничество в сфере культуры, для достижения лучшего взаимопонимания.

Сотрудничество сторон в научной сфере также находится на высоком уровне. Китай и Аргентина активно взаимодействуют в области биотехнологий и медицины, альтернативной энергетики и нанотехнологий, а также в информационно-коммуникационной сфере. А в скором времени страны даже планируют открыть совместный центр трансфера технологий. Кроме того, в 2012 году космическое агентство Аргентины и агентство по контролю и управлению искусственными спутниками КНР подписало соглашение о совместном изучении и освоении космического пространства. В рамках данного договора в ближайшее время Китай планирует построить на юге Патагонии комплекс антенн для изучения дальнего космоса. Данное сооружение откроет возможность для изучения активности космических тел, поможет проводить мониторинг спутников, а также проверять точность уже накопленных данных. Сотрудничество стран в данной сфере кажется довольно перспективным, поскольку

Аргентина обладает самой продвинутой космической программой из стран Латинской Америки, а КНР, в свою очередь, в 2003 году стал третьей страной, которой удалось самостоятельно отправить человека в космос [26].

Однако, несмотря на инвестиции, трансферт технологий, и научно-культурные связи, в отношениях Пекина и Буэнос-Айреса не все так гладко, как хотелось бы. Существует ряд проблем и потенциальных опасностей. Во-первых, эксперты опасаются, что Аргентина в скором времени превратится в «новую Африку» для КНР [5]. Так, инвестиции Китая в Аргентине довольно скудны в основном из-за протекционистских мер Буэнос-Айреса. Кроме того, сам Пекин инвестирует «точечно», т.е. только в те сферы, которые принесут ему высокий доход. В основном это индустриальный сектор, связанный с добычей ресурсов. Да и Аргентина все же не Африка, экологические стандарты и стандарты безопасности труда в стране на порядок выше, и поскольку КНР вынужден их соблюдать, то любые проекты в промышленной сфере в Аргентине обходятся Китаю дороже, чем в Африке. Данный факт также замедляет приток инвестиций из Пекина в Буэнос-Айрес.

Во-вторых, Аргентине стоит опасаться скупки земель КНР. На сегодняшний день в стране существует более 10 тыс. китайских супермаркетов, которые контролируют более 30% продаж продуктов питания в стране и даже имеют право вести переговоры с местным правительством. Для производства продукции китайским предпринимателям предоставляются в аренду или продаются земли, что значительно выгоднее для Китая, чем экспортировать товары в Аргентину для продажи в местных супермаркетах. В будущем может произойти так, что Пекин будет производить и выращивать продукцию на аргентинских землях и продавать ее в своих супермаркетах, экономя на налогах на экспорт, или, что еще более опасно для аргентинской экономики, выращивать продукцию в

Аргентине, беспошлинно вывозить ее в Китай, а потом экспортировать обратно в Аргентину, но по более высокой цене. Однако, если Аргентина усилит защиту своих природных ресурсов и не позволит эксплуатировать свои территории в больших масштабах, то катастрофы удастся избежать.

В-третьих, если раньше считалось, что значительная диаспора китайцев, проживающая на территории Аргентины, которая за последние 20 лет разрослась до 120 тыс. человек и с каждым годом все увеличивается [17], способствует укреплению отношений между странами и взаимопроникновению культур и традиций, то в последнее время этот факт стал вызывать настороженность властей Аргентины. Китайцы учат испанский язык, вступают в смешанные браки с аргентинцами, работают. В основном, выходцы из Азии занимаются торговлей либо гостиничным бизнесом. Известно мнение, что китайцы активно иммигрируют в Аргентину для того, чтобы потом переселиться в США, однако сами они это утверждение упорно отрицают и ссылаются на схожесть климата и гостеприимство латиноамериканской страны. Тем не менее, в последнее время Буэнос-Айрес начал выражать обеспокоенность быстрым ростом китайской диаспоры в Аргентине и решил ужесточить процесс получения визы для граждан Китая. Теперь выходцам из КНР, без приглашения от родственников достаточно тяжело получить аргентинскую визу. Китайская диаспора является проводником интересов Пекина в Аргентине, и, прежде всего, способствует укреплению торгово-экономических связей между странами, поскольку большая часть выходцев из КНР занята именно в этой сфере [16]. Однако, Буэнос-Айрес, обеспокоен тем, что на всех китайских предприятиях в Аргентине работают практически одни китайцы. Настороженность вызывает, не столько сам факт притока мигрантов (т.к. живут они достаточно закрыто и раз в полгода меняются, дабы не

привыкали к западному образу жизни, прежде всего к демократии) а то, что аргентинцы практически не имеют доступа на данные предприятия. А следовательно, уровень безработицы в стране не снижается, и в техническом плане знания граждан не повышаются [5].

Таким образом, учитывая наличие подобных проблем и различий интересов в некоторых сферах, возможность перехода отношений на более высокий уровень в экономическом плане кажется маловероятной. А создание ЗСТ между двумя странами представляется невозможным в силу того, что Аргентине совершенно не выгодно, чтобы китайские дешевые товары наводнили ее рынок [19].

В заключении хотелось бы отметить, что за последние несколько лет в отношениях КНР и Аргентины наблюдается интенсивное сближение на взаимовыгодных условиях. Все существующие проблемы стороны стараются решать в максимально короткие сроки и на обоюдных условиях. Так, в конце сентября 2013г. стороны подписали меморандум о создании постоянной межправительственной комиссии и формировании механизма стратегического диалога для дальнейшего развития отношений, сотрудничества и взаимодействия в области экономики, что лишний раз подтверждает взаимную заинтересованность стран в партнерстве. Кроме того, развитие отношений между этими двумя государствами способствует развитию межрегионального сотрудничества в целом, что играет не последнюю роль в их сближении. Несмотря на все проблемы и разногласия, на данном этапе торгово-экономическое сотрудничество сторон можно назвать взаимовыгодным и даже в некоторой степени безальтернативным, т.к. каждая из них получает значительную прибыль от двусторонних отношений и не может на данном этапе в полной мере заменить партнера другой страной. Сотрудничество в сфере высоких технологий и науки, инвестиции Китая в

промышленный сектор Аргентины, нехватка ресурсов и продовольствия в КНР, заставляющая руководство страны импортировать данную продукцию из-за рубежа – все это прочно цементирует отношения сторон и говорит о том, что в ближайшее время вряд ли предвидится их значительное ухудшение. Однако, и о значительном прорыве или стремительном сближении государств так же говорить не приходится в силу многочисленных опасений Аргентины по поводу вторжения КНР на внутренний рынок страны, и недопустимости эксплуатации территорий природных ресурсов латиноамериканской страны. Многочисленные факты говорят о том, что в ближайшее время, вопреки существующим проблемам, отношения КНР и Аргентины будут развиваться прагматично и стабильно в рамках формулы «win-win».

Список литературы:

[1] Abre Instituto Confucio su segunda sede en Argentina // El Diario del Pueblo: [сайт]. URL: <http://spanish.peopledaily.com.cn/92121/6816312.html>

[2] Argentina opposes foreign military intervention in Syria // Syrian Free Press Network: [сайт]. URL: <http://syrianfreepress.wordpress.com/2013/09/05/argentina-opposes-foreign-military-intervention-in-syria/>

[3] Argentina, Reform of the Security Council - 49th plenary meeting of the General Assembly // United Nations Webcast: [сайт]. URL: <http://www.unmultimedia.org/tv/webcast/2010/11/argentina-reform-of-the-security-council-49th-plenary-meeting-of-the-general-assembly.html>

[4] Argentina: Adoption of antidumping duties against certain type of apparel products from China // Global Trade Alert: [сайт]. URL: <http://www.globaltradealert.org/measure/argentina->

adoption-antidumping-duties-against-certain-type-apparel-products-china

[5] Argentina: la "nueva África" de la R.P. China // La Gran Época: [сайт]. URL: <http://www.lagranepoca.com/argentina-la-nueva-africa-de-la-rp-china>

[6] Bilateral Relations // Argentine Chinese Chamber of Production, Industry and Commerce: [сайт]. URL: http://www.argenchina.org/articulos/_en_relacionesBilaterales.asp

[7] BP Sells Interest in PAE to Bridas for \$7.06 Billion // Bloomberg: [сайт]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2010-11-28/bp-sells-60-stake-in-pan-american-energy-to-bridas-corp-for-7-1-billion.html>

[8] Comercio bilateral Argentina - China // Centro de los estudios para la producción: [сайт]. URL: http://www.cep.gov.ar/descargas_new/panorama_comercio_exterior/microsoft_powerpoint_comercio_bilateral_argchina08web.pdf

[9] China and Argentina ratify crossed support for Taiwan and Falklands' claims // MercoPress South Atlantic News Agency: [сайт]. URL: <http://en.mercopress.com/2011/12/26/china-and-argentina-ratify-crossed-support-for-taiwan-and-falklands-claims>

[10] China apuntala sus negocios en América Latina // El País: [сайт]. URL: http://internacional.elpais.com/internacional/2013/05/13/actualidad/1368401227_403648.html

[11] China, energy and global expansion: new investments in Argentina's oil industry // Oilwatch. Sudamérica: [сайт]. URL: <http://www.oilwatchesudamerica.org/petroleo-en-sudamerica/argentina/3528-argentina-china-energia-y-expansion-global-nuevas-inversiones-en-la-industria-petrolera-argentina-ingles.html>

[12] China y Argentina juegan un juego peligroso // Página 12: [сайт]. URL: <http://www.pagina12.com.ar/diario/elmundo/4-188869-2012-03-04.html>

[13] China's View on Syria Crisis: America's "Hidden Motivations" Are Leading It Astray // Time Magazine : [сайт]. URL: <http://world.time.com/2013/09/13/chinas-view-on-syria-crisis-americas-hidden-motivations-are-leading-it-astray/>

[14] Cristina Fernández de Kirchner's letter to David Cameron // The Guardian: [сайт]. URL: <http://www.theguardian.com/uk/2013/jan/02/cristina-fernandez-kirchner-letter-cameron>

[15] Falkland Islands Referendum on Political Status, 2013 // Falkland Islands Government : [сайт]. URL: <http://www.falklands.gov.fk/home/referendum-2013/>

[16] La comunidad china en el país se duplicó en los últimos 5 años // Clarin.com: [сайт]. URL: http://www.clarin.com/sociedad/comunidad-china-duplico-ultimos-anos_0_343165728.html

[17] La Inmigración China en Argentina // Taringa. Inteligencia colectiva: [сайт]. URL: <http://www.taringa.net/posts/info/15678904/Inmigracion-China.html>

[18] Sinopec Agrees to Acquire Occidental's Argentina Unit for \$2.45 Billion // Bloomberg: [сайт]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2010-12-10/sinopec-agrees-to-purchase-occidental-s-argentina-unit-for-2-45-billion.html>

[19] The Chinese presence in Argentina // KAS International Reports от октября 2013г. // URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_35684-544-2-30.pdf?131015121507

[20] US Congress calls for sanctions against Argentina over growing Iran ties // Press TV : [сайт]. URL: <http://www.presstv.com/detail/2013/07/15/313857/us-seeks-bans-on-argentina-over-iran-ties/>

[21] Аргентина. Агропром // Деловая Аргентина: [сайт]. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=136216

[22] Аргентина: посевная площадь сои увеличится за счет уменьшения посевов кукурузы // АПК Информ online:

[сайт]. URL: http://www.apk-inform.com/ru/harvest2012/1012548#.UnQB_nB7LNg

[23] Аргентина в развитии своей ядерной программы сделает выбор в пользу китайских технологий? // Российское атомное сообщество: [сайт]. URL: <http://www.atomic-energy.ru/news/2013/02/13/39765>

[24] Внешнеэкономическая политика Аргентины // Министерство Экономического развития РФ. Портал внешнеэкономической информации: [сайт]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ar/about_ar/ved_ar/

[25] Китай готовит «культурную экспансию» в Испанию // Испания по-русски: [сайт]. URL: <http://www.espanarusa.com/article.sdf/ru/news/ensenanza/417759>

[26] Китай и Аргентина планируют вместе осваивать космическое пространство // Asia Communication: [сайт]. URL: http://asia-communication.ru/news/V_Mire/Argentina_i_Kitay_namereni_vm_este_osvaivat_kosmicheskoe_prostranstvo.html

[27] Китай и Аргентина стремятся к расширению торгово-экономического сотрудничества // Газета «Жэньминь жибао» онлайн: [сайт]. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/6957362.html>

[28] Шереметьев, И.К. Латинская Америка в посткризисный период // Латинская Америка. - 2011. - № 7. - С. 4—17.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ РЕШЕНИЯ ТАЙВАНЬСКОГО ВОПРОСА В ДВУСТОРОННЕМ ФОРМАТЕ «США-КНР»

Данилов В.В.*

Тайваньский вопрос, а точнее отношения между Китайской Республикой и Китайской Народной Республикой, был болезненным вопросом для КНР. Остров Тайвань всегда был и является важным геополитическим объектом для Пекина. Нерушимость и целостность территориальных границ – один из основных принципов и задач КНР в сфере обеспечения безопасности.

Тем не менее, из-за разрыва между партиями Гоминьдан и Коммунистической партией Китая вспыхнула новая гражданская война, в результате которой Чан Кайши был вынужден передислоцироваться на о. Тайвань. De jure Китайская Республика распространяла свой суверенитет на весь Китай, de facto – только на сам остров. Этим воспользовались США, признав КР в качестве единственного полноправного представителя в ООН. Вашингтон сделал это отнюдь не бескорыстно, плата за лояльность – доступ США в регион. Таким образом, сложились напряженные отношения между КНР и США по тайваньскому вопросу в 50-60-х гг. XX века. Более того, они обострялись разведполётами над территорией КНР, за что США получили более 900 «последних китайских предупреждений».

Данная обстановка в регионе, в целом, устраивала Штаты, которые тогда еще не видели в КНР геополитического партнёра. Однако, внешнеполитический вектор Вашингтона по отношению к Пекину стал меняться из-за ряда факторов,

* Данилов В.В. студент 4 курса кафедры теории и истории международных отношений РУДН. Научный руководитель к.и.н., профессор кафедры В.Г.Джангирян.

которые можно условно разделить на геополитический и экономический. К геополитическому фактору относится заинтересованность сближения США с КНР на фоне резкого ухудшения отношений Москвы с Пекином из-за разоблачения культа личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС. Для США это была прекрасная возможность ослабить позиции СССР в Азиатско-тихоокеанском регионе.

К экономическому фактору можно отнести взаимную заинтересованность КНР и США. Отрыв США в области технологий по отношению к развитым странам стал сокращаться в связи с огромными расходами по финансированию военной промышленности, армии. В гражданской области технологический процесс если не был сведен на нет, то, по крайней мере, существенно сократился. Крах колониальной системы и рычаги, предпринимаемые Советским Союзом в области коммунистической пропаганды в странах третьего мира, все более ограничивали круг влияния США в мире. Если раньше половина американских инвестиций за рубеж приходилась на развитые страны, а половина на развивающиеся, то к середине 60-х гг. промышленно развитые страны уже составляли три четвертых от общего числа американских зарубежных инвестиций. И китайский рынок выглядел очень привлекательным для возможностей развития американской экономики, переживающей новую волну кризиса. В КНР отзыв советских технических специалистов и прекращение оказания помощи, голод 1959-1961 гг., который унес жизни более 30 млн. китайцев и провал экономических реформ Ден Сяопиня из-за прихода «великой пролетарской культурной революции», в результате которой значительно сократился объем внешней торговли, была уничтожена инфраструктура, частично истреблен ценный экономический и научный людской потенциал – все это свело «на нет» экономические успехи КНР. Пекин также был заинтересован в поиске перспективного

экономического партнера.

Америка решила склоняться в сторону Китая, чтобы предотвратить сдвиг «азиатского баланса» в пользу Советов[5]. В Конгрессе США были выдвинуты предложения «строить отношения с КНР <...> и использовать советско-китайские разногласия»[11].

Именно в это время появляется термин «трехсторонняя дипломатия»[18], так называемый треугольник отношений между СССР, США и Китаем, где ключевыми игроками на тот момент были, конечно же, Штаты и Советы. Автором данного названия является сам Генри Киссинджер. Но парадокс заключается в том, что третий угол оказался очень острым для двух мировых держав. И та страна, которая установит более тесные экономические и политические связи с КНР, будет иметь все вытекающие отсюда дивиденды.

И тайваньский вопрос был одним из главных камней преткновения в отношениях США и КНР. Для его решения президент Никсон в 1971 г. принимает решение направить человека близкого круга и высокой должности для встречи и консультаций на высшем уровне по ключевым вопросам, включающим и тайваньский вопрос.

Президент организывает закрытую встречу со своими ближайшими советниками по данному вопросу: Г.Киссинджером и генералом А. Хейгом. Это совещание предваряло поездку Киссинджера в Китай. Были даны четкие инструкции по поводу переговоров, так, Никсон подчеркивал, что «они не должны выглядеть, будто мы продаем Тайвань, не нужно указывать на нашу готовность отказаться от значительной поддержки Тайваня»[6]

Р. Никсон выступает на телеканале NBC с речью, где он публично сообщает о том, что направил Киссинджера в Пекин, и своем намерении посетить Китай[24]. Китайские власти согласились принять его до мая 1972 года[23]. После этого состоялись еще две поездки в Пекин, целью которых была

организация визита американского президента в Китай. 20 октября 1971 г. едет Киссинджер с Д. Чапином, заместителем помощника президента. Их задача состояла в согласовании даты приезда Никсона, вопросов, которые будут стоять на повестке дня, и условий приезда. В ходе переговоров была выбрано 21 февраля 1972 года. Когда все было готово, за месяц до официального визита состоялась еще одна поездка Д. Чапина, генерала Хейга и Рональда Уокера, директора Исполнительного Офиса Белого Дома. Их основной задачей уже было детальное планирование поездки Никсона, составление повестки дня и обеспечение безопасности президента.

Следующий шаг, предпринятый во внешней политике США, вошел в истории как неделя, которая потрясла мир[25]. 21 февраля 1972 года президент США Ричард Никсон наносит официальный визит в КНР. Сразу же риторика главы американского государства показала отношение США к КНР: «Нет причины быть нам врагами. Никто из нас не посягает на территорию другого; никто из нас не ищет превосходства друг над другом; никто из нас не желает оттянуть руку и править миром»[9].

Интересна также и позиция Мао Цзэдуна. Он подчеркнул свою личную доброжелательность по отношению к Р. Никсону, потому что китайский вождь предпочитал иметь дело с государствами правого толка, так как, по его мнению, они более надежны. Как мы знаем, Никсон был республиканцем[14].

В совместном заявлении в ходе переговоров оба лидера обменялись откровенными точками зрения по китайско-американским отношениям и их нормализации. Параллельно, госсекретарь Вильям Роджерс и министр иностранных дел Чи Пенгфи провели переговоры по более конкретному кругу вопросов, ключевым из которых был тайваньский вопрос. Никсон подчеркнул, что «народ Индокитая должен сам

определять свою судьбу без внешнего вмешательства»[4]. Особенность данной позиции американского президента состоит в том, что вроде бы он официально отказывается координировать внешнюю политику Тайваня и дает право на самоопределение. Но в то же самое время, нельзя забывать, что еще в 1961 году был принят акт Фулбрайта-Хэйса[7]. Это законодательная основа дальнейшей реализации публичной дипломатии США, это сотрудничество с зарубежными странами в области культуры, экономики и науки[8]. США уже запустила свои механизмы мягкой силы на о. Тайвань, и данное высказывание президента является не более, чем дружеской формальностью.

Через день было выпущено совместное коммюнике, известное как Шанхайское. В нем отмечалось, что «никакая сила не будет добиваться гегемонии в АТР»[3]. Это было особенно важно для Китая, который имел границы с СССР. Более того, это коммюнике блокировало интересы Советов, так как не считаться уже с американцами было нельзя. Что касается политического статуса Тайваня, то США поддержали идею «Одного Китая», но не приняли версию КНР, которая заключалась в том, что США должны полностью вывести свои войска с данной территории и остров должен войти в состав Китая. Никсон подтвердил, что США собираются соблюдать свои договоренности в области обороны с Тайванем[17]. Тем не менее, было принято решение сократить там военное присутствие. Не совсем разделяя эту позицию с президентом Никсоном, Г. Киссинджер назвал данное решение «конструктивной неопределенностью»[21], которая будет мешать дальнейшему развитию отношений.

В дальнейшем процесс нормализации американо-китайских отношений был приостановлен из-за нежелания администрации нового президента, Д.Р. Форда, принять три требования Пекина: признать КНР, вывести войска из Тайваня и отменить Договор об обороне с Тайванем[13]. Таким

образом, отсутствие решения данной проблемы и новые озабоченности китайского истеблишмента не принесли ощутимого прогресса в развитии двусторонних отношениях[10]. Визит Форда не принес тех ожидаемых результатов, которые на него возлагались.

В 1977 году в Америке президентом становится Джимми Картер, демократ. Несмотря на то, что он представитель другой партии, это никак не сказалось на отношении Америки к КНР. Д. Картер понимал, что поступательное развитие отношений с Китаем необходимо, поскольку обусловлено все теми же причинами: экономическими и геополитическими. В этом же году новый госсекретарь Сайрус Роберт Вэнс направляется в Китай для дальнейших переговоров. Опытный политик, он получил репутацию умения сохранять спокойствие и вести переговоры в критические минуты – качества, столь необходимые для решения щекотливых и запутанных дел. Тем не менее, несмотря на дипломатический талант, Вэнс не смог реализовать себя в этой сфере. Китай заявил, что уже при достигнутом уровне «нормализации» он просто не может позволить США продавать оружие Тайваню[20]. И дальнейшее решение США, которое интерпретировало Пекинские высказывания на так называемых «недоговорных условиях» было очень важным фактором в определении американских целей и задач во время нового переговорного процесса[19].

Однако следует отметить, что дипломатический провал миссии Вэнса не зависел от его профессиональных навыков. Причины фиаско кроются в том, что американское правительство было еще не готово принять три главных условия Китая для установления дипломатических отношений, а именно: 1) разрыв дипломатических отношений США с Тайванем, 2) вывод войск с территории этого острова, 3) аннулирование договоров, подписанных Соединенными Штатами Америки с режимом Чан Кайши[16].

Ричард Соломон, эксперт по Китаю, который был вовлечен еще с 1971 года в переговоры с Пекином в качестве члена Совета по национальной безопасности США, отмечает, что одними из основных принципов внешней политики Китая были принципы «переговоры на своей территории», «вы нуждаетесь в нас, а не мы в вас» и «игра на борьбе противников»[22].

Через год соперник Вэнса, З. Бжезинский, направляется с новыми инструкциями и указаниями в Пекин. Советник по национальной безопасности имел определенную задачу – завершить процесс «нормализации отношений»[1]. Нельзя не учесть личностный фактор на китайско-американских переговорах. Збигнев Бжезинский был направлен не просто так. Во-первых, он сторонник либерально-идеалистической парадигмы, а это значит, что он будет пытаться разрешить все противоречия с Китаем мирным путем на основе международного права. Но есть одна особенность – в отличие от политического реализма, который выделяет только два состояния международных отношений – мир и война, в либерально-идеалистической парадигме данные состояния многогранны[12], и господин Бжезинский будет пытаться реализовать поставленные задачи через другие институты, НПО, ТНК, программы образования, что значительно поднимут вероятность успеха. А во-вторых, нельзя не отметить тот факт, что советник по национальной безопасности США был ярким антисоветистом. И он полностью разделял позицию Д. Картера, которая заключалась в том, что надо установить дипломатические отношения с Китаем, для того чтобы вести диалог с Советским Союзом с позиции превосходства и утвердить глобальный стратегический статус США.

Во время своего визита Бжезинский высказал мнение, что президент Картер решил нормализовать китайско-американские отношения до того, как подойдет к концу его первый срок президентства. Соединенные Штаты были готовы

принять три принципа, ранее продиктованных Китаем для установления дипломатических отношений. Он также заявил, что США наделили полномочиями Леонарда Вудкока, начальника Управления США по связям в Китае, вести детальные переговоры с китайской стороной по нормализации китайско-американских отношений.

Китай положительно отреагировал на заявление Бжезинского, и обе стороны начали переговоры в Пекине по установлению дипломатических отношений. Тайваньский вопрос является ключевым вопросом в переговорах. После полугода упорных переговоров, обе стороны, наконец, пришли к следующему соглашению: США признает позицию концепцию «единого Китая» - Тайвань является частью материкового Китая. США признают правительство Народной Республики Китая в качестве единственного законного правительства Китая. Далее, народ Соединенных Штатов будет поддерживать культурные, торговые и другие неофициальные отношения с народом Тайваня. По случаю нормализации китайско-американских отношений, правительство США объявит о разрыве непосредственно "дипломатических отношениях" с Тайванем, будут полностью выведены с Тайваня и из Тайваньского пролива американские войска и военные объекты до 1 апреля 1979 года. США проинформируют тайваньские власти о прекращении Договора о взаимной обороне. Китай и Соединенные Штаты признают друг друга и устанавливают дипломатические отношения с 1 января 1979 года, осуществляют обмен послами и устанавливают посольство с 1 марта[2].

Леонард Вудкок, начальник Управления США по связям в Китае, официально назначается послом США в КНР.

Хотелось бы отметить, что, тем не менее, некоторые вопросы не удалось решить в ходе переговоров. Соединенные Штаты выразили надежду, что Китай будет использовать только мирные средства для решения тайваньского вопроса, в

то время как Китай подчеркнул, что средства решения этого вопроса являются внутренним делом Китая, который не допускал вмешательства извне. В конце концов, каждая сторона подписала именно свою часть данного вопроса. В итоге, можно сделать вывод, что нерешенные вопросы в процессе переговоров показали, что, несмотря на установление дипломатических отношений, Соединенные Штаты не полностью отказались от своего намерения вмешиваться во внутренние дела Китая.

С целью укрепления взаимопонимания между двумя странами и содействия развитию их отношений, вице-премьер Дэн Сяопин совершил официальный дружественный визит в США по приглашению президента Картера с 29 января по 4 февраля 1979 года[15]. Это был первый визит китайского лидера в США после основания Народной Республики Китая и был тепло встречен правительством и народом США.

В ходе визита вице-преьера Дэн обменялся мнениями с президентом Картером о международном положении. Касаясь вопроса о Тайване, вице-премьер Дэн сказал, что Китай готов решить тайваньский вопрос мирным путем, но не обязуется не применять силу, если будет вред мирному урегулированию вопроса. В совместном пресс-коммюнике обе стороны заявили, что различия в социальных системах двух стран не должны препятствовать укреплению взаимных дружественных отношений и взаимовыгодного сотрудничества.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА

- [1] Agreement Reached on Normalization 1978
- [2] China USA Communique Establishing Diplomatic Relations, December 15, 1978
- [3] Joint Communique of the United States of America and the People's Republic of China. February 28, 1972

- [4] Joint Statement Following Discussions With Leaders of the People's Republic of China. February 27, 1972
- [5] Kissinger - Memorandum From William Hyland of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs
- [6] Memorandum, The President's files July 1, 1971
- [7] Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961
- [8] Public Law 87-256: United States Code. Title 22. Charter 33. Mutual Educational and Cultural Exchange Program
- [9] Toasts of the President and Premier Chou En-lai of the People's Republic of China at a Banquet Honoring the President in Peking. February 21, 1972
- [10] U.S. Department of State, Office of the historian, U.S.-China Chronology

Список литературы:

- [11] Дегтярев А.В. Дипломатическая подготовка визита Р.М.Никсона в КНР в 1972 г. Автореферат диссертации. Томск, 2010
- [12] П.А. Цыганков. Теория международных отношений. М., 2003. С. 107-108
- [13] G.Bush "Our deal with Peking: All Cost, No benefit," WP, 24 December 1978 pp. D3-4
- [14] Henry Kissinger. On China, London, 2011, С.260
- [15] Historic figures in Sino-U.S. relations: Deng Xiaoping, Sino-US relations: facts and figures
- [16] Jan. 1979: Sino-US diplomatic ties established, China Daily, 2009/09/01
- [17] J.A. Cohen – "Recognizing China" Foreign Affairs, 50, №1 (October 1971), p. 31
- [18] KISSINGER A Biography. By Walter Isaacson. Illustrated. 893 pp
- [19] Jaw-Ling Loanne Chang – Peking's negotiating style: a case study of U.S – PRC Normalization
- [20] Louis Boccardi "Deng: Vance trip Was Setback in U.S-

China Ties,” WP, 7 September 1977

[21] “Mitt and Bibi Diplomacy as Demolition Derby” NY Times. Retrieved 2012-09-13

[22] R. Solomon – Far Eastern Economic Review, 1984

[23] Richard Nixon announces he will visit China, July 15, 1971 – USC US-China Institute 07,15,1971

ИНТЕРНЕТ-ССЫЛКИ

[24]

<http://www.youtube.com/user/USChinaInstitute?v=kQXK0Qifnw4&lr=1>

[25] <http://www.youtube.com/watch?v=uyCZDvec5sY>

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КНР И СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Е.Ю. Дорогова*

Содействие всестороннему развитию и укреплению взаимовыгодного сотрудничества в международных энергетических отношениях является одним из основных пунктов энергетической стратегии КНР. В процессе развития энергетики Китая, будучи отличной от развития и использования других энергоносителей, нефтяная промышленность обрела свои особенности. В структуре потребления энергии доля угля очень высока. В 2005 году потребление угля составило 68,7%, нефти и природного газа - 24%, гидроэнергии и ядерной энергии - 7,3%. В 2009 году

* **Дорогова Е.Ю.** – студентка 4 курса кафедры ТИМО. Научный руководитель - к.и.н., доцент кафедры ТИМО Т.И. Понька

потребление угля представлено - 70,3%, нефти - 18,0%, природного газа - 3,9%, гидроэнергетики, атомной энергии и энергии ветра - 7,8% [10].

Как мы видим, ситуация остается прежней. Соотношение нефти и угля приблизительно 1:3. Данные о потреблении угля показывают нам, что Китай все еще находится в низкоэффективной «угольной эре» и остается вне основных тенденций развития мировой энергетики. Это негативно влияет на экономику Китая, на расход энергии, на экологическую ситуацию в стране и на качество жизни людей.

Итак, Китай богат углем, но испытывает недостаток нефти и газа, который не может покрываться за счет угля. Кроме того, из-за условий ограниченности ресурсов и увеличения производственных мощностей сегодня в страну все больше и больше импортируется нефти из-за рубежа, особенно из стран Ближнего Востока. В связи с этим, для обеспечения экономической безопасности, Китаю приходится уделять большое внимание безопасности своих поставок нефти. Из-за быстрого экономического развития потребление нефти в перспективе будет увеличиваться быстрыми темпами, и разрыв между добычей и потреблением нефти будет только расти.

По статистическим данным Национальной комиссии развития и реформирования добыча нефти в Китае составила около 189 400 000 тонн в 2009 году [4], что обеспечило лишь половину внутреннего спроса. В том же году Министерство земельных и природных ресурсов объявило, что Китай стал четвертой крупнейшей нефтедобывающей страной, после России, Саудовской Аравии и Соединенных Штатов, на которую приходится 5,4% мировой добычи нефти. Согласно информации, опубликованной Главным таможенным управлением КНР, Китай в 2009 году импортировал 204 миллионов тонн сырой нефти, зависимость от нефти достигла 52%, что является самым высоким показателем в истории (в

сравнении, в 2008 году этот показатель достигал лишь 13,9%). В тройку самых крупных экспортеров вошли Саудовская Аравия, Ангола и Иран. Китай импортировал 41860 тысяч тонн нефти из Саудовской Аравии, что составило 15,1% от всего экспорта нефти в Китай; 32170 тысяч тонн – из Анголы (7,6%) и 23150 тысяч тонн из Ирана (8,9%) [4].

Если взять во внимание еще и продукты нефтепереработки – зависимость Китая от иностранного экспорта нефти будет еще выше. Быстрое экономическое развитие Китая – это одна из причин его быстро растущей зависимости от иностранной нефти. По оценки китайских экспертов, количество потребления нефти в Китае превысит 800 млн. тонн в 2050 году, в то время как внутреннее производства из-за ограниченности ресурсов стабилизируется на отметке 200 млн. тонн [3]; это приведет к тому, что зависимость КНР от иностранных поставок достигнет 75%. Это означает, что в перспективе Китаю не удастся увеличить внутреннее производство нефти, и в последующие годы Пекин должен продолжать содействовать тесному сотрудничеству с зарубежными странами, тем самым решая проблему растущего дефицита энергоресурсов.

Китайские эксперты, говоря об освоении и использовании энергетических ресурсов Ближнего Востока, подчеркивают, что ситуация в этом регионе является сложной и в долгосрочной перспективе нестабильной, поэтому довольно многие эксперты выступают за скорейшую диверсификацию источников нефти, избегая чрезмерной зависимости Китая от ближневосточной нефти и газа. Они также утверждают, что зависимость Китая от иностранной нефти должна контролироваться в пределах 1/3. Для этого Китай должен «разбавить» импорт энергоресурсов с Ближнего Востока импортом из России и Центральной Азии. Однако это пока невозможно. Россия и Центральная Азия пока не могут достичь ни в ближайшей, ни в долгосрочной перспективе

такого уровня экспорта нефти в Китай, о котором говорят эксперты.

В настоящее время в области хранения и производства энергоресурсов статус нефтедобывающих стран Ближнего Востока, как основных экспортеров нефти в Китай, не может быть изменен. С точки зрения цен на нефть, транспортных перевозок и географических факторов экспорт ближневосточной нефти самый удобный и оптимальный для КНР. Хотя в последние годы добыча нефти в Центральной Азии и Африки увеличилась, ближневосточная нефть по-прежнему остается доминирующей на мировом нефтяном рынке. В любом случае, ресурсы и условия производства нефти в Центральной Азии не могут помочь Китаю в достаточной мере уменьшить количество поставок энергоресурсов с Ближнего Востока, тем самым избавив его от зависимости. Таким образом, в современных условиях неизбежно сотрудничество со странами-производителями нефти Ближнего Востока.

В настоящее время Китай активно проводит политику диверсификации источников энергии. Однако поставки с Ближнего Востока были и остаются главным источником экспорта нефти, а экспорт ее из других регионов служит лишь для предотвращения появления резкой кризисной ситуации в случае сбоя в поставках из ближневосточного региона.

Таким образом, встает вопрос об энергетической безопасности Китая. Из-за зависимости от ближневосточного экспорта энергоресурсов Пекин активно продвигает сотрудничество с нефтедобывающими странами Ближнего Востока. Однако обстановка в этом регионе не простая. Основными нефтедобывающими странами здесь являются арабские страны, однако есть еще и Иран, который имеет противоречия со своими арабскими соседями. Однако и арабский мир неоднороден. Геополитика стран Ближнего Востока изменилась, и сплоченность арабских стран на почве

общности культуры и религии распалась. Совместные операции по борьбе с внешними западными противниками ушли в историю. Поэтому в настоящее время Китай вынужден сотрудничать не с монолитным блоком нефтедобывающих стран, а с каждой отдельной страной, у которой есть собственные интересы. В таких условиях китайская дипломатия должна быть очень осторожной и гибкой и уделять большое внимание всем событиям и вопросам, касающимся этого региона.

Со второй половины 2004 года Китай начал переговоры со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) о создании зоны свободной торговли. В конце декабря 2005 года министр нефти Кувейта Ахмед Фахд аль-Ахмед ас-Сабах и делегация Организации стран-экспортёров нефти (ОПЕК) посетили Пекин, а в январе 2006 года король Саудовской Аравии Абдалла приехал в Китай с трехдневным визитом. В апреле того же года председатель КНР Ху Цзиньтао нанес ответный визит в Саудовскую Аравию. Глядя на такие частые контакты глав государств обеих сторон, не сложно сделать вывод, что Китай нуждается в непрерывных поставках нефти с Ближнего Востока, в то время как Ближний Восток нуждается в Китае, как в огромном рынке сбыта нефти.

Энергетическая дипломатия Китая дала немедленные результаты. Китайская компания Sinopec выиграла тендер на разработку и эксплуатацию газового месторождения в пустыне в одном из регионов Саудовской Аравии, тем самым потеснив американские компании, и стала одним из четырех уполномоченных горнодобывающих компаний в этом регионе. А, когда после длительных дискуссий стало понятно, что проект Китая и Мьянмы по строительству нефтепровода не дал результатов, китайские нефтяные компании для транспортировки иранской и саудовской нефти в Синьцзян решили открыть новый путь через пакистанский порт Гвадар.

Тем самым обезопасив свои морские поставки. Кроме того, Саудовская Аравия и одна из крупнейших американских нефтяных компаний ExxonMobil инвестировали Sinorec 3,5 миллиарда долларов для строительства нефтеперерабатывающего завода в провинции Фуцзянь [5]. В дополнение к этому Саудовская Аравия была готова инвестировать в некоторые проекты строительства нефтеперерабатывающих заводов в провинциях Хайнань, Циндао и Далянь. Эти проекты представляют собой основные рамки для сотрудничества в энергетической сфере между Китаем и Саудовской Аравией.

25 ноября 2005 года Кувейт и Китай подписали "Меморандум о взаимопонимании", согласно которому Кувейт обязался инвестировать 5 млрд долларов в строительство совместного нефтеперерабатывающего предприятия близ Гуанчжоу, который предназначен для обработки 30 миллионов баррелей сырой нефти из Кувейта в день. Этот проект стал крупнейшим совместным проектом Китая.

29 марта 2006 года одна из крупных нефтяных компаний Кувейта открыла свой филиал в Пекине и начала тесные контакты с китайскими нефтяными компаниями. Это бесспорно было большим достижением китайской энергетической дипломатии. Китайская стратегия не только добилась тесного сотрудничества с нефтедобывающими странами, но и привлекла капитал и технологии из стран-производителей нефти в свои нефтехимические проекты, в результате чего отношения с странами-экспортерами нефти стали более многогранными.

Несмотря на все усилия Соединенных Штатов, Кувейт активно инвестирует в энергетическую сферу Китая. Такие отношения послужили примером и для других нефтедобывающих стран Ближнего Востока. 22 мая 2007 года Оманская национальная нефтяная компания подписала с газовым холдингом Китая и его акционерами стратегическое

соглашение о совместном предприятии с участием импорта энергоносителей из стран Ближнего Востока для обеспечения стабильных поставок энергоресурсов. Начальный капитал совместного предприятия составила 40 млн. долларов, при этом стороны договорились о том, что каждая будет держать по 50% акций в совместном предприятии [8].

23 мая 2007 года основной поставщик этилена в мире – Катарская нефтехимическая компания открыла свой пятый офис в Гуанчжоу, а в следующем году – в Пекине, Шанхае и Гонконге. До этого времени на южно-китайских рынках этилен был в дефиците.

20 июня 2007 года президент Ирака Джаляль Табарани посетил с государственным визитом Китай. В ходе визита министр нефти Ирака провел ряд консультаций с китайскими властями по инвестициям в иракские месторождения нефти. Эти консультации пока не привели ни к каким соглашениям, но по словам официальных лиц Ирака, новый "нефтяной закон", который планируют принять в скором времени, откроет иракские нефтяные месторождения международными компаниями, и Китай станет одной из стран-бенефициаров. Также ожидается, что замороженный энергетический контракт между Китаем и Ираком, подписанный в 1997 году, вскоре будет активирован [9].

Таким образом, анализируя энергетическая безопасность Китая можно прийти к выводам, что она стала укрепляться вслед за экономическими связями Китая с ближневосточными странами, которые активизировались во второй половине 2000х гг. Частично это связано с общим ростом торговли Китая с остальным миром, а также с взаимным стремлением к укреплению отношений в энергетической сфере. С 2000 года наблюдается сначала увеличение быстрыми темпами объема торговли между Китаем и странами Ближнего Востока, опережающее рост

торговли Китая с другими регионами мира, а затем активное сотрудничество в энергетической сфере.

Факты показывают, что с конца 2004 года энергетическое сотрудничество между Китаем и нефтедобывающими странами Ближнего Востока вступили в новый период, ознаменовавшийся ростом и масштабностью проектов.

Однако не все в отношениях Китая и стран Ближнего Востока проходит гладко.

Великие державы всегда старались сдерживать энергетическое сотрудничество стран Ближнего Востока с недавно появившимся в этом регионе новым игроком - КНР. В настоящее время суматоха в Ираке, связанная с выводом американских войск, нестабильные израильско-палестинские отношения, а также недавно начавшаяся Арабская весна привели к неопределенной ситуации в ближневосточном регионе. На этом фоне Великие державы, преследующие свои политические и экономические цели, а также в целях безопасности, вмешиваются в дела Ближнего Востока, увеличивая здесь конкуренцию. Некоторые страны, в частности США, считают Ближний Восток ключевой частью своей глобальной стратегии, нацеленной на создание нового мирового порядка, в котором они будут доминировать. Благодаря мягкой силе и таким планам, признанным не разрешить какой-либо конфликт, а привести его к состоянию вечных переговоров, например, как получилось с Арабо-израильским конфликтом, Соединенные Штаты все больше и больше оказывают влияние на данный регион.

Взяв энергетическое сотрудничество в качестве базы для сотрудничества, Европейский Союз также активно участвует в ближневосточных делах. Страны ЕС постепенно все больше и больше сотрудничают со странами этого региона и не только в энергетической сфере. Если взглянуть на позицию стран ЕС по иранской ядерной программе, по

израильско-палестинскому конфликту и другим ближневосточным проблемам, то можно увидеть, что их позиция во многом отличается от позиции Вашингтона. Тем самым европейские страны подчеркивают свою политическую независимость и, пытаясь ослабить доминирование США в этом регионе, расширяют свою сферу влияния на Ближнем Востоке.

Ближний Восток также является сферой стратегических интересов России. Здесь также происходит столкновение русских и американских интересов: Вашингтон использует это пространство как базу для проникновения в Центральную Азию, являющуюся традиционной сферой влияния России, а Москва пытается увеличить свое присутствие на Ближнем Востоке, где доминируют Соединенные Штаты. Россия постоянно пытается улучшить свое геостратегическое положение и ограничить влияние ЕС, НАТО и США в регионе. Мы видим, что Россия активно участвует во всех вопросах, касающихся Ближнего Востока, и практически всегда она занимает противоположную позицию Штатам. В Арабо-израильском конфликте, по иранской ядерной программе, по конфликтам в Египте, Ливии и Сирии - везде Россия выступает в противовес США.

Ближневосточная нефть является важнейшим стратегическим сырьем крупных стран этого региона для экономического и политического развития. Таким образом, Соединенные Штаты, Европейский Союз и Российская Федерация, не жалея сил борются за свои собственные стратегические и энергетические интересы на Ближнем Востоке, и у их политического, экономического и военного влияния на Ближнем Востоке уже давняя история, Китай же новичок в этом регионе. Эти три крупных игрока всеми силами пытаются не пустить появления других игроков в сфере своего влияния, особенно это заметно по действиям Соединенных Штатов. В Белом Доме всегда считали

энергетическое сотрудничество Китая с нефтедобывающими странами Ближнего Востока угрозой своей энергетической и глобальной стратегии.

Таким образом, Пекину очень сложно проводить свою энергетическую стратегию на Ближнем Востоке. США занимает позицию сдерживания и изоляции энергетического сотрудничества Китая со странами Ближнего Востока. Кроме того, в западные страны, включая Японию с ее прозападной ориентацией, ищут для себя максимальную выгоду от такой позиции Штатов и всеми силами способствуют ей. Они уже создали множество препятствий для сотрудничества Китая и нефтедобывающими странами ближневосточного региона. После войны в Ираке Соединенные Штаты значительно усилили контроль над энергетикой на Ближнем Востоке, это стало очередным сильным ударом по энергетической стратегии Китая и создало неблагоприятные условия для дальнейшего сотрудничества.

Сложная и неопределенная ситуация в регионе увеличивает риски и является еще одной из проблем в развитии энергетического сотрудничества Китая со странами Ближнего Востока. Кроме того, что Ближний Восток является "энергетическим банком", он также является "пороховой бочкой", где уже на протяжении многих веков не утихает вихрь противоречий. Этот регион представляет собой смешение этнических, религиозных и политических споров.

Сейчас ситуация на Ближнем Востоке в политическом плане очень не стабильная. Особенно сильно по интересам Китая ударила Арабская весна. Изначально Пекин избрал выжидательную позицию, но китайские лидеры осознали, что это большой риск для политических и экономических интересов страны. В Китае эксперты все чаще стали говорить о повторении «польского сценария», когда Россия в 1990 году из-за расширения НАТО потеряла свое влияние в Центральной Европе [6]. И во много эти предположения оправдали себя в

Ливии, где к власти пришли проамериканские силы. Эксперты Китайского института современных международных отношений и Китайского института международных исследований считают, что Вашингтон «регулирует» событиями арабской весны так, чтобы вытеснить Китай из этого региона [6].

Китай это беспокоит не случайно. Контракты только между Китаем и Ливией до начала гражданской войны были заключены на сумму около 18,8 млрд. долларов. Китай также заключил контракты для новых проектов в 2009 и 2010 стоимостью в 5,84 млрд. долларов. С 2010 года китайская торговля со всем арабским миром составляет около 145 млрд. долларов [2]. Чтобы успокоить озабоченность Пекина, многие лидеры оппозиции арабской весны заявляли, что они будут соблюдать уже подписанные контракты по энергетике. С одной стороны это должно было успокоить китайских лидеров, однако будут ли новые контракты? Поэтому, когда Китай понял, что воздержавшись в Совете Безопасности ООН при обсуждении проблемы Ливии, он только потерял, его позиция по Сирии была уже намного тверже.

Еще одной угрозой для Китая в условиях арабской весны западные эксперты отмечают ее экспорт. Сразу после того, как на улицах Египта и Туниса вспыхнули восстания, в Китае прошла серия так называемых «жасминовых» протестов. В феврале-марте 2010 года в Китае образовалось Жасминовое движение, однако просуществовало оно не долго, власти очень быстро «расправились» с ним. Хотя действия правительства были не такие, как на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, однако они были достаточно действенные. Участники были вызваны на допрос, была усилена интернет цензура, а подразделениям, отвечающим за госбезопасность, была увеличена зарплата, которая и так превышала зарплату любого другого военного подразделения [7].

Кроме этого, в Китае существует проблема Восточного Туркестана. Несмотря на то, что угроза этнических сепаратистских сил на самом Ближнем Востоке побудила страны «закрыть глаза» на сепаратистские группировки Восточного Туркестана, однако ситуация здесь остается нестабильной и большинство местного населения выступает за выход из состава КНР [1].

Хотя очень сложно судить о ситуации в Китае, большинство информации остается внутри страны и даже западные источники не могут отражать её полностью, все же можно сделать вывод, что в Китае есть проблемы, однако в ближайшем будущем Китаю не грозят никакие серьезные потрясения, как на Ближнем Востоке.

Запад, практически захвативший энергетическую сферу Ближнего Востока, пытается не допустить Китай на этот рынок и одновременно прилагает усилия по оттеснению Китая от каспийской нефти. Тем не менее, хорошо спланированные неизменные усилия Китая по налаживанию связей с нефтедобывающими странами зачастую дают хорошие результаты, несмотря на позицию США. Китай достаточно преуспел в своей стратегии по обеспечению энергетической безопасности. Опасения США ныне вызывает и взаимодействие Китая с нестабильными режимами. Несмотря на прогнозы западных специалистов о возможности экспорта в Китай «арабской весны», руководство страны не стало ни насколько уменьшать сотрудничество со странами, находящимися в условиях политической нестабильности.

К тому же, после трагедии 11 сентября появились трещины в отношениях между Соединенными Штатами и странами Ближнего Востока, а война в Ираке бросила тень на отношения с ближневосточными производителями нефти, которые дали наилучшие возможности для китайских нефтяных компаний и для укрепления сотрудничества в развитии энергетики.

Список литературы:

[1] *Абу Амр Махмуд*. Туркестан на фоне нескончаемой бойни живущих там мусульман// журнал «Аль-Ваъй». - 2010. № 273

[2] Ansuya Harjani. This Could Spark China's Arab Spring// CNBC Asia. - 7 March 2013 <http://www.cnbc.com/id/100535405>

[3] Гусев Л.В. Китайский ТЭК в Иране// Независимый Обозреватель стран Содружества. - 13 марта 2010 <http://www.nob.su/2010/03/12/kitajskij-tyek-v-irane.html>

[4] Данные Информационного бюро Государственного совета КНР о «энергетической ситуации и политики Китая»// Центральный правительственный портал, Пекин, 2007г. http://www.gov.cn/zwgk/2007-12/26/content_844159.htm

[5] *Дикарев А. Д.* США сокращают импорт саудовской нефти, Китай наращивает// Информационный портал NEWSru.com. - 18 февраля 2010г.

[6] Gökhan Bacik. The Arab Spring versus China?// Today's Zaman. - 27 November 2011 <http://www.todayszaman.com/columnist-264098-the-arab-spring-versus-china.html>

[7] James Fallows. Arab Spring, Chinese Winter// The Atlantic. - 24 June 2011 <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2011/09/arab-spring-chinese-winter/308601/2/>

[8]Haider A. Khan. China's Development Strategy and Energy Security // UNU WIDER. - 2008.
http://www.niaslinc.dk/gateway_to_asia/nordic_webpublications/x506037311.pdf

[9]Qian Xuwen. China's Energy Cooperation with Middle East Oil-producing Countries// Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia) Vol. 4, No. 3, 2010
<http://mideast.shisu.edu.cn/picture/article/33/8c/d6/4971605f45b09e139c09cecc3059/900733cd-70a0-4301-8914-62073c21754d.pdf>

[10]Статистические данные компании BP по мировой энергетике// Официальный сайт компании BP - June 2011
<http://www.bp.com/view/2a71434ee518964bcf847c93.html>

РОЛЬ “МЯГКОЙ СИЛЫ” ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

А.А. Забелла*

В современном мире все большее значение приобретают невоенные механизмы воздействия, так называемые инструменты реализации глобальных политтехнологий. Термин “мягкая сила” был сформулирован американским политологом Джозефом Наем в 1980-е годы и занял достойную нишу в международной политике,

* **Забелла Анастасия Александровна** – студентка 4 курса. Научный руководитель – К.И.Н., доцент кафедры Татьяна Ивановна Понька.

дипломатии, экономике, культуре. “Мягкая сила” с каждым днем укрепляя свои позиции в международных отношениях, стала не менее, а возможно, даже еще более значимым фактором, нежели “жесткая сила”. Опора на военные, экономические механизмы реализации внешнеполитических, внешнеэкономических задач имеет менее долгосрочный характер, нежели искусство убеждения.

После развала Советского Союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе возник новый расклад сил, где на первый план вышли две крупные державы- Китайская Народная Республика и Соединенные Штаты Америки. Подобное укрепление позиций КНР на международной арене стимулировало научные круги Китая активному применению невоенных ресурсов.

С начала 21 века Китайская Народная Республика стала выражать стремление стать одним из ведущих государств мира, реализовывать свои национальные интересы с позиции инсайдера. В 2003 году одним из известных китайских ученым Чжэнь Бицзянем на заседании Боаосского форума было вынесено предложение по использованию “мирного подъема”, чья идея в дальнейшем была опубликована в одном из известных журналов США-“Foreign Affairs”[1]. Главная идея, по мнению Чжэнь Бицзяня, заключалась в сохранении идеи развития КНР по пути социализма с китайской спецификой, вовлечении в процессы экономической глобализации, стабилизации международной ситуации.

Концептуальной основой формирования привлекательного имиджа Китая за рубежом является доктрина мирного возвышения Китайской Народной Республики, идея Пекинского консенсуса, концепция гармоничного мира.

Начиная с XVII съезда КПК, состоявшегося в 2007 году, внимание руководства КНР стало уделяться наращиванию своей “мягкой силы” в мире. Председатель Китайской

Народной Республики Ху Цзиньтао подчеркивал значимость культурных элементов в кумулятивной государственной мощи, акцентировал внимание на стремлении использовать мягкие рычаги для укрепления влияния КНР на международной арене, равно как и на стремлении создать благоприятные международные условия для поступательного развития Китая, а также для гармонизации мира и всеобщего процветания. Весомость продвижения “мягкой силы” во внешней политике КНР подтверждается включением данной проблематики в доклад о работе правительства. Руководство КНР подчеркивает необходимость распространения китайской традиционной культуры и искусства не только за рубежом, но и на территории Китая в связи с тем, что сам КНР подвержен серьезному влиянию насажденной англо-саксонской культуры.

Ключевыми объектами реализации мягких инструментов КНР являются соседние государства, а также Африканский континент, который стал неким полигоном для обкатки внешних целей КНР. Говоря о сопредельных странах необходимо выделить государств-членов АСЕАН. В 1991 году между КНР и АСЕАН были установлены официальные отношения. АСЕАН для КНР является одной из важных площадок для закрепления своего влияния в Юго-Восточной Азии, дающей возможность для решения региональных проблем. Несмотря на все опасения возможного доминирования КНР, превращения АСЕАН в подконтрольную КНР организацию диалог между ними только наращивается. Во время кризисов 1997, 2008 годов Китай оказал существенную финансовую помощь ряду государств ЮВА, в том числе и государствам-членам АСЕАН. Можно говорить о так называемой кризисной дипломатии, позволяющей за счет экономической помощи усиливать свое присутствие в регионе[2]. Правительство Китая поддерживает инициативы привлечения инвестиций КНР в бизнес, туризм данного региона, выступает за идеи создания зоны свободной торговли,

увеличивает культурное, гуманитарное сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии.

Стоит упомянуть и о влиянии Поднебесной на страны, входящие в Содружество Независимых Государств. Российская Федерация на протяжении долгого времени после краха СССР не уделяла значимого внимания странам СНГ в виду ряда внутривнутриполитических, внутриэкономических причин. Тем временем Центральная Азия вошла в сферу региональных интересов КНР. Китай постепенно стал выстраивать платформу для сотрудничества с данными государствами. Особое значение придавалась налаживанию контактов с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. Заинтересованность КНР в вышеперечисленных государствах обусловлена большими запасами энергоносителей, нефти, а также тем, что страны Центральной Азии способны стать коридором для поставки произведенных в КНР товаров на рынки западных государств. По линии правительства КНР в государствах региона были открыты Институты Конфуция, а в рамках ШОС в Пекине был создан Институт стран Центральной Азии, где студенты получили возможность изучать казахский, киргизский, таджикский и узбекский языки.

Открытие Институты Конфуция под руководством китайского государственного агентства по распространению китайского языка как иностранного -Ханьбань стартовало именно на территории бывших советских республик, а также в странах восточной Европы. Первая попытка создания конфуцианского института была осуществлена в столице Узбекистана, а затем в силу понимания руководством КНР перспективности долгосрочного критерия публичной дипломатии с 2004 года начинается официальное открытие Институты Конфуция по всему миру. Первое публичное открытие состоялось в 2004 году в столице Южной Кореи.

Об успешности образовательной политики Китайской Народной Республики говорит количество классов и Институтов Конфуция. В настоящее время в 103 государствах мира созданы и ведут свою деятельность данные заведения. Такому стремительному открытию Институтов способствовала поддержка руководства Коммунистической Партии Китая. За менее чем десятилетие КНР удалось открыть сотни подобных учреждений, что способствовало введению дисциплины “китайский язык” в тысячах небезызвестных вузах мира. Начиная с середины нулевых годов прослеживается бум в изучении китайского языка, на сегодняшний день десятки миллионов человек изучают данный язык, сотни планируют уехать на обучение в Китай. КНР, проводя грамотную образовательную политику, стимулируя иностранцев к изучению китайского языка и культуры на территории Китая, финансирует большую часть таких программ.

Такая политика Китайской Народной Республики рассчитана на долгосрочный период, целью которой является закладывание необходимого фундамента, формирование под выверенным углом с заранее выработанной тональностью умов определенного количества людей, способных в дальнейшем проявлять лояльность к проводимым действиям Китая у себя в стране.

Стоит уточнить тот факт, что распространение китайского языка, культуры, искусства занимаются не только Институты Конфуция. Помимо них существует еще одна организация, чья деятельность идентична деятельности Институтов Конфуция. Этими организациями являются классы Конфуция.

Данные классы не столь известны, нежели сами Институты Конфуция, однако они также способствуют продвижению интересов Китая за рубежом, способствуют формированию позитивного имиджа Поднебесной, что является неотъемлемой частью образовательной политики

Китая. Классы Конфуция также как и Институты находятся в ведении агентства по распространению китайского языка как иностранного- Ханьбань. Разница между ними заключается лишь в том, что классы ориентированы на преподавание китайского языка школьникам, ознакомления их с историей, культурой Китая, а Институты же в свою очередь ведут свою работу с более взрослыми слоями населения, чаще всего ими являются студенты.

Учитывая то, что на сегодняшний день у китайского государственного агентства по распространению китайского языка как иностранного имеется большое количество проектов по созданию новых классов, Институтов Конфуция в разных уголках земного шара, можно сделать вывод о том, что ранее открытие классы и Институты Конфуция оправдали возложенные на них ожидания, что в свою очередь показало китайскому правительству эффективность проводимой образовательной политики.

Наибольшее количество подобных заведений осуществляют свою деятельность на территории Соединенных Штатов Америки, там их насчитывается порядка 350. Помимо США сеть классов, Институтов Конфуция распространилась на такие международные экономические, политические, культурные центры как Великобритания, Канада, Австралия, Россия и другие. Перечисленные государства входят в пятерку по официально открывшимся китайским образовательным центрам именно в той последовательности, в которой они приведены выше. Повышенное внимание в образовательной сфере к вышеупомянутым государствам в очередной раз подтверждают масштабность политпроекта.

Следует обратить внимание на требования, предъявляемые к иностранным вузам, которые изъявляют стремление открыть в своих стенах Институты Конфуция. Так, в частности, данные заведения могут открываться лишь в крупных городах, бизнес центрах и располагаться в деловой

части города с удобной транспортной системой, необходимыми коммуникациями, где постоянно присутствует большое количество населения. На случай если все вышеизложенные требования будут соблюдены, Ханьбань возьмет на себя предоставление преподавателей-носителей китайского языка, обеспечит соответствующими учебными материалами, методикой преподавания и всеми необходимыми услугами.

Помимо классов, Институтов Конфуция руководство КНР ведет активную деятельность и по другим направлениям, развивая курс на искусство убеждения, привлечения, создания соответствующего, положительного образа, имиджа Китайской Народной Республики за рубежом.

В 2008 году КНР провел блестящую рекламную кампанию Пекинской олимпиады, старт которой был дан 8 числа 8 месяца, что символизирует совершенство во всех начинаниях. После проведения Олимпиады КНР получил прекрасную возможность быть в центре повестки дня многих международных средств массовой информации, что давало возможность КНР демонстрировать свои успехи, достижения всему человечеству.

Через год состоялась выставка в Шанхае. “Экспо-2010” способствовало налаживанию контактов на разных уровнях. Постоянные встречи, форумы, конференции дали возможность не только в очередной раз продемонстрировать идеи мирного развития Китая, но и стать площадкой обсуждения политических вопросов. Вышеперечисленные события положительно сказались на имидже КНР за рубежом, они способствовали налаживанию мостика между правительственной и народной дипломатией.

Продолжая разговор о возрастающем значении “мягкой силы” во внешнеполитическом курсе КНР стоит упомянуть о проводимых в 21 веке на территории Китая международных саммитах, конференциях, которые также способствуют

формированию положительного образа КНР за рубежом. Итак, с начала нового столетия в Китае проводились такие знаковые международные события как: Саммит АТЭС, Китайско-Африканский форум сотрудничества, спортивная Олимпиада в Пекине, Всемирная Универсиада, Азиатско-Европейский форум, “Экспо-2010” и другие. Проведение подобного рода мероприятий является весомым событием не только для КНР, но и для любой другой стороны, так как это демонстрирует высокую степень доверия международного сообщества к принимающей стране. В свою очередь это является некой рекламной кампанией организующей стороны за рубежом.

Еще одним немаловажным инструментом продвижения “мягкой силы” КНР является китайский язык. С начала нулевых годов 21 века количество людей, изучающих китайский язык неуклонно растет. Такое стремление изучающих китайский язык как иностранный вызвано несколькими причинами, которые будут рассмотрены ниже.

Во-первых, с 2000 года КНР провозгласил курс на “выход вовне”, который положительно сказался на развитии роста экономики и государства в целом. Все большее количество государств наращивает торгово-экономические отношения с Китаем. Многие стали изучать китайский язык лишь для того, чтобы найти высокооплачиваемую работу. Изучение китайского языка стало фактором перспективной занятости.

Во-вторых, многочисленные китайские диаспоры в странах Юго-Восточной Азии обладают значительным весом. В Азиатском- Тихоокеанском регионе этнические китайцы имеют доступ к важным экономическим, торгово-финансовым рычагам, что позволяет отчасти лоббировать интересы Китая. В ряде стран ЮВА существуют детские сады, школы, высшие учебные заведения по изучению иностранцами китайского языка. Также в этих государствах транслируются некоторые каналы только на китайском языке, выходят книги, журналы

на китайском языке, а также спонсируются издания, которые освещают какие-либо аспекты развития КНР.

В-третьих, правительство КНР уделяет большое значение образовательным программам как неотъемлемой части реализации аспектов “мягкой силы”. Оплотом осуществления данной программы является Институт Конфуция, который присутствует во многих государствах мира. Студенты вышеназванного образовательного учреждения имеют возможность не только изучения китайского языка и культуры в стенах Института, но и обладают шансом пройти безвозмездную стажировку в одном из вузов Китая. Институт Конфуция периодически проводит научные конференции, квалификационные экзамены на знание языка, публикует научно-исследовательские материалы. В одной Российской Федерации открыли свои двери более 20 Институтов и классов Конфуция. Министерство образования КНР ежегодно тратит сотни миллионов юаней на предоставление стипендий иностранным студентам. По мнению высшего руководства КНР, средства, потраченные на гранты, стипендии по обучению в Китае, положительно скажутся на понимании обычаев, традиций народов Китая, сформируют интерес к КНР.

В-четвертых, Министерство культуры Китайской Народной Республики на основе соответствующих межгосударственных соглашений открывает за рубежом китайские культурные центры. Деятельность данных некоммерческих организаций направлена на содействие в развитии двусторонних культурных, образовательных, научно-технических связей. В китайских культурных центрах проводятся выставки, кинопоказы, литературные вечера, презентации книг. Такие центры ведут активную деятельность на просторах Интернета, периодически рассылая информацию о различных аспектах жизни китайского населения, государства, высылаются приглашения на различные

открытые мероприятия, проводимые китайской стороной. Развитие китайских культурных центров включено в социально-экономический план Китайской Народной Республики на период с 2011 по 2015 годы. Министерство культуры периодически проводит перекрестные годы языка, культуры, туризма и так далее. При поддержке Министерства культуры КНР проводятся многочисленные мероприятия во многих уголках Земли[3].

Результатом усилий Китая в культурной дипломатии стало мировое признание эффективности его “мягкой силы”. Чикагский совет по глобальным вопросам опубликовал результаты исследований “мягкой силы” разных стран мира, представленные как рейтинг государств, проводящих подобную политику. Совет провел исследования в США, Японии, Китае, Южной Корее, Индонезии и Вьетнаме. “Мягкая сила” шести стран оценивалась по пяти показателям: экономика, культура, людские ресурсы, политика и дипломатия. Согласно результатам комплексной оценки по пяти показателям Китай занял третье место, уступив лишь США и Японии. Исследование показало, что по сравнению с США, Японией и Южной Кореей респонденты Индонезии и Вьетнама дают более высокую оценку “мягкой силе” Китая. По их мнению, КНР занимает первое место по “мягкой силе” в культурной сфере. В сферах экономики, людских ресурсов, дипломатии и политики респонденты всех стран дали Китаю оценки, уступающие только США и Японии[4].

Из вышеперечисленных причин можно заметить, какое значение руководство Китая уделяет распространению своей культуры, традиций, языка. Во многом популярность таких мероприятий, проводимых китайской стороной, опирается на феномен второй экономики мира.

Поднебесная постепенно выходит из орбиты стран-реципиентов в экономические доноры, что способствует реализации широких национальных интересов, наращиванию

влияния данного государства, укреплению позиций на международной арене.

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к выводу, что значимость повышения имиджевой составляющей КНР за рубежом очень важна для Поднебесной. Объяснить данное явление можно тем, что Китай осознавая всю важность данной категории, понимает что у него низкий коэффициент привлекательности за пределами КНР. Это проявляется в том числе в обвинениях по вопросам ущемления прав человека, отсутствием демократических свобод, уделением недостаточного внимания экологической ситуации в стране.[5] Данные обвинения заставляют правительство КНР все большее внимание акцентировать на имиджевые составляющие государства, так как зачастую является инструментом давления на КНР.

Список литературы:

[1] Zheng Bijian. China's "Peaceful Rise" to Great-Power Status//Foreign Affairs.September-October,2005.

[2] Королёв А. Н. «Кризисная дипломатия возвышения» Китая // 60 лет КНР:

Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР: тез. докл.

XVIII Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы», Москва, 21 — 23 окт. 2009 г. М., 2009. Ч. 1. 282 с.

[3] Pang Zhongying. On China's Soft Power / Siis.org.cn: Shanghai Institutes for International Studies.

http://www.siis.org.cn/Sh_Yj_Cms/Mgz/200601/2008724225610L5PS.

pdf (дата обращения: 13.08.2011).

[4] Китай занял третье место в рейтинге стран по “мягкой силе” после США и Японии. Russia.China.org.cn: китайский информационный Интернет центр.

<http://russia.china.org.cn/china/txt/2009/08/18>.

[5] В КНР опубликована Белая книга «Прогресс Китая в области защиты прав чело-

века в 2009 г.» // Russian.people.com.cn: онлайн-газета «Жэньминь жибао».

<http://russian.people.com.cn/31521/7150847.html> (дата обращения: 13.08.2011).

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С РОССИЕЙ И США: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

М.Г. Кабасакалова*

Стремительный экономический рывок Азиатско-Тихоокеанского региона в последние два десятилетия сделал его значительным фактором современных международных отношений и превратил в арену столкновения интересов мировых лидеров. Особую роль в регионе играет Китайская Народная Республика, государство, ставшее примером «экономического чуда» и завоевавшее значительный политический вес на международной арене. Современный Китай, несмотря на пока что сохраняющиеся позиции «догоняющего», обладает большими амбициями на лидерство, которые проявляются в реализации стратегии «выхода за

* **Кабасакалова М.Г.**— студентка 2 курса магистратуры кафедры теории и истории международных отношений. Научный руководитель – к.и.н., доцент К.П. Курылев

пределы границ» и расширения, в первую очередь, экономического влияния в мире. При этом КНР объективно наталкивается на противодействие этому со стороны других мировых лидеров, которые еще задолго до обретения Китаем роли важного геополитического актора включили определенные регионы в зоны своих национальных интересов. Внешняя политика Пекина невозможна без взаимодействия с двумя мощнейшими державами – Россией и США, отношения с которыми, при всей их важности, не лишены сложностей.

Отношения Китая и России.

Современные Китай и Россия – страны, ставшие за сравнительно короткий, по историческим меркам, срок новыми мировыми державами. Они обладают достаточным влиянием на мировой арене, в том числе благодаря привилегированному положению в Совете Безопасности ООН и, как следствие, возможностью применения права вето на те или иные решения. Это также является фактором, определяющим позиции двух стран в отношении США. Китай и Россия во многом схожи в видении большинства вопросов глобального управления и глобальной безопасности. Москва стала первой иностранной столицей, которую посетил новый Председатель КНР Си Цзиньпин после избрания. Очевидно, что нынешний период (с момента распада СССР) является этапом сближения двух стран, чему не в малой степени способствует политика США.

На официальном уровне Китай и Россия традиционно воспринимают друг друга как надежных партнеров, поддерживающих устойчивые торгово-экономические связи и выступающих в единой «связке» по ряду важнейших проблем современной международной системы. Вместе с тем, двусторонние отношения не лишены подводных камней и определенных сложностей.

Так, между странами имеются различия в подходах к вопросам экономики. За последние 15 лет соотношение

экономических потенциалов двух стран существенно изменилось в пользу Китая, а среднегодовые темпы увеличения китайского ВВП в среднем в 2 раза выше, чем в России. Конечно, такой дисбаланс сказывается и на психологическом восприятии странами друг друга; в России уже несколько лет периодически говорят о возможном превращении ее в «экспортный придаток», наряду с «сырьевым». В действительности Россия и Китай являются важными партнерами в экономической сфере, однако основной проблемой выступает различие структуры экономики двух стран. В России преобладает ярко выраженная сырьевая ориентация, Китай же зарекомендовал себя как активный экспортер готовой продукции, причем вне зависимости от ее специфики (будь то одежда или турбины). Подобный характер экономического взаимодействия представляет собой неоднозначность для российских интересов: с одной стороны, в наращивании импорта товаров из Китая заинтересованы российский торговый бизнес и в целом потребители, поскольку это расширяет ассортимент и снижает цены на товары. Но с другой стороны, экспансия китайской продукции может грозить свертыванием ряда отраслей российской экономики, не способных выдержать активную конкуренцию. В качестве некоторой аналогии можно привести постепенное вытеснение американских и европейских компаний с рынков Латинской Америки и Африки, которые занимает Китай.

Несмотря на постепенный рост объема товарооборота, который в 2012 г. приблизился к 90 млрд. долларов [11], в торгово-экономических отношениях двух стран наблюдается серьезный перекос в сторону Китая, который лишь наращивает обороты как в двусторонних, так и в мировых экономических связях. Различия в структуре экономик двух стран являются причиной серьезного дисбаланса в их экспортных возможностях: при сырьевой направленности экспорта Россия

практически не поставляет иных товаров в Китай, в то время как последний заполняет российские рынки совершенно диверсифицированной продукцией – от детских игрушек до технического и электронного оборудования. Учитывая такой диспаритет, которым весьма объективно обеспокоена Москва, от Китая в перспективе ожидаемо некоторое изменение тональности отношений со своим северным соседом, и не только в плоскости экономики: как известно, без прочной экономической основы трудно развивать активный и эффективный политический диалог.

Некоторые «намёки» на подобные изменения ряд экспертов заметили в недавней статье в китайской газете «Женьминь жибао». В статье критически излагались основные дефекты российской экономики, которые зародились еще в 1990-е гг. и не были исправлены за период президентства В. Путина и Д. Медведева. Это, во-первых, сырьевая зависимость экономики от экспорта топлива; во-вторых, неблагоприятный деловой климат, растущие барьеры для предпринимательства; в-третьих, усложнение ситуации с технологиями, наукой и бизнесом; в-четвертых, неразвитая конкуренция и доминирование естественных монополий; в-пятых, «невысокий уровень развития общественных капиталов, слабая способность к самоорганизации, к саморегулированию у частных компаний»; в-шестых, не лучшие демографические показатели и «серьезный дефицит трудовых сил» [9]. Можно предположить, что подобной критикой Китай, принимая во внимание сложившийся дисбаланс в двусторонних экономических отношениях, попытался осуществить «апробацию» возможного статуса экономического гегемона с целью выяснения российской реакции. Кроме того, данная статья могла стать результатом внутрикитайской дискуссии о том, какое место Россия готова занять в новой расстановке сил в мире, учитывая геополитические претензии Китая. В этом смысле жесткий характер статьи мог служить неким посылом

не только в сторону России, но и в адрес США. Тем более значимо время выпуска статьи – период, предшествующий смене власти в Китае, что также дает основания рассматривать данную работу как попытку предугадать будущий курс развития страны, возможно, постепенный переход нынешней модели управления государством к модели имперской, подразумевающей «китаеццентричность» мировой политики и, соответственно, гегемонию Пекина на мировой арене.

Разность подходов к экономике находит отражение в том, что Китай и Россия придают различное значение международным институтам, договорам и соглашениям. Так, для России, не обладающей активной экономикой экспортного характера, первоочередную важность представляют договоры и организации, направленные на обеспечение безопасности и ограничение вооружений. Москва весьма серьезно относится к режиму нераспространения ОМУ и активно сотрудничает с Вашингтоном в ядерной сфере. Китай же, напротив, приоритетное значение придает сфере глобальной экономики, стремясь не ограничивать себя излишними международными нормами. Например, участие в ВТО, которая хоть и ограничивает его суверенитет, является крайне выгодным ввиду снятия экспортных барьеров, что весьма благоприятно для фактически глобального характера китайской экономики. В то же время Пекин весьма негативно относится к любым ограничениям в других сферах, например, в военной. Так, Китай твердо придерживается линии на несокращение своего увеличивающегося ядерного арсенала. Аргументация Пекина весьма проста: «Почему мы должны сокращать количество своих ядерных боеголовок, когда у России и Америки оружия больше, чем у нас?» [4, С.18]

Военная сфера представляет собой еще одну плоскость противоречий и сложностей в российско-китайских отношениях. Военно-техническое сотрудничество занимает приоритетное место в двустороннем сотрудничестве с начала

1990-х гг. Причем, на первом этапе Китай ограничивался закупками военной техники, но с середины 1990-х гг. стал уделять большее внимание освоению новейших военных технологий с помощью России. Начиная с первых годов нового века, сотрудничество в военной сфере лишь набирало обороты: например, в 2003 г. Россией была принята специальная программа по ВТС с Китаем. Однако здесь для Москвы существует две сложности.

Во-первых, это вопрос о предоставлении Пекином юридических гарантий отказа от копирования поставляемой Россией военной техники. Китай действительно копирует различные виды вооружения (и не только российского, но и зарубежного производства), причем без лицензии. Так было, например, с истребителями Су-27, который сменил название на J-11А и поступает на вооружение ВВС НОАК. При этом стоит отметить, что для экспорта Китай достаточно существенно изменяет изначальные проекты вооружения, то есть вопроса о перепродаже Пекином российского вооружения (а фактически его копий) третьим странам не стоит [3]. Однако проблема состоит в том, что, во-первых, Китай модернизирует российские элементы вооруженных сил, усиливая тем самым свою армию, и в то же время сокращая технологический разрыв с российским ВПК, во-вторых, Москва фактически сама создает себе потенциального конкурента, так как Пекин уже в состоянии самостоятельно выходит на рынок экспорта вооружений, сохраняя зачастую лишь российские двигатели в авиации и российские технологии в основе.

Вторая же сложность в развитии ВТС с Китаем заключается в значительном занижении количественных показателей, в первую очередь, китайского ракетно-ядерного арсенала. Пекин отказывается от предоставления данных по размерам и дислокации своих арсеналов, заявляя лишь об их незначительности. Однако такой подход не может восприниматься российской стороной без критики: ряд

военных экспертов утверждает, что приводимые цифры в 200-300 единиц ядерных боезарядов не являются даже нижним пределом величин. В действительности же, принимая во внимание наличие в центральном Китае огромной системы подземных тоннелей для укрытия МБР и БРСД (ракеты средней дальности, арсенал которых снят с вооружения СССР/России и США по Договору РСМД от 1987 г), количество ракет может достигать нескольких тысяч, а число боезарядов – не менее 10 тыс. единиц, учитывая, что их производство ведется в Китае с 1964г. [14].

Также в России обычно активно обсуждается численное превосходство вооруженных сил стран НАТО, расположенных в непосредственной близости от российской границы. Однако крайне редко говорится о соседстве с самой большой армией мира, вооружение которой активно увеличивается. По официальным данным, в 2013 г. военный бюджет КНР должен был составить 115,7 млрд. долларов, однако многие эксперты считают эту цифру существенно заниженной [2]. Китай наращивает военный потенциал, модернизируя свои вооруженные силы. Так, в Китае производится массовый (не менее 200 единиц в год) выпуск машин семейства "амфибий" (который был истолкован как шаг на пути возможного «возвращения» Тайваня) и танков, имеющих в своей основе, как правило, советский Т-72. Также стоит отметить еще два типа китайских вооружений. Во-первых, это ракетная система залпового огня (РСЗО) WS-2D, являющаяся в настоящее время самой дальнобойной в мире с подлетным временем в 5 минут. Она достает не только до любой точки о.Тайвань (против которого, по мнению большинства мировой военной общественности она и была создана), но также и до российской территории в пределах г. Читы. Во-вторых, это модифицированная амфибийная машина WZ-502G, особенностью которой является выдерживание попадания 14,5-миллиметрового боеприпаса. Однако стоит отметить, что

такой калибр имеет только один пулемет в мире – российский; максимальный калибр западных пулеметов – 12,7 мм [14]. В связи с этим возникает вполне объективный вопрос: зачем Китаю такой обширный арсенал обычных вооружений, да еще и «заточенный» под ряд российских элементов ВС? Неужели для возможной войны с Тайванем понадобится такое количество БМП и уникальные модели РСЗО? Очевидно, что в случае гипотетического конфликта с НАТО/США такое вооружение, скорее всего, не понадобится – у последних другая тактика ведения боев. А вот для «сдерживания» России в будущем китайский арсенал является вполне подходящим.

Именно поэтому Восточный военный округ Российской Федерации является лидером по темпам поступления новейшей техники, включая ракетно-зенитные комплексы С-400. В 2011-2012 гг. было обновлено более половины всего вооружения, находящегося в распоряжении ВВС и ПВО округа [6]. Необходимость усиления данного региона очевидна: обширный, но малонаселенный Дальний Восток со слаборазвитой инфраструктурой является, по сути, плохо защищенной территорией. Две из трех стратегически важных транспортных магистралей, соединяющих данный регион с остальной Россией, – трасса Чита-Хабаровск и Транссибирская железная дорога – проходят в непосредственной близости от китайской границы, что делает их уязвимыми перед гипотетической агрессией КНР. Сегодня, несмотря на дружественный характер отношений Москвы и Пекина, в Восточном военном округе идет активный процесс военного строительства, который, впрочем, пока не может гарантировать Дальневосточному региону абсолютную безопасность от угроз извне.

Китай и Россия, выступая за полицентричный формат мироустройства, стремятся в полной мере участвовать в формировании будущего миропорядка. Соответственно, обе страны стараются расширить сферу своего влияния и

присутствия насколько это возможно, при этом крайне ревностно относясь к какому-либо проявлению посягательства на территории, входящие в сферу их непосредственных интересов. Для России таковой, как известно, является регион СНГ, для Китая – помимо уже ставшей важной зоной влияния Центральной Азии – традиционно Южно-Китайское море. Именно поэтому в Пекине весьма настороженно встретили новость о решении российской госкорпорации «Газпром», считаемой одним из «геополитических инструментов» Кремля, начать реализацию двух газовых проектов на континентальном шельфе Вьетнама в Южно-Китайском море. Китай обеспокоен активизацией российско-вьетнамских отношений, которые, по словам В. Путина приобрели «стратегическую значимость», и выражаются, в частности, во активном взаимодействии двух стран в военно-технической сфере, а также в готовности Москвы приступить к строительству атомной станции во Вьетнаме и начать рассмотрение проекта формирования совместной зоны свободной торговли [10].

Пекин рассматривает такое сотрудничество как выходящее за рамки экономических интересов России и имеющее, помимо явных экономических, и стратегические цели – закрепиться в акватории Южно-Китайского моря в непосредственной близости от китайских границ. Так, в газете the Global Times действия Москвы подверглись достаточно острой критике: «Вьетнам это определенно плацдарм... По сути дела, стоящая за Вьетнамом Россия немногим отличается от США, которые жаждут заполучить Южно-Китайское море, стоя за спиной Филиппин» [16]. Подобное восприятие России как страны, стремящейся в перспективе «держать и окружить Китай», выглядит несколько притянутым, поскольку Москва не намерена портить отношения с Пекином. Очевидным в данном случае выступает отстаивание Россией своих интересов как в экономическом, так и в глобальном политическом аспекте, чему в полной мере соответствует

расширение контактов в значимых регионах мира. Впрочем, подобная политика не чужда и Китаю: помимо активного развития экономических отношений со странами, входящими, например, в сферу непосредственных интересов США – Латинской Америкой, Пекин стремится расширить свое влияние и в центрально-азиатском регионе, главным образом, в Казахстане и Узбекистане.

В данном контексте активизация политики КНР в Центральной Азии способно вызывать геополитические противоречия двух стран. Экономическое состояние Китая позволяет ему устанавливать политическое влияние при помощи финансово-экономических рычагов, что проявляется, например, в росте количества и объемов инвестиционных вкладов Пекина в страны ЦАР. Кроме того, соперничество РФ и КНР в Центрально-Азиатском регионе прослеживается и в рамках ШОС. В частности, Пекин активно лоббирует проект создания банка развития ШОС, деятельность которого будет направлена на финансирование многочисленных проектов Организации, а основным кредитором которого станет сам Китай. Москва же, не являясь противником такого совместного банка, выступает за создание его на базе основанного в 2006 г. Россией и Казахстаном Евразийского банка развития (ЕАБР) – главной финансовой организации в ЕврАзЭС, ключевую роль в которой играют, соответственно, Москва и Астана. Таким образом, вопрос о создании единого банка ШОС имеет ключевое значение, касающееся влияния как в данной структуре, так и в ЦАР в целом: если он будет построен на базе ЕАБР, то Россия имеет шансы удержать рычаги влияния в ШОС, в случае же его создания «с нуля», банк может стать механизмом доминирования в организации Пекина.

Таким образом, определенное соперничество Москвы и Пекина в ряде вопросов, хоть пока и не явно, но все же проявляющееся на региональном уровне, накладывает тень

недоверия на восприятие сторонами друг друга и является важным фактором, способным в перспективе серьезно повлиять на двусторонние взаимоотношения.

Отношения Китая и США.

Китайско-американские отношения существенно влияют на глобальное экономическое, военно-политическое развитие. Экономике обеих стран тесно взаимосвязаны, и, в целом, важность равных взаимоотношений понимается и Пекином, и Вашингтоном. Вместе с тем, двусторонний диалог наиболее точно можно охарактеризовать как соперничество и столкновение интересов. Так, КНР периодически повторяет тезис о том, что не собирается вытеснять США с их глобальных позиций, «не имея ни желания, ни возможности заменить Америку в качестве единоличного мирового лидера» [7]. Вашингтон же проявляет настороженную и двойственную политику в отношении «восточного соседа». Так, в период президентства Дж.Буша-мл. взгляды США на Китай заключались в следующей квинтэссенции: «Вашингтон рассматривает интеграцию КНР в региональные и международные организации и соглашения как позитивное явление... Тем не менее, США не могут игнорировать тот факт, что растущая экономическая мощь Китая создает конкуренцию за влияние в регионе, что делает более возможным для Соединенных Штатов продолжать активное взаимодействие с азиатскими союзниками» [13, С.75]

Приход к власти Б.Обамы ознаменовал постепенный перевод внешнеполитического курса на регион АТР. По словам президента США, «американское присутствие в этом регионе необходимо. США являются тихоокеанской державой, и мы останемся здесь» [8]. При этом главными инструментами укрепления американских позиций является активное сотрудничество с военными союзниками, в первую очередь, Японией и Южной Кореей, а также наращивание вооруженных сил в регионе. Так, в настоящее время в Японии

дислоцируется американский воинский контингент численностью около 80 тыс. чел., в Южной Корее - 28 тыс. чел., а количество американских морских пехотинцев в северной Австралии в скором времени должно быть доведено до 2500 тыс. чел. [1]. К слову, такое увеличение количества морпехов экс-госсекретарь Х. Клинтон объяснила необходимостью осуществления незамедлительной реакции на стихийные бедствия, не прокомментировав при этом размещение большего числа эсминцев и беспилотников.

Союз с Японией, много лет действующей в фарватере внешнеполитического курса США, фактически является основой присутствия Вашингтона в АТР. Это также находит подтверждение в согласии Токио участвовать в глобальной американской системе ПРО, включающей в себя РЛС раннего предупреждения и ударно-боевые средства в виде ракет-перехватчиков наземного и морского базирования. Развертывание системы ПРО в этом регионе аргументируется необходимостью нивелирования угрозы со стороны ядерной Северной Кореи, обладающей МБР дальностью полета до 6000 км, которые способны поражать цели не только на территории Японии, но и на Аляске. Однако такое объяснение, тем не менее, не устраивает Китай (впрочем, как и Россию, хотя и в меньшей степени). Пекин прекрасно понимает, что его усиления во всех сферах, в первую очередь, в военном аспекте и в активизации деятельности китайских ВМС в тихоокеанской акватории, воспринимается в Токио с большим опасением. Соответственно, американская система ПРО, в становлении которой участвуют, помимо Японии, Южная Корея и Австралия, видится Пекином шагом в процессе его окружения и дальнейшего сдерживания.

Кроме развертывания системы ПРО в непосредственной близости от китайских границ, Пекин обеспокоен концентрацией значительного количества военно-морских и военно-воздушных сил США в регионе. Так, на сегодняшний

день в АТР расположены 3 эскадрильи истребителей F-22 «Стелс» и 2 эскадрильи тяжелых транспортных самолетов C-17. Также, по сообщениям газеты «Washington Post», в Тихом океане дислоцируются 31 ударная атомная подводная лодка и 8 стратегических подводных ракетносцев, три из которых, как правило, находятся на боевом дежурстве. Этот же регион «курирует» 7-й флот США, включающий авианосец «George Washington», 2 ракетных крейсера и 7 ракетных эсминцев [12]. Очевидно, что такие вооруженные силы США намного превосходят военные арсеналы любой страны в этом регионе. Конечно, азиатско-тихоокеанский регион всегда обладал значимостью с точки зрения обеспечения безопасности США, однако в последнее десятилетие повышенное внимание Вашингтона к АТР связано непосредственно с усилением как экономического, так и военно-политического влияния в нем КНР. Соответственно, такое положение вполне объективно воспринимается Пекином как необходимый составляющий элемент стратегии США по «ограничению» возможностей Китая.

К тому же Китай, в силу его морского расположение, сравнительно легко заблокировать: Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря достаточно закрыты, а путь в открытый Тихий океан пролегает фактически между Японией и Филиппинами. Однако большей проблемой для Пекина является отсутствие сколько-нибудь адекватных американским морских сил и, как следствие, опыта ведения военных операций на море. США, в свою очередь, с момента создания своего первого авианосца в 1915 г., оттачивали тактику использования как самих ВМС, так и авианосной авиации. Осознавая свою уязвимость, Китай, с одной стороны, сосредоточил внимание на развитии наземной системы ракет (которая, впрочем, так же уязвима перед ударами крылатых ракет и авиации), с другой – пытается диверсифицировать выход к мировому океану посредством обеспечения себе

доступа в порты в странах Индийского океана. Так, Пекин планирует строительство порта в Мьянме, помимо уже профинансированного доступа в порты Шри-Ланки и Бангладеша и построенного и введенного в эксплуатацию в мае 2007 г. при технической и финансовой поддержке Китая порта Гвадар в Пакистане [5]. Здесь, впрочем, не следует упускать из виду и необходимость обеспечения транспортной структурой, что является непростой задачей. В любом случае, очевидно, что военное преимущество во всем АТР в целом и на Тихом океане в частности пока находится в руках США. Хотя продолжительность сохранения такой диспропорции находится под вопросом, учитывая активность Китая в модернизации ВМФ (включая атомный подводный флот) и создании новой баллистической ракеты морского базирования дальнего радиуса действия.

Усиление КНР вызывает опасения США, поскольку претендующий на великодержавность Китай в перспективе может стать серьезным препятствием на пути продолжения реализации концептуальных основ американского внешнеполитического курса. Китаю за очень короткий период по историческим меркам удалось совершить «экономическое чудо», чему, кстати, в определенной мере поспособствовал Запад во главе с США. Укрепление КНР произошло и в политической сфере: Пекин достаточно жестко отстаивает свои интересы, что проявилось, в частности, в сохранении отношений с «неудобными» США режимами Ирана, Сирии или Зимбабве на прежнем уровне. Еще более ярким примером решительности Пекина стала его реакция на позицию Вашингтона относительно обострившегося летом текущего года территориального спора Китая с соседними государствами по вопросу принадлежности острова Спратли и Парасельских островов в Южно-Китайском море. Пекин призвал США скорректировать свою позицию (т.е. отказаться от выказываемой поддержки Филиппинам) и уважать

территориальную целостность Китая. В результате Вашингтон не смог повлиять на Пекин, который в очередной раз продемонстрировал свою независимость в проведении внешнеполитической линии и защите своих национальных интересов.

Но у Пекина есть своя «ахиллесова пята» – острая зависимость от импорта сырья. Это очень серьезный козырь в руках США для политики сдерживания Китая. В таком контексте действия Вашингтона на Ближнем Востоке можно рассматривать как элемент глобальной стратегии Белого дома, направленной в перспективе на существенный подрыв позиций Китая (как, впрочем, и России). Схема реализации такого плана весьма проста: Иран является одним из лидеров среди китайских поставщиков нефти, которая (как и львиная доля энергетического сырья из других стран) доставляется через узкий Малаккский пролив, расположенный между Малайзией и Индонезией и соединяющий Тихий и Индийский океаны. При этом, проамериканскую направленность демонстрирует не только Австралия, но и более мелкие региональные государства, в частности, Сингапур, который также дал согласие на размещение на своей территории американской военно-морской базы. В этом случае узкий пролив ставится под полный контроль американских сил, что, по сути, означает получение Вашингтоном в свои руки нефтяного «вентиля», при помощи которого он сможет контролировать экспорт нефти в третьи страны (в данном случае – из Ирана в КНР). Альтернатива иранским поставкам невелика: Саудовская Аравия (равно как и Кувейт с Оманом) следует в фарватере политики США, Судан и Венесуэла слишком далеко. Остаются Россия и Казахстан, впрочем, с дальнейшей политикой этих стран не все так очевидно. Несмотря на активную, и даже несколько агрессивную экономическую деятельность Китая по всему миру (что не может не беспокоить США, так как во многих случаях Китай

постепенно вытесняет США с рынков той же Латинской Америки), фактическое сокращение доступа к энергоресурсам в отсутствие надежной альтернативы для диверсификации поставщиков весьма негативно скажется на дальнейшем развитии китайской экономики. Осознание Пекином возможности реализации Вашингтоном такого сценария само собой вызывает как минимум недоверие Китая к США.

В январе 2009 г. бывшим советником Белого дома по национальной безопасности Зб. Бжезинским была озвучена концепция «Большой двойки» (G2). Ее суть заключалась в создании структуры наподобие «Большой восьмерки» (G8) в составе США и увеличивающего свое глобальное влияние Китая и в фактическом предложении Пекину не соперничать за гегемонию в мире, а разделить статус сверхдержавы на мировой арене [15]. Согласно идее Бжезинского, лидеры Китая и США должны встречаться в неформальной обстановке для обсуждения не только двусторонних отношений, но и вопросов глобальной политики. Однако предложение США, несмотря на свой миролюбивый характер, было отклонено Пекином, не согласным лишь на вторую роль в решении глобальных вопросов и стремящимся к проведению независимой политики вне создания альянсов с какими-либо странами. Таким образом, попытка Вашингтона реализовать концепцию «Большой двойки», имевшей целью ликвидацию геополитического и экономического противника, превратив его в «младшего» союзника, оказалась безрезультатной: Китай отказался от создания механизма, подразумевающего координацию внешнеполитического курса с Вашингтоном, несмотря на приверженность экономическому сотрудничеству с США.

Белый дом стремится не допустить излишнего сближения Москвы и Пекина, осознавая опасность для своего лидерства при таком раскладе. С этой точки зрения можно рассмотреть и усилия Белого дома по вопросам сокращения

стратегических наступательных вооружений, в первую очередь, ядерный арсенал России. С одной стороны, имея превосходство над вооружениями Китая (даже несмотря на то, что численные показатели китайских арсеналов не предаются огласке), Вашингтон сокращает возможную угрозу со стороны ядерной России, по сути, ослабляя ее. Но с другой стороны, идя на подписание таких договоров о сокращении вооружений, как, в частности, СНВ-3, с США, Россия не принимает во внимание потенциальную угрозу (пусть и гипотетическую) со стороны Китая, который, отказываясь от сокращений своих вооружений, напротив, наращивает их. Таким образом, Вашингтон фактически способствует нарастанию недоверия со стороны Москвы в отношении мощи Пекина. Безусловно, российский военный потенциал пока превышает китайский, однако необходимым является наращивание до допустимого Договором СНВ-3 уровня СЯС РФ и модернизация их составляющих, особенно в условиях несокращения стратегического ядерного оружия у Китая и наращивания Америкой обычных вооружений.

Проблемы во взаимоотношениях Китая и США носят концептуальный, геостратегический характер. Вашингтон объективно стремится сохранить существующий status-quo в мире, не допуская такого усиления КНР, которое будет достаточным для превращения ее в сверхдержаву, глобального гегемона. В этом контексте Запад во главе с США не идет на снятие эмбарго на поставки западного вооружения и технологий в Китай и не соглашается на включение юаня в корзину международного резервного актива (SDR) МВФ, аргументируя это возможным усугублением и без того кризисного состояния мировой экономики. В силу тесной экономической взаимосвязанности КНР и США, отсутствие стабильности доллароцентричной финансовой системы, которая может вызвать снижение покупательской способности населения стран Запада, грозит значительным сокращением

объема китайского экспорта, что, в свою очередь, может подорвать экономическое развитие Китая. Таким образом, очевидно, что сложности в отношениях между Пекином и Вашингтоном являются статичными, а столкновение национальных интересов обеих сторон сохранится и в перспективе.

Современный Китай является, безусловно, лидером в Азиатско-Тихоокеанском регионе и важным актором современных международных отношений. Однако глобальные процессы на мировой арене стремительно развиваются и трансформируются, что ставит под вопрос сохранение текущего положения ведущих политически и экономических сил. Экономическая модель КНР выступает образцом для подражания многих стран АТР и «третьего мира» в целом, однако политическая система Китая не является для них привлекательной. Напротив, большинство государств региона заинтересованы в следовании по пути построения демократии западного образца, что официально зафиксировано в Хартии АСЕАН. Однопартийность, идеология и постепенная экономическая экспансия КНР же вызывает опасения у региональных соседей Китая, что в свою очередь, толкает их на сближение с США как единственной равноправной альтернативой Пекину.

Если говорить о перспективах развития Китая, то можно выделить два основных сценария. Первый – позитивный для КНР – подразумевает линейное развитие страны, то есть поступательный рост экономики, укрепление тактических и стратегических военно-морских сил и усиление политических позиций на мировой арене. Это, соответственно, превратит Китай в мощнейшую региональную державу и даст ему шанс стать мировым лидером, потеснив США. Второй – негативный для КНР – сценарий основывается на противоположном, нелинейном, развитии, предполагающем невозможность постоянного движения «вверх» и

неизбежность его «торможения». Итогом такого прогноза может стать формирование вокруг КНР прозападно ориентированных государств, что способствует восстановлению Вашингтоном позиций безальтернативного лидера в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, усиливать свою роль в АТР будет и Россия, устанавливая более прочные экономические, культурные и политические отношения со странами АСЕАН. Уже сегодня, как уже было отмечено, наблюдается активизация взаимоотношений Москвы с имеющим важное геостратегическое положение Вьетнамом. Помимо этого, возможны сложности внутри самого Китая, руководству которого, ввиду процессов глобализации и проникновения в страну элементов западной культуры, проявляющихся в кино, книгах, системе образования, активном обучении английскому языку и проч., будет непросто сохранять власть и удерживать огромное население в рамках культурной идентичности и идеологического единообразия. В результате, неизбежность постепенных продемократических перемен в КНР априори поставит страну перед вопросом необходимости трансформации будущего внутри-, а возможно, и внешнеполитического курса. В этом контексте во многом определяющую роль будут играть взаимоотношения Китая с Россией и США.

Список литературы:

- [1] Азиатско-Тихоокеанский регион: США уходить не собираются. 08.12.2011. URL: <http://journal-neo.com/?q=ru/node/11296>
- [2] Белая книга Народно-освободительной армии Китая. 26.04.2013. URL: http://www.ng.ru/forces/2013-04-26/12_china.html
- [3] Боевая техника: Китай обокрал отнюдь не только нас. 16.03.2012. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2012-03-16/1_profit.html

- [4] Грант Ч. Россия, Китай и проблемы глобального управления. Московский центр Карнеги, М.2012, С.18.
- [5] Джордж Фридман: У Китая есть три основных стратегических интереса. 11.03.2012. URL: <http://www.oilru.com/news/307195/>
- [6] Кашин В. Сумма всех страхов. 1.05.2013. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Summa-vsekh-strakhov-15961>
- [7] Китай – США: впереди «облачные войны»? 10.12.2012. URL: http://www.ng.ru/courier/2012-12-10/9_china_usa.html
- [8] Обама выступил перед американскими и австралийскими военными в Дарвине. Голос Америки. 17.11.2011. URL: <http://www.voanews.com/russian/news/Obama-Australia-2011-11-17-134025043.html>
- [9] Пекин поставил Путина в безвыходное положение. 17.04.2012. URL: http://www.ng.ru/economics/2012-04-17/1_china.html
- [10] Россия построит АЭС во Вьетнаме и создаст зону свободной торговли. 7.11.2012. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_21922/
- [11] Русско-китайское усиление. 10.06.2013. URL: <http://expert.ru/2013/06/10/russko-kitajskoe-usilenie/>
- [12] США всерьез укрепляют... российско-китайское партнерство. 08.12.2011. URL: <http://journalneo.com/?q=ru/node/11224>
- [13] Треугольник Россия-Китай-США в АТР: факторы неопределенности. / Отв.ред. – В.Б.Амиров, В.В.Михеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С.75. [Электронный ресурс] <http://www.imemo.ru/ru/publ/2009/09021.pdf>
- [14] Феномен китайской военной мощи пока еще недооценен. 30.12.2011. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2011-12-30/1_china.html
- [15] Brzezinski Zb. The Group of Two that could change the world. 13.01.2009. <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html#axzz2C1x5Aaau>

[16] Putin looks to Soviet past in South China Sea strategy. 12.04.2012. URL:

<http://www.globaltimes.cn/DesktopModules/DnnForge%20%20NewsArticles/Print.aspx?tabid=99&tabmoduleid=94&articleId=704614&moduleId=405&PortalID=0>

РОССИЯ И ВЬЕТНАМ: АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Е.В. Канунников*

Азиатско-Тихоокеанский регион объединяет под своим началом 58 стран и территорий. На территории этого региона расположены крупнейшие международные группировки, занимающиеся вопросами интеграции, такие как АСЕАН, АТЭС, ШОС. На территории АТР расположены крупнейшие экономические центры, центры с богатейшими ресурсами, представляющие, главенствующие роли на международной арене[1].

На рубеже XX- начала XXI веков произошел экономический скачок стран, входящих в АТР, который позволил этому региону стать сильнейшим и важнейшим геополитическим центром силы, представляющий важнейшую роль на международном экономическом поприще, на территории которого, пересекаются интересы самых крупных держав в мире. Следует отметить, что резкое продвижение в сфере экономики стран региона АТР произошло всего за несколько десятков лет, что разительно отличается от количества лет, которые были затрачены другими странами в

* **Канунников Е.В.** - студент 2 курса кафедры ТИМО. Научный руководитель - к.и.н., доцент кафедры ТИМО Т.И. Понька

данной сфере. Происходит постоянный рост промышленной продукции, так же идет рост и развитию производства продукции, представляющих огромную важность (металлургия, машиностроение, электроника, биоинженерия и т.д.). По мнению целого ряда авторитетных исследований, Азия в некотором времени обгонит по показателям ВВП в этой сфере - Северную Америку и Европу. Центр мировой экономической активности может перенестись в этот регион, так как другие центры ведут тенденцию к угасанию[2].

В АТР с конца XX века высокие темпы экономического роста демонстрируют

страны Юго-Восточной Азии, одной из которых является Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ). На сегодняшний день можно сказать, что Вьетнам является одной из наиболее быстро развивающихся экономически стран в данном регионе. Вместе с тем, влияние и роль Вьетнама также повышаются не только в регионе ЮВА, но и в АТР в целом. Это можно проследить в активном участии дипломатии Вьетнама в различных региональных организациях АТР, таких как АСЕАН, АТЭС. Более того, можно отметить, что Вьетнам занимает лидерские позиции в этих организациях. В частности, Вьетнам оказывает существенное влияние на внешнеполитический курс крупнейшей из региональных организаций – АСЕАН. В зависимости от того, какую внешнюю политику будет вести Вьетнам, будет зависеть расстановка сил не только в данном регионе, но и в АТР в целом. Вьетнам находится в таком положении, что становится неким связующим звеном пунктов политики, которую ведут великие державы в Тихоокеанском регионе.

В период девяностых и последующих годов, мы можем проследить, как экономика данного государства стремительно прогрессировала. С 1992 года СРВ проводила политику разгосударствления предприятий, занимающихся

промышленностью. Началось стремительное привлечение инвестиций со стороны других государств, а так же создание с ними совместных предприятий. В 2007 г. Вьетнам был включен в число стран участников Всемирной Торговой Организации. Вьетнам находится на достаточно высоком уровне на международной арене, посредством активного производства и экспорта сельскохозяйственной продукции, а так же по экспорту товаров легкой промышленности. СВР стал одним из немаловажных экспортеров в США. В 2009 году Вьетнам перешел в число стран с показателем средней развитости, посредством роста годового дохода на душу населения. Вьетнам экспортирует такие продукты как: морепродукты, нефть, текстиль. Вьетнам является одним из крупнейших экспортеров риса в мире, число стран, в которые производится экспорт данного продукта насчитывается более 70. Посредством ознакомления с этими данными мы можем убедиться в полученных преимуществах Вьетнама после вступления в ВТО. Помимо привлечения иностранных капиталов, немаловажным фактором внутреннего развития стало то, что руководство Вьетнама повышенное внимание стало уделять инновациям внутри самой страны, путем повышения уровня квалификации рабочей силы. Вьетнам также является производителем деревообрабатывающих продуктов, что является одной из важных статей вьетнамского экспорта. В это число также входит машиностроение, производство электрического кабеля, а в последнее время заметно стал возрастать уровень туризма в СВР, что также положительно сказывается на стремительно развивающейся экономике этой страны[3].

До начала 1980-х гг. основным внешнеполитическим партнером Вьетнама являлся Советский Союз. Первым событием, которое предопределило дальнейшее сотрудничество между СССР и СВР, стало прибытие из Франции на территорию СССР, в Москву Хо Ши Мина летом

1923 года. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены в 1950 году. Торговые экономические отношения начались в 1955 году, после того, как 15 июля того года было подписано первое соглашение. В последующие годы при помощи СССР во Вьетнаме было построено огромное количество различных многоотраслевых предприятий, способствующих развитию экономики (химическая, горнодобывающая, производство машиностроения, пищевая, транспорт и т.д.). Благодаря помощи СССР и других социалистических стран, во Вьетнаме появилась многоотраслевая, соответствующая требованиям того времени, экономика. В период с 1960-70-х годов СССР оказывал Вьетнаму значительную экономическую, финансовую и военную помощь, так как в этот период Вьетнам вел войну с США. За годы Вьетнамской войны советская сторона поставила во Вьетнам полностью всю систему ПВО страны, истребительную авиацию и артиллерию. Шли поставки кораблей, танков, стрелкового оружия. В итоге, во Вьетнаме скопилось огромное количество оружия, которое к 1980-м годам нуждалось в ремонте.

В середине 1980-х годов, как известно, в СССР началась политика перестройки, завершившейся распадом СССР и провозглашением Российской Федерации. Руководство новой России стало ориентироваться на западные страны, что привело к фактическому свертыванию двусторонних отношений. В отношениях двух стран наступила недолговременная «пауза». Политику «обновления» (дой мой) стал проводить и Вьетнам. Современный Вьетнам – одно из динамичных, быстро развивающихся стран Азии. Главная цель, которую поставило руководство – ускорение индустриализации и модернизации страны. В 2000 г. на IX съезде КПВ была принята «Стратегия развития страны к 2020 г.», цель которой – превращение Вьетнама в процветающую социалистическую страну

С начала 1990-х гг. обе стороны стали проявлять заинтересованность в восстановлении сотрудничества. В 1994 г. в Москве подписан Договор об основах дружественных отношений[6]. В марте 2001 г. в ходе первого официального визита в СРВ Президента Российской Федерации В. В. Путина была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между Россией и Вьетнамом[7]. После этого отношения России и Вьетнама стали восстанавливаться, прежде всего, в технической и военной сфере, а также развиваться в новых направлениях.

В 1992 году была создана Российско - Вьетнамская межправительственная комиссия, назначением которой стало регулирование и создание необходимых условий для развития экономической кооперации России и Вьетнама, развитие научно-технического и торгово-экономического сотрудничества. В настоящее время наиболее успешно развиваются двусторонние отношения в нефтедобывающей промышленности, строительстве энергетических мощностей, сфере переработки морепродуктов, а также операции по экспорту и импорту. Активно развивается торгово-экономическое сотрудничество. В 2010 г. объем двусторонней торговли превысил 2 млрд. долл. США, при этом российский экспорт в СРВ составил около 1 млрд. долл. Несущей опорой российско-вьетнамского стратегического партнерства в области экономики остается нефтегазовый комплекс. Эффективно работает учрежденное в 1981 г. совместное предприятие «Вьетсовпетро». На его долю приходится более половины добываемой в СРВ нефти. Вьетнам и Россия сотрудничают в области геологической разведки и добычи нефти и газа на континентальном шельфе Вьетнама. Страны сотрудничают и в области электроэнергетики. При техническом содействии российской компании ОАО «Силовые машины» во Вьетнаме возводится целый ряд ГЭС. В 2010 г. подписано соглашение о сооружении АЭС на территории СРВ,

которое открывает путь для создания вьетнамской атомной отрасли, включая возведение нового Центра ядерных исследований, выстраивание национальной системы ядерной и радиационной безопасности и подготовку кадров. Расширяется инвестиционное сотрудничество в области мобильной связи и информационных технологий, сборки грузовой автотехники, производства каучука.

Вьетнамский капитал активно проникает в российскую экономику. Инвестируется в российскую экономику. Так, с участием вьетнамской стороны было осуществлено создание более 300 совместных компаний, работающих на территории России. Эти компании занимаются производством строительных материалов, торговлей, пищевой промышленностью. Между двумя странами активно развивается инвестиционное сотрудничество. В частности, вьетнамская сторона инвестировала свои капиталы в строительство торгово-культурного центра Ханоя в Москве, в строительство завода минеральных удобрений в Калмыкии, добычу нефти на севере России.

Возобновляется сотрудничество в научно-технической сфере. Объектом, который отвечает за данную межгосударственную деятельность, является Совместный российско-вьетнамский тропический научно-исследовательский и технологический центр, открытый в 1987 году. Объектами совместного изучения российских и вьетнамских ученых являются экология, биотехнология, медицинская тематика, стойкость военной и инженерной техники в условиях тропического климата. Развивается достаточно широкий спектр различных направлений на взаимовыгодной основе, включающий такие обязательства, как передача Вьетнаму со стороны России разработок, произведенных в сфере научно-технической и опытно-конструктивной. Так, в 2008 г. в Ханое при участии ФГУ имени академика С. Н. Федорова была открыта

Международная офтальмологическая вьетнамско-российская клиника, что, несомненно, поспособствует российско-вьетнамскому сотрудничеству в данной сфере.

Между двумя странами давние традиции сотрудничества в области образования. СССР оказал Вьетнаму большую помощь в подготовке квалифицированных кадров. Десятки тысяч граждан Вьетнама получили высшее и среднее техническое образование на территории СССР. Выпускники советских вузов объединились во Вьетнамскую ассоциацию выпускников вузов СССР (Винакорвуз). В настоящее время взаимодействие в области образования также активно развивается. В России по гослинии обучаются свыше 1,5 тыс. граждан СРВ, на контрактной основе – около 3,5 тыс. чел. В повестке дня создание в Ханое российско-вьетнамского технологического университета. Более того, в поддержку и развитие данных отношений в Ханое, в 2002 году был построен Российский дом науки, а также открытие международного вьетнамо-российского факультета.

Наиболее динамично развиваются взаимоотношения в военной сфере. Как уже было отмечено выше, сотрудничество в военной области получило наибольшее развитие в период Вьетнамской войны 1965 – 1973 годов. СССР оказал Вьетнаму существенную помощь и в период нападения китайской армии на его территорию в 1979 году, что ознаменовало начало Третьей Индокитайской войны. Руководствуясь Двусторонним соглашением о дружбе и взаимном сотрудничестве от 1965 года [8], после чего на территорию Вьетнама были отправлены вооруженные силы СССР. Силы ВВС, а так же ВМФ Советского Союза способствовали устранению вооруженных сил Китая с территории СРВ. С этого момента началось фундаментальное взаимодействие двух стран в военно-технической сфере. Через два месяца после окончания войны Третьей Индокитайской войны, СССР подписал с Вьетнамом соглашение, по которому, в порту

Камрань (Южный Вьетнам), стал базироваться пункт для проведения материально-технического обеспечения советского военно-морского флота. Соглашение было подписано сроком на 25 лет. До объединения Вьетнама в 1973 году здесь располагалась крупная тыловая военная база военных сил США. Американцы на месте бухты Камрань построили аэродром и современный порт. В дальнейшем эта база была признана самой крупной советской военной базой, находящей за рубежом, так как ее протяженность равнялась 100 квадратным километрам. Как известно, учитывая беспрецедентную помощь СССР Вьетнаму, аренда данной базы советской стороной проводилась безвозмездно. В Камрани на постоянной основе находился смешанный полк ВВС СССР, самолеты которого могли достичь территории Японии, Южной Кореи, Филиппин, где располагались американские военные базы. С этой точки зрения, важность базы Камрань для СССР была очевидной. В дальнейшем, база Камрань стала символом советско-вьетнамской дружбы.

В конце XX века Индокитай перестал быть горячей точкой планеты, американцы значительно сократили в Юго-Восточной Азии свое военное присутствие. База Камрань для российских военных потеряла свое значение. В 2001 году правительство РФ приняло решение более не продлевать соглашение с Вьетнамом по отношению данной базы и досрочно эвакуировать военные силы с этой территории. Но уже очень скоро по разным причинам Юго-Восточная Азия вновь стала приковывать внимание, в том числе и с военной точки зрения. США по инициативе правительства Индонезии, Филиппин вновь стали возвращаться в этот регион. В целях сохранения военно-политического баланса в этом регионе, целый ряд стран заинтересован в возвращении в этот регион и России. Россия и Вьетнам стали обсуждать вопрос возвращения российских военных в базу Камрань, что, несомненно, будет способствовать упрочению реализации

Россией своих геополитических интересов в Юго-Восточной Азии[4].

В настоящее время российское руководство придает большое значение укреплению разностороннего сотрудничества России и Вьетнама. Так, 30-31 октября 2010 года президент РФ Д. А. Медведев прилетел во Вьетнам для участия во втором саммите АСЕАН. По словам президента Вьетнама Нгуен Минь Чиета, СРВ намерена расширять и укреплять отношения с Россией в области военно-технического сотрудничества, так как эта область является уже традиционной и наиболее приоритетной для данных стран[9]. Во время визита президента СРВ Нгуен Минь Чиета в Москву в 2008 году был подписан межправительственный меморандум о российско-вьетнамском военно-техническом сотрудничестве (ВТС) в период до 2020 года. По ходу произошедших событий в отношениях Вьетнама и России прослеживается, что данная кооперация приобретает характер стратегического партнерства. Россия является крупнейшим в мире поставщиком военно-технической мощи во Вьетнаме. В настоящее время ВТС ведется в поставке абсолютно всех аспектах и по всем видам военной техники и вооружений. Поставляются продукты от приборов ночного видения до тяжелой военно-морской и военно-воздушной техники.

После избрания президентом большое значение двустороннему сотрудничеству, в том числе и в области ВТС, стал придавать и В. В. Путин. В частности, 17 октября 2012 года В. В. Путиным было проведено заседание Комиссии по вопросам военно-технического сотрудничества с иностранными государствами. В ходе данного заседания обсуждались глобальные вопросы, затрагивающие перспективы развития ВТС со странами - партнерами по ассоциации БРИКС, а также с Вьетнамом. Особое внимание данного собрания было обращено на вопросы совершенствования договорной и правовой базы военно-

технического сотрудничества и повышению эффективности работы межправительственных комиссий стран-участниц. Также обсуждались вопросы по данной ситуации на мировом рынке, которая сложилась в наши дни. Отмечалось, что в мире в данной области существует достаточно высокая конкуренция, и что необходимо в ближайшее время усовершенствовать и искать качественно-новые подходы, под началом которого и будет реализовываться ВТС России со странами БРИКС и отдельно с Вьетнамом, так как Вьетнам является действительно проверенным партнером по вопросам военно-технического взаимодействия[6].

Следующим шагом в развитии ВТС России и Вьетнама стал визит министра обороны РФ С. К. Шойгу 6 марта 2013 года в Ханой с целью ведения переговоров с министром обороны Вьетнама. В итоге была достигнута договоренность, что Вьетнам и в дальнейшем продолжит закупать у России средства военной продукции и техники. По соглашению двух сторон, Россия окажет помощь Вьетнаму в строительстве своего собственного подводного флота. Президент Вьетнама Фуанг Куанг Тхань заявил, что Вьетнам признателен и никогда не забудет помощь, оказанную вооруженными силами СССР вьетнамским вооруженным силам, ведшими борьбу за независимость СРВ, а также в период дальнейшего ее существования[10]. По предложению вьетнамской стороны было решено наладить и поддерживать постоянные встречи заместителей глав военных ведомств обеих стран. Поддержание данных доверительных отношений со своим стратегическим партнером в ЮВА выходит на одно из важнейших внешнеполитических приоритетов для России. В 2013 году между Россией и Вьетнамом было подписано соглашение о входе российских боевых кораблей в порты Социалистической Республики Вьетнам.

В октябре 2013 г. состоялся официальный визит В. В. Путина во Вьетнам, во время которого состоялась его встреча с

президентом СРВ Чыонг Тан Шангом. На встрече было принято совместное заявление глав государств РФ и СРВ о дальнейшем укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства[11]. В. В. Путин и Чыонг Тан Шанг подтвердили решение придать российско-вьетнамскому кооперированию всеобъемлющий характер. Это заявление способствовало открытию новых возможностей наращивания и укрепления взаимовыгодного партнерства. Было отмечено, что научно-техническое и торгово-экономическое сотрудничество находятся на достаточно высоком уровне развития и занимают прочные позиции. Стороны позитивно оценили ход переговорного процесса по заключению соглашения о свободной торговле между государствами – участниками Таможенного союза, а так же было положительно отмечено, что Россия и дальше будет производить инвестирование во вьетнамскую экономику, а также окажет содействие в подготовке рабочих кадров. По итогам визита В. В. Путина во Вьетнам было подписано несколько меморандумов: Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством науки и технологий Социалистической Республики Вьетнам; Меморандум о сотрудничестве в области науки, технологий и инноваций; Меморандум о взаимопонимании между Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Министерством природных ресурсов и окружающей среды Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области геологии и недропользования. Также было обговорено решение Вьетнама непосредственно подключиться к операциям Организации Объединенных Наций с целью поддержания мира, которое было одобрено российской стороной. Российский президент выразил готовность с нашей стороны оказать поддержку в рамках ООН в данной деятельности Вьетнаму на благо мира. Главы государств также позитивно

отметили, возможность благополучного проведения Олимпийских и Паралимпийских игр в Сочи в 2014 году[5].

Таким образом, полувековое сотрудничество России и Вьетнама, основанное на взаимной дружбе и понимании, служат, надежной основой для дальнейшего развития межгосударственных отношений. Высокая динамика диалога является наглядным свидетельством дружественного и доверительного характера российско-вьетнамских отношений.

Список литературы.

1.Литвинов Н.Н. Стратегический менеджмент на примере Азиатско-Тихоокеанского региона. Монография. — М., 2010. — 200 [10] с. — (Strategic Management in the Asian-Pacific).

6. Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам.**ПРАВОВОЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД РОССИИ. 16 июня 1994 года.**[/http://www.mid.ru](http://www.mid.ru)

7.ДЕКЛАРАЦИЯ О СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ ВЬЕТНАМ.**ДЕПАРТАМЕНТ МИД РОССИИ . 2 марта 2001 года.** [/http://www.mid.ru](http://www.mid.ru)

8.Двустороннее соглашение о дружбе и взаимном сотрудничестве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам . **ДЕПАРТАМЕНТ МИД РОССИИ . 1965 год.** [/http://www.mid.ru](http://www.mid.ru)

9./www.arms-expo.ru

10./function.mil.ru

11./www.kremlin.ru

ДИПЛОМАТИЯ РФ И КНР В РЕШЕНИИ ЮГОСЛАВСКОГО КРИЗИСА

А.А. Колпак*

С момента образования Китайской Народной Республики в 1949 г. двусторонние отношения России и Китая прошли различные стадии и уровни взаимодействия. Особо интересным и актуальным является рассмотрение сотрудничества двух государств в рамках их деятельности в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций. Как известно, Российская Федерация и Китайская Народная Республика являются постоянными членами данного органа ООН, а соответственно обладают правом «вето», которое две указанные страны зачастую применяют сообща и согласовав свои позиции по обсуждаемому вопросу. Особо ярко данный факт проявился в ходе кризиса в бывшей советской республике Югославии в 1990-е годы.

Именно к указанному периоду времени и Россия, и Китай уже занимают важное место на мировой арене. Более того, согласно Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, заключенному между двумя странами, обе стороны должны были координировать свои позиции по тому или иному международному вопросу, а соответственно, приходиться к какому-то общему мнению, консенсусу. В связи с этим, особо стоит подчеркнуть тот факт, что в рамках ООН Россия и Китай являются членами Совета Безопасности, а ведь это дает им непосредственный доступ к процессу принятия ключевых решений по актуальным проблемам международных отношений. Оба государства также входят в список членов таких влиятельных международных организаций, как ШОС,

* **Колпак Анна Александровна** – студентка 4 курса кафедры ТИМО.
Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры Т.И. Понька

АТЭС, что также способствует всестороннему развитию сотрудничества двух стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ставшим к настоящему времени одним из ключевых регионов мирового экономического и политического прогресса.

Как известно, одной из влиятельных международных организаций, занимающейся поддержанием и укреплением международного мира и безопасности, развитием сотрудничества между государствами, продолжает оставаться ООН. Главная ответственность за выполнение вышепоставленных задач данной универсальной организации возложена на Совет Безопасности, постоянными членами которого являются и Китай, и Россия. Согласно Уставу ООН 5 государств, входящих в Совет на постоянной основе, обладают правом «вето», а решениям Совета обязаны подчиняться все члены ООН [1].

В рамках ООН в значительном числе случаев Российская Федерация и Китайская Народная Республика не раз демонстрировали сходные подходы к проблемам международной безопасности, учитывая при принятии решений не только свои национальные интересы, но также и интересы других акторов международных отношений (в частности, самих участников того или иного конфликта).

Однако на подобное сотрудничество двух сильных государств не могли не повлиять следующие исторические события: распад глобальной биполярной системы, произошедший во второй половине XX века, существенное изменение мирового баланса сил, явное нежелание отдельных субъектов международных отношений поступаться своими интересами. Усилившиеся «эгоистические» стремления некоторых государств, сильное ослабление других (и в экономической, и в политической сферах), попытки расширить свои территории за счет соседских земель – эти факторы не могли не повлиять на

дальнейшее нормальное функционирование Организации Объединенных Наций. Фактически, сводилась на нет возможность государств прийти к единому мнению, принять то решение, которое, прежде всего, способствовало бы сохранению мира. Все вышеуказанные факторы привели к резкому ослаблению роли ООН в деле обеспечения международной безопасности.

На рубеже веков наметилась тенденция резкого сокращения случаев применения права «вето» великими державами. Данный факт можно считать снижением международной напряженности и проявлением общей, согласованной позиции государств-членов Совета Безопасности ООН. Тем не менее, с начала 1990-х годов Совет санкционировал более 10 международных вооруженных вмешательств, а также в 11 раз возросло применение санкций Организации Объединенных Наций против тех или иных государств [2]. В довершении этого, проявилась еще одна негативная тенденция – игнорирование государствами основополагающих международных договоров и своих обязательств по ним. Отсюда вытекает снижение возможности Совета Безопасности контролировать (а главное, пресекать) вмешательство одних стран во внутренние дела других суверенных акторов международных отношений. Тем не менее, Китай и Россия, в силу общности взглядов на дальнейшее развитие и становление мира, на роль ООН как универсальной организации – гаранта сохранения международной безопасности, продолжают согласовывать свои позиции и действовать сообща при разрешении возникающих конфликтных ситуаций.

Примером такого взаимодействия может быть ситуация, которая сложилась в бывшей советской республике – Югославии. Именно в ходе данного международного кризиса Китай и Россия проявили полное единодушие в видении путей выхода из создавшегося положения.

Как известно, 22 сентября 1991 года в результате внутривластного кризиса в Югославии было провозглашено создание независимой Республики Косово, население которой составляли преимущественно албанцы. Более того, в только что провозглашенном государстве в ускоренном режиме стало происходить формирование вооруженных сил сепаратистов. Вследствие чего развернулось кровопролитное столкновение между непосредственно сепаратистами и югославскими силами правопорядка. В ходе данного конфликта жертвами стали сотни мирных жителей, чиновников и военных. Подобная ситуация не могла не стать предметом срочного обсуждения в Организации Объединенных Наций.

Здесь стоит упомянуть «особое» положение Югославии в мире к 1991 году. Так, после распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) была принята Резолюция ООН № 777 от 19 сентября 1992 года, которая констатировала, что «государство, ранее известное как Социалистическая Федеративная Республика Югославия прекратило свое существование», поэтому «Союзная Республика Югославия (Сербия и Черногория) не может автоматически продолжать членство бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии в Организации Объединенных Наций» [3]. Таким образом, данное государство было фактически лишено права участия в работе Генеральной Ассамблеи ООН, а также было исключено из членов ряда влиятельных международных организаций.

Несмотря на столь нестабильное положение Югославии на международной арене и ее неучастие в работе основных организаций, ООН стала тем международным актором, который взял на себя обязанность проведения миротворческой деятельности на территории данного государства. Стоит обратить особое внимание на сложившийся в вышеуказанной

ситуации парадокс, который также отмечает в своей работе Е. Ю. Гуськова : «...контакты руководства СРЮ и ООН продолжались, хотя в заседаниях Ассамблеи Югославия участия не принимала» [4]. В свете данных фактов основной внешнеполитической задачей для нового государства стало снятие санкций (а конкретно – эмбарго), а также выход из сложившейся политической изоляции. Для достижения вышеуказанной цели Президент Югославии Добрица Чосич прибегнул к развитию активного сотрудничества « со всеми мировыми факторами – ООН, Европейским сообществом, СБСЕ в установлении мира и нормализации отношений между народами и государствам бывшей Югославии и Балкан» [5] .

Более того, правительство Югославии даже обратилось к Организации Объединенных Наций с просьбой о том, чтобы на территории государства была проведена операция по поддержанию мира. В рамках ООН было решено, что миротворческой операцией в Югославии должно руководить гражданское лицо, напрямую ответственное перед Генеральным Секретарем. Разработкой специального плана данной операции занимался видный американский государственный деятель – Сайрус Вэнс. Согласно его мнению, миротворческая миссия должна была иметь временный мандат, а ее основной задачей было обеспечить безопасность для проведения дальнейших переговоров между конфликтующими сторонами.

В результате, в Югославию была направлена группа военных и гражданских лиц для создания условий для прихода «голубых касок». Одновременно с этим, Б. Бутрос-Гали (Генеральный секретарь ООН) начал подготовку миротворческой миссии под названием « Силы ООН по охране» (СООНО), что было официально закреплено Резолюциями № 743 от 21 февраля 1992 года и № 749 от 7 апреля 1992 года [6]. При этом важной особенностью данной операции был тот факт, что на территории Хорватии

действовала и ООН, и ЕС. Последний выполнял функции по мироустройству Югославии в целом, а вот Организация Объединенных Наций имела мандат на действия только в границах Хорватии. В итоге, к концу января 1992 года Президиум СФРЮ одобрил план Сайруса Вэнса о направлении в Хорватию миротворческих сил. Однако, вместе с действиями ООН, направленных на установление мира и порядка в регионе, происходила и активизация сепаратистов. Более того, волна столкновений и выступлений стала распространяться и на другие государства, тем самым спровоцировав последующее расширение мандата СООНО на близлежащие территории.

Однако, действия сербских сепаратистов не прекращались, а попытки достигнуть консенсуса посредством мирных переговоров оказались тщетными. В свете данных событий, США активно настаивали на передаче руководства операцией на территории Югославии НАТО. Более того, Соединенные Штаты заявили о том, что право принятия решения о воздушных ударах НАТО по позициям сербских повстанцев должно быть отдано командующему СООНО и командующему войсками альянса.

Позиция России по данному вопросу была однозначна с самого начала. Введение сил НАТО в бывшую советскую республику, на территории которой уже не первый год действовали миротворцы ООН, и тем более проведение массированных бомбардировок сепаратистских позиций были неприемлемыми мерами. Москва была против вывода сил Организации Объединенных Наций с Балкан, более того, была озвучена идея о дальнейшем усилении военного контингента ООН, в том числе и за счет российских подразделений. Россия предложила также исключить использование «зон безопасности» в качестве плацдармов для наступательных зон мусульман и создать своего рода международный штаб с широкими оперативно-тактическими функциями, т. е.

постоянный военно-консультативный орган стран, участвующих в миротворческой операции . Однако предложения России во внимание приняты не были. Более того, западные державы смогли создать такую ситуацию, при которой Россию удалось как бы устранить от дальнейшего обсуждения вопроса. Госсекретарь США У. Кристофер на пресс-конференции заявил, что «...достигнутые нами соглашения не зависят от согласия русских или вообще голоса русских» [7] .

«Меморандум о взаимопонимании между главнокомандующим объединенными силами НАТО в южной зоне Европы и командующим силами ООН по охране в бывшей Югославии», подписанный от имени СООНО генералом Бернаром Жанвье и от имени НАТО адмиралом Л.Смитом стал неким политическим «прикрытием» для действий НАТО на территории Боснии, которые являлись откровенным нарушением мандата ООН . Стоит отметить тот факт, что с текстом данного документа, в котором фактически оговаривался порядок проведения военно-воздушных операций против сербов согласно специально подготовленному списку так называемых «стационарных целей», не были ознакомлены два постоянных члена Совета Безопасности — Китай и Россия. Как известно, именно эти государства с самого начала заняли позицию невоенного метода разрешения ситуации в Югославии. Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно подобное мнение РФ и КНР по поводу действий НАТО послужило причиной подобного «обхода» в оповещении о вышеупомянутом Меморандуме.

Так, известный российский аналитик генерал Л. Г. Ивашов отмечает: «В начале 90-х годов НАТО была вынуждена адаптироваться к изменившимся политическим реалиям. В ее установках появились новые элементы, например, взаимодействие с европейскими институтами —

ОБСЕ, ЕС и ЗЕС. Происходило совершенствование терминологии, аппарата толкования концепции, что должно было отражать поиск нового места НАТО в системе европейской безопасности. Одним из направлений стратегической концепции, принятой в ноябре 1991 г. на римской сессии совета блока, был контроль за военно-политическими кризисами. В этой связи была разработана концепция «управления кризисами», необходимыми элементами которой были оказание давления и применение войск в интересах достижения стабильности» [8]. Балканский кризис стал не только местом своеобразной «проверки на прочность» этой доктрины, но и попыткой закрепить правовую независимость НАТО и способность альянса действовать вне зависимости от других международных акторов, в частности, от ООН и ОБСЕ. Ситуация вокруг бомбардировок территории Югославии хорошо объясняется З. Бжезинским, который заявляет, что «Организация Североатлантического договора (НАТО) связывает наиболее развитые и влиятельные государства Европы с Америкой, превращая Соединенные Штаты в главное действующее лицо даже во внутриевропейских делах» [9].

Таким образом, становится ясна главная цель НАТО – стать отдельным самостоятельным фактором в международных делах (в частности, в региональных конфликтах). Организации Североатлантического договора было невыгодно реализовывать решения Совета Безопасности ООН и действовать под его эгидой, от «его имени». Фактически, НАТО использовала ООН как инструмент проникновения в сферу действия миротворческих сил, а также в систему европейской безопасности для подтверждения своей новой роли. В декабре 1992 г. НАТО заявила о своей готовности оказывать поддержку миротворческим операциям под эгидой Совета Безопасности ООН. Кризисная ситуация, сложившаяся на территории бывшей советской республики

Югославии, стала «удачным» полем действия для апробации самостоятельных действий Североатлантического альянса.

В частности, в июне 1995 г. под прикрытием "зон безопасности", охраняемых "голубыми касками", началось наступление мусульман против боснийских сербов в районе Сараево [10]. Попытки сербов оказать противодействие агрессорам были остановлены атаками военно-воздушных сил НАТО.

Завершающая операция хорватской армии (под кодовым названием - "Буря", против Сербской Краины) была проведена уже в августе этого же года. Данное событие стало одной из самых «кровавых страниц» в истории всего Югославского кризиса. Оно сопровождалось самой массовой "этнической чисткой": около 300 тыс. сербов превратились в беженцев, многие погибли, их имущество было уничтожено и разграблено [11]. Совместные попытки российских и китайских дипломатов ввести санкции против действий Хорватии (которые, по факту, являлись геноцидом сербского населения) были сразу же заблокированы в Совете Безопасности ООН усилиями американской дипломатии.

При этом, Соединенные Штаты не отступали и от своей основной задачи - передачи полномочий ООН в руки НАТО. Фактически же, созданные в НАТО, так называемые, силы быстрого реагирования заменяли "голубые каски", но при этом они сильно отличались от миротворцев Организации Объединенных Наций – войска Североатлантического альянса явно придерживались одной стороны конфликта. Подобная безнаказанность и даже своеобразное «прикрытие» со стороны НАТО лишь разогрело аппетиты боснийских мусульман. В итоге, взрыв на базарной площади в Сараево 28 августа 1995 г. (который был непосредственно организован противниками боснийских сербов) - послужила поводом для широкомасштабных военных действий.

30 августа 1995 г. на рассвете военная авиация НАТО стала наносить непрерывные удары по позициям и тылам боснийских сербов [12]. Данная операция стала самой крупномасштабной в истории Североатлантического альянса. В ходе данных событий войска НАТО стали непосредственными участниками внутреннего этногражданского конфликта на территории бывшей Югославии на стороне Мусульманско-Хорватской Федерации, созданной усилиями американской дипломатии еще весной 1994 года. Беспрерывные бомбардировки, фактические «этнические чистки», потеря боснийскими сербами большей части своей законной территории – именно такой была ситуация в регионе накануне заключения Дейтонских соглашений.

Вышеупомянутые соглашения были подписаны сторонами конфликта в США в ноябре 1995 г. под сильным давлением со стороны американской дипломатии. Составными частями данных соглашений были два вопроса : гражданские и военные аспекты будущего устройства Боснии и Герцеговины. Приоритет отдавался вопросу о военном урегулировании ситуации в регионе – было решено, что необходимо сохранить долговременное присутствие сил НАТО на территории Боснии и Герцеговины. В Соглашении оговаривалось, что данный военный контингент будет действовать под руководством, управлением и политическим контролем Североатлантического совета через командные инстанции НАТО [13]. Более того, Североатлантический альянс фактически узурпировал свою власть в рамках данной территории, потому что участие других государств в каких-либо операциях в регионе должно было быть предварительно согласовано с представителями альянса.

Таким образом, Дейтонские соглашения закрепили вмешательство НАТО в урегулирование конфликта на территории бывшей Югославии. Речь идет и о географическом

расширении зоны действия альянса, и о проверке его способности к выполнению новой миссии контроля кризисных ситуаций регионального масштаба «посредством ограниченного применения военной силы» [14] .

Тем не менее, войска НАТО не стали сдерживающим фактором для дальнейшего распространения волны военных столкновений на территории Югославии. В частности, в 1998 г. на территорию Косово вторглась югославская армия. Началась кровопролитная война, которая сопровождалась массовыми репрессиями и этническими чистками с обеих сторон конфликта. Североатлантический альянс посчитал необходимым вмешаться в данный конфликт, не согласовывая при этом свои действия с Советом Безопасности ООН, и в обход мнения международного сообщества 24 марта 1999 г. НАТО обрушила на Югославию бомбовые удары. Во время агрессии НАТО, которая длилась 78 дней, самолеты и крылатые ракеты использовались для поражения военных объектов, лишения боеспособности югославской армии. Подобным жестоким атакам подвергалась вся территория Югославии. В результате сербское правительство было вынуждено согласиться на ввод в Косово военного контингента НАТО KFOR и переход края под управление ООН, что и было осуществлено на основании резолюции СБ ООН № 1244 от 10 июня 1999 года [15] . С тех пор Косово является частично признанным государством в Юго-Восточной Европе.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, несмотря на упорное противодействие столь жестким действиям на территории Югославии, которое проявляли два постоянных члена Совета Безопасности ООН – РФ и КНР , американская дипломатия сумела убедить остальные государства в необходимости вооруженных действия во благо «мира в регионе». Подобная ситуация, в которой Организация Объединенных Наций

фактически передала свои функции Североатлантическому альянсу, в полной мере дискредитировала свои позиции в мире и показала всю непродуктивность своих действий.

Список литературы:

- [1] Устав ООН // Сайт Организации Объединенных Наций. - <http://www.un.org/ru/documents/charter/>
- [2] *Бойко Ю., Севериков В., Иванова М.* Россия и Китай в системе международной безопасности. - http://www.rau.su/observer/N4_2008/020_027.pdf
- [3] *Гуськова Е.* Политика ООН и военные действия НАТО на территории бывшей Югославии в 90-е годы XX в. - <http://www.guskova.ru/w/wars/2000-feb>
- [4] *Гуськова Е.* Политика ООН и военные действия НАТО на территории бывшей Югославии в 90-е годы XX в. - <http://www.guskova.ru/w/wars/2000-feb>
- [5] *Чосич Д.* Из речи на заседании Союзной Скупщины // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990-1992). — Москва, 1992.
- [6] *Гуськова Е.* Политика ООН и военные действия НАТО на территории бывшей Югославии в 90-е годы XX в. - <http://www.guskova.ru/w/wars/2000-feb>
- [7] Что на уме у Москвы? // Правда. — 1995. — 12 авг. — С. 1,3.
- [8] *Ивашов Л.* Вашингтонская стратегия НАТО // Военно-исторический журнал. — 2000. — № 1. — С. 3 — 12.
- [9] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. — Москва, 2010.
- [10] *Волков В.* Дейтонское соглашение в действии: надежды и сомнения. - http://www.rau.su/observer/N5-6_97/5-6_07.htm

- [11] Волков В. Дейтонское соглашение в действии: надежды и сомнения. - http://www.rau.su/observer/N5-6_97/5-6_07.htm
- [12] Гуськова Е. Политика ООН и военные действия НАТО на территории бывшей Югославии в 90-е годы XX в. - <http://www.guskova.ru/w/wars/2000-feb>
- [13] Боснийский конфликт 1992-1995 гг. Дейтонские соглашения. http://www.natiwa.ru/articles/bosnia/history/bos_dayton.html
- [14] США в новом мире: пределы могущества. — М.: Российский институт стратегического исследования, 1997.
- [15] Тягуненко Л. Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века. Природа югославского кризиса //Новая и новейшая история. – 2001. - № 3.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КНР СО СТРАНАМИ ШОС ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ли Цзыинь, И.В.Троян, У Юйяо*

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) в силу геостратегического положения входящих в ее состав государств в центральной части евразийского континента и мощного потенциала развития имеет все необходимые предпосылки для того, чтобы стать одним из главных полюсов современного мира. ШОС занимает отдельное место для России. Официальная российская позиция исходит из тройной функции ШОС. Во-первых, ШОС рассматривается как формат, способный содействовать становлению системы коллективного лидерства в мире. Во-вторых, ШОС должна

* Лю Цзыинь, Троян Ирина Владимировна, У Юйяо – студенты 3 курса, кафедры Теории и истории международных отношений. Научный руководитель. Научный руководитель – к.и.н., доцент Татьяна Ивановна Понька

стать составным элементом «партнерской сети региональных объединений» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В-третьих, организации, наряду с механизмами ООН, СНГ и ОДКБ, отводится особая роль в международных усилиях по стабилизации ситуации в Афганистане [1]. За короткий срок своего существования ШОС стала заметным звеном в формировании нового полицентричного миропорядка. Долговременная цель ШОС - оздоровление обстановки в Центральной Азии, налаживание сотрудничества и укрепления доверия между странами региона. Китай сыграл одну из главных ролей в ускорении институализации ШОС, поскольку это соответствовало целям его внешней политики. Сложившийся благоприятный политический климат, а именно достижение взаимопонимания между странами-участницами ШОС, способствовал противодействию одной из главных угроз национальной безопасности КНР - возрастающей опасности превращения региона в район перманентной нестабильности из-за резкой активизации международного терроризма.

В целях повышения авторитета КНР на международной арене китайская дипломатия придает большое значение участию и роли КНР в деятельности крупных региональных организаций. Деятельность Китайской Народной Республики в рамках различных международных организаций и участие в интеграционных процессах рассматривается как показатель изменения внешнеполитического курса этой страны на современном этапе. Более того, происходит стремительное расширение географии национальных интересов Китая. В настоящее время мы наблюдаем борьбу Китая с мировым финансовым кризисом; формирование новой мировой финансовой архитектуры; более активное системное участие Китая в противодействии нетрадиционным вызовам и угрозам; активный экономический и политический выход Китая на рынки стран Латинской Америки, Африки,

Центральной постсоветской Азии. И, наконец, более активное системное участие в относительно новых международных структурах. Это, прежде всего, ШОС, РИК (Россия, Индия, Китай) и БРИКС. быстро меняется отношение Китая к глобальной ответственности в мире.

Китайское руководство рассматривает эту ответственность, прежде всего, через призму укрепления собственной безопасности и суверенитета и одновременно, вопреки надеждам западных политиков, понимание китайской глобальной ответственности не связано с желанием Китая взять на себя «часть грехов» США и разделить с ним мировую ответственность. Хочу подчеркнуть, что независимо от степени готовности Китая к статусу глобальной державы, главным приоритетом его отношений с внешним миром будет оставаться принцип сохранения стабильности и баланса с внешним миром, ухода от угрозы хаоса, чтобы это ему не стоило.

В последние годы Китай не только предпринял большие усилия, чтобы стимулировать создание и развитие Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), но принимает и поддерживает участие в Совете по сотрудничеству в области безопасности АТР, Региональном форуме АСЕАН, и др. Следовательно, Китай намерен играть высокоактивную роль для углубления сотрудничества в региональной безопасности с общеазиатской спецификой.

Все эти вопросы нашли отражение в официальных внешнеполитических документах КНР. Согласно Национальной оборонной доктрине, Китай одобряет принципы и цели ШОС по границам установления взаимодоверия и координации в Азии по защите региональной безопасности и об упрочении сотрудничества доверия, тем самым проводит действенное дружественное сотрудничество со странами-членами [2. С. 17].

На современном этапе для КНР и стран-участниц ШОС предметом объединения является всеобщая угроза исламистского экстремизма и терроризма. Данная проблема активно обсуждается в Таджикистане, Северном Кавказе, Кыргызстане, Узбекистане, Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Члены ШОС понимают международный характер этой опасности и предпринимают активные совместные действия в противоборстве ей. Тем самым, в следствие общих угроз и общего видения странами создается основа для развития политического взаимодействия по иным положениям.

Другим аспектом расширения сотрудничества в сфере безопасности становится цель объединить усилия в борьбе с нелегальными трансграничными поставками наркотиков. Значительная доля мирового оборота наркотиков (преимущественно опиатов) реализуется через регионы стран-участниц ШОС и их соседей; прибыль от торговли наркотиков, как правило, используют для финансирования и развития экстремистской и террористической деятельности. Сотрудничество в борьбе с оборотом наркотиков стало вполне естественным развитием политического сотрудничества между странами ШОС.

Не менее важной общей проблемой для стран ШОС является сепаратизм. Китай осуществляет деятельность по его борьбе в Синьцзяне, в некоторых случаях наблюдается нестабильность и в странах Средней Азии. Члены ШОС оказывают содействие друг другу в противостоянии сепаратизму, однако следует отметить, что в настоящее время сепаратизм и терроризм зачастую трактуются одинаково, поэтому странам ШОС предпочтительнее обсуждать вопросы сотрудничества по борьбе с международным терроризмом.

Таким образом, цель сохранить региональную стабильность и территориальную целостность государств региона в настоящее время является чрезвычайно актуальной для стран-участниц, следовательно, ШОС будет играть все

более важную роль в развитии политического сотрудничества в Центральной Азии.

Проводимый в настоящее время руководством КНР курс на интеграцию в региональные структуры обладает преимущественно конструктивным характером и имеет значительную пользу для укрепления национальной безопасности страны. В рамках региональных организаций Китай имеет возможность развивать равноправное партнерство с другими странами, что способствует созданию конкурентной среды международных отношений.

Вместе с тем, страны ШОС имеют неоднозначные позиции по многим вопросам сотрудничества. Следует отметить, что указанная неоднозначность позиций является следствием тех процессов, которые и привели к созданию данной региональной структуры в Центральной Азии. Известно, что создание ШОС было во многом не плановым, а политически спонтанным. Это был некий ответ государств Центральной Азии на бурные изменения в структуре международных отношений последних двадцати лет в указанном регионе. Вследствие этого, уровень декларируемых ШОС задач подчас не соответствует реальным устремлениям стран-участниц. Однако примечательно, что при этом ни одна страна не отказывается от участия в интеграционных процессах центрально-азиатского региона. Рассмотрев этапы становления организационной структуры ШОС, можно понять некоторую существующую противоречивость ее развития.

Предпосылки к созданию Шанхайской организации сотрудничества были заложены еще в 1960-е года. В основе начавшегося диалога СССР и КНР в конце 1960-х гг. было стремление решить пограничные вопросы. Данный процесс был непростым и прошел через ряд острых политических конфликтов. Тем не менее, к концу 1980-х гг. стороны вернулись к дипломатическим методам решения пограничных вопросов. Одновременно Китаю в 1990-е годы удалось

цивилизованно решить все территориальные вопросы с соседними государствами СНГ- Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Таким образом, образовался круг участников переговоров в лице России и новообразованных государств Центральной Азии. Вскоре из временного дипломатического сотрудничества этот «клуб» перерос в постоянную базу для переговоров и контактов. Китай видел в этом привлекательную перспективу для объединения усилий и потенциалы центральноазиатских государств для приостановления вероятной экспансии других мировых центров силы и могущества в Центральной Азии. Одновременно открылись возможности для будущего развития существенного регионального сотрудничества.

Следует отметить, что Китай сыграл одну из главных ролей в ускорении индустриализации ШОС, поскольку это соответствовало целям его внешней политики. Сложившийся благоприятный политический климат, а именно достижение взаимопонимания между странами-участницами ШОС, способствовал противодействию одной из главных угроз национальной безопасности КНР - возрастающей опасности превращения региона в район перманентной нестабильности из-за резкой активизации международного терроризма.

Развитие ШОС в организационном плане свидетельствовало о расширении интересов и задач ее участников. Первоначально ее деятельность лежала в сфере обоюдных внутрирегиональных положений по пресечению экстремизма и сепаратизма, а также террористических актов в Средней Азии. Одним из первых документов, которые подписали участники установочного саммита ШОС в Шанхае (2001 год), была Шанхайская конвенция о борьбе с экстремизмом и сепаратизмом, терроризмом [3. С. 23] впервые закрепившая на международном уровне определение экстремизма и сепаратизма как насильственных, преследуемых в уголовном порядке деяний. С тех пор вопросы

урегулирования внутренних конфликтов, достижения консенсуса в противодействии наркомафии и экстремизму занимают первоочередное место в обсуждениях стран-участниц, свидетельством чего вначале стало создание Региональной антитеррористической структуры (РАТС), а затем и подписание Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве[4]. Но вскоре выявились определенные противоречия даже в этом столь значимом для современных международных отношений направлении. Критики ШОС отмечали, что реальная борьба с терроризмом уступает заявленному уровню.

После создания организации членами ШОС было проведено несколько совместных антитеррористических учений. Самое первое было в августе 2003 года. Первая фаза учений проводилась в Казахстане, вторая - в Китае. КНР не принимала участие в первой фазе учений, что эксперты объяснили осторожностью, вызванной не только нежеланием участвовать в военных акциях, но и малым опытом участия в международных маневрах [5. С. 268].

В большем масштабе, но за пределами основной структуры ШОС, в августе 2005 года началась первая совместная тренировка военных сил Китая и России, которую назвали «Мирная миссия- 2005».

В дальнейшем учение проводились в 2006 и 2007 годах («Восток-антитеррор-2006» и «Мирная миссия-2007»). В сентябре 2008 года прошли командно-масштабные учения «Волгоград-Антитеррор-2008», а в 2009 году- «Мирная миссия-2009» [6. С. 170].

Вопреки регулярным проведениям коллективных антитеррористических учений, функционерами ШОС многократно акцентировалось внимание на том, что организация не является военным альянсом. Многие эксперты замечают, что КНР, рассматривая страны ШОС как перспективный рынок сбыта, полагает, что приоритеты ШОС

между экономической и антитеррористической деятельностью должны делиться пополам, а в будущем экономическая стратегия сможет получить ведущее место в деятельности организации. Некоторые считают, что Китай может быть не заинтересован в наращивании антитеррористической, военной составляющей, так как Китай в целом разрешил вопрос (уйгурского) терроризма [7. С. 2]. Более того КНР во внешней политике в первую очередь рассматривает исторические территориальные проблемы, не входящие в рамки ШОС, - объединение с Тайванем, для чего ему потребуется достичь соглашения о невмешательстве со стороны США. Также ШОС ценен для Китая как образец плодотворного взаимодействия страны с другими странами азиатского региона, ранее имевшие серьезные разногласия и натянутые отношения. Достижение деятельности ШОС и разумная позиция Китая в организации будут действительным примером другим странам региона, что Китай способен, как региональный лидер, к сотрудничеству и диалогу по всему спектру проблем региона.

В качестве итога можно сказать, что, несмотря на все существующие сомнения в действительности ШОС и весомости ее роли на международной арене, для КНР эта организация сохраняет свою геополитическую ценность как весомая заявка на реальное участие в международных делах. Участие Китая в ШОС явственно показывает новое направление во внешней политике КНР на современном этапе, а именно увязать свою растущую экономическую мощь с возрастанием авторитета Пекина на международной арене. Участие в ШОС демонстрирует миролюбивый характер внешней политики Китая и помогает Пекину комплексно решать проблемы национальной безопасности с борьбой с международным терроризмом и экстремизмом.

Список литературы:

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.

[2] Национальная оборона КНР в 2002 году. По материалам Канцелярии Госсовета КНР. Газета «人民日报»(Жэньминь Жибао). – 2004. – №1. С.5-7

[3] Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 октября 2003 г. N 41 ст. 3947.

[4] Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 16.08.2007 г.

[5] Осетров А.В. Деятельность Региональной антитеррористической структуры ШОС по противодействию терроризму в Центральной Азии (2004-2005гг.) // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008 С.246-255.

[6] Комиссина И.Н., Куртов А.А. Указ.соч.

[7] Лузянин С.Г. Пятеро против одного. Приоритеты Росси и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества не совпадают// Независимая газета. 2004. 28 сентября.

ВЬЕТНАМ – США: РОМАН БЕЗ ВЗАИМНОСТИ

Локшин Г.М.*

«У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их — наш долг» — эти слова лорда Пальмерстона, сказанные в английском парламенте в 1848г., и сегодня лучше всего подходят для определения отношений между двумя бывшими непримиримыми врагами – Вьетнамом и США. Ужесточение позиций Китая в Южно-Китайском море (далее ЮКМ) привело к сближению стратегических интересов Вьетнама и США и послужило стимулом для налаживания сотрудничества двух стран. За прошедшие годы они далеко ушли от ненависти, но к взаимному доверию ещё не приблизились.

1. Отодвинуть прошлое, смотреть в будущее.

12 июля 1995 года президент США Билл Клинтон и премьер-министр СРВ Во Ван Киет объявили о нормализации дипломатических отношений между Вьетнамом и США. С того момента, руководствуясь принципом «отодвинуть прошлое, смотреть в будущее» Вьетнам прошел длинный путь в строительстве стабильных и долговременных отношений с США. И это происходит вопреки незаживающим ранам 9-летней войны и несмотря на часто упоминаемую вьетнамскими руководителями угрозу т.н. «мирной эволюции», исходящей от США.

Стороны создали разветвленную систему политико-военных консультаций друг с другом. Первый диалог по военно-политическим проблемам безопасности состоялся в 2008г. В августе 2010г. было решено проводить такой диалог

* Локшин Григорий Михайлович -к.и.н., вед.н.с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН.

два раза в год поочередно в Вашингтоне и в Ханое. С тех пор продолжается интенсивный обмен визитами между соответствующими ведомствами двух стран. Таких постоянно действующих механизмов сотрудничества насчитывается уже более десяти. В них ведется активный диалог по двусторонним вопросам политики, безопасности, обороны, экономики, а также по безопасности и развитию в ЮВА и во всем АТР. В последние годы установлен и поддерживается диалог и по таким вопросам как демократия, права человека, религиозные свободы и другим, которые ещё недавно считались особо чувствительными и чуть ли неприкосновенными в двусторонних отношениях. Обмен визитами и встречи между высшими руководителями Вьетнама и США в кулуарах ряда международных конференций также способствовали развитию двусторонних отношений.

Таким образом, считает генеральный директор института международных и стратегических исследований Дипломатической академии Вьетнама Хоанг Ань Туан, «отношения США и Вьетнама созрели и достигли той стадии, когда имеется достаточное количество рутинных консультаций, регулярных встреч и других механизмов на всех уровнях – от рабочего до самого высокого. Они превратились из «особых» в «нормальные», вышли из ограниченного круга проблем к всеобъемлющему сотрудничеству на самых разных направлениях» [1].

В развитии военного сотрудничества с США Вьетнам неизменно проявляет особую осторожность в зависимости от уровня напряженности в отношениях с Китаем. Политика США в этом вопросе тоже остается в стадии ожидания того, когда Вьетнам окончательно займет непримиримую позицию в отношении Китая. США пока боевого (смертоносного) оружия Вьетнаму не продают из-за запрета, наложенного Конгрессом в связи с продолжающейся критикой положения во Вьетнаме с правами человека и религиозными свободами. От Вьетнама

требуют проведения таких политических реформ, обеспечения таких свобод, которые означали бы радикальное изменение политического строя в стране. КПВ на это не идет и вряд ли когда-нибудь пойдет.

Несмотря на это, военное сотрудничество всё-таки налаживается, причем, начиная с самых простых вещей и до дружеских визитов американских кораблей, включая и излюбленную американцами бухту Камрань. США уже не раз предлагали заключить соглашение по обслуживанию американских кораблей в случае вынужденного захода в порты Вьетнама при чрезвычайных обстоятельствах, но пока такого соглашения нет. Количество заходов военных кораблей США в порты Вьетнама ограничено одним кораблем в год. Точно также ограничены и заходы китайских военных кораблей. Американская сторона не раз предлагала увеличить их число, но Вьетнам на это пока не идет. Совместные учения с участием американских кораблей строго ограничены поисково-спасательными тренировками.

Американские техники помогли отремонтировать и ввести в строй десятки американских вертолетов, которые были захвачены вьетнамцами в конце войны. Они оказывают помощь в подготовке личного состава ВНА к операциям ООН по сохранению мира в различных странах. Вьетнамские офицеры приглашаются в США для обучения английскому языку.

Вьетнам крайне осторожно и избирательно подходит ко всем предлагаемым американцами формам военного сотрудничества, тесно увязывая их с вкладом США в залечивание ран войны, особенно в ликвидацию последствий применения так называемого «оранжевого вещества» и других ОВ.

Наряду с благоприятным развитием политических отношений двустороннее торгово-экономическое сотрудничество за эти годы также получило значительное

развитие, особенно после вступления в силу в 2001 году Соглашения о двусторонней торговле между Вьетнамом и США. В целом за время, прошедшее после нормализации отношений в 1995г. США превратились во второго торгового партнера Вьетнама (после Китая). США – главный рынок для вьетнамского экспорта. Двусторонняя торговля в 2012г. достигла 24,5 млрд. долларов США (а по американским данным, 26 млрд.) с профицитом для Вьетнама в 14,8 млрд. долл. Ожидается, что объем торговли между ними в 2015г. составит 33 млрд., а к 2020г. достигнет 50 млрд. долл[2].

США сыграли важную роль в принятии Вьетнама в ВТО в 2007г. Однако Вьетнам по-прежнему добивается, чтобы США как можно скорее признали его страной с рыночной экономикой и распространили на него Общую систему преференций (GSP), а также сняли наложенные барьеры на импорт таких вьетнамских продуктов, как креветки, чай, рыба сом и другие.

Вьетнам, благодаря политической стабильности, на фоне проблем у его соседей по АСЕАН, представляется достаточно выгодным и надежным местом для американских инвестиций. Общий объем ПИИ из США на май 2013г. составил 10,5 млрд. долл., вложенных в 600 проектов, что поставило США на 7-е место среди главных инвесторов во Вьетнаме[3]. Есть все признаки желания американских инвесторов и впредь наращивать свои вложения во Вьетнаме. Стороны ведут переговоры о заключении соглашения о полной либерализации инвестиций. Многие американские производители придерживаются так называемой «стратегии Китай+1», направленной на сокращение их зависимости от постепенно дорожающего производства в Китае[4].

Взаимодействие между двумя странами в сферах образования и подготовки кадров, науки и технологий, исследований и противодействия климатическим изменениям также получило значительное развитие. В настоящее время в

США учатся около 17 тыс. вьетнамских студентов, хотя ещё в 2007-8 гг. их было менее 9 тыс. человек. Вьетнамцы составляют в США самую многочисленную группу студентов из стран ЮВА, а в 2011-2012 гг. Вьетнам был 7-м из всех государств мира по числу студентов, направляющихся на учебу в США[5].

Вышеуказанные успехи всё ещё носят предварительный характер. В обстановке, когда Вьетнам стремится к 2020 году стать современной индустриальной страной, а США считают Вьетнам важным партнером в регионе, обе страны прилагают большие усилия для укрепления и развития отношений партнерства и многостороннего сотрудничества.

Стратегические интересы Вьетнама и США совпадают в том, что касается сохранения равновесия сил в условиях быстрого «подъема» Китая и в ограничении его экспансии, в частности, в ЮКМ. Но Вьетнам и США имеют весьма сложные и совершенно разные отношения с Китаем. У Вьетнама нет реальной возможности сбалансировать отношения с КНР, повернувшись целиком в сторону США, Вьетнам не считает себя врагом Китая, хотя напряженность между ними в ЮКМ продолжает нарастать и Вьетнам вынужден тратить немалые средства на повышение своей обороноспособности.

Один из самых авторитетных экспертов по американо-вьетнамским отношениям австралийский профессор К.Тэйер, по-своему достаточно четко определил сущность этих отношений: «США имеют влияние во Вьетнаме в той мере, в которой вьетнамцы, действительно чего-то хотят от них. А они хотят, чтобы их президент принимался в Белом Доме, хотят стратегического партнерства с США и снятия ими ограничений на торговлю оружием. Официальные лица США ясно показали, что ни одно из этих пожеланий не будет удовлетворено, пока положение с правами человека (включая свободу интернета) не будет улучшено» [6]. Но как представляется, профессор всё-таки немного не договаривает.

По мотивам внутренней политики отношение к Вьетнаму сильно отличается от отношения к странам Ближнего Востока или к другим, где положение с правами человека ничуть не лучше. Сказывается сильное давление вьетнамской диаспоры и многочисленных правозащитных организаций США. Во Вьетнаме сколько-нибудь организованной и влиятельной оппозиции нет, но власти стараются держать под своим контролем националистические антикитайские настроения в стране. Этим и воспользовались некоторые деятели вьетнамской диаспоры, обвиняющие вьетнамское руководство в капитуляции перед Китаем и предательстве национальных интересов.

Но есть и другие, как представляется, более важные причины американской сдержанности. Прежде всего, это неуверенность в решимости вьетнамского руководства до конца противостоять китайской экспансии, подозрения в его готовности договориться и в подходящий момент перейти на сторону Китая. Шумные кампании в защиту прав человека во Вьетнаме, которые время от времени устраивает многочисленная вьетнамская диаспора в США, служат при этом лишь внешней оболочкой, под которой творцы американской политики скрывают свои сомнения в том, каковы, на самом деле, стратегические цели Вьетнама и как далеко он готов пойти весте с США в «сдерживании» Китая. Правда, неизвестно, как далеко намерены идти на этом пути и сами США. А роль Вьетнама в объявленной стратегии США в АТР слишком велика, чтобы чрезмерно увлекаться миссионерской игрой в демократию.

2. Партнерство «всеобъемлющее», но не «стратегическое»

Официальный визит президента Чыонг Тан Шанга в США, который состоялся 24-26 июля 2013г., стал важным шагом в развитии и углублении двусторонних отношений. Он проходил через месяц после визита в Китай и был первым его

визитом в США, а вообще вторым официальным визитом главы государства с момента нормализации отношений в 1995г. Предыдущий президентский визит был в 2007г. За ним последовал успешный визит премьер-министра Нгуен Тан Зунга в 2008г. Но с тех пор более пяти лет официальных встреч на высшем уровне не было.

Все предшествующее визиту дни 1,5-миллионная вьетнамская диаспора в США вместе с республиканцами в Конгрессе развернула беспрецедентную пропагандистскую кампанию по дискредитации политики СРВ. Миссионерская защита прав человека вместе со стратегическими и экономическими интересами часто рассматривается наблюдателями как одна из трёх главных опор внешней политики США. Но, как подтверждает практика отношений с Вьетнамом, эти три опоры вовсе не равны.

Возросшая жесткость китайской политики в его территориальных спорах с соседями по Южно-Китайскому морю, которая меняет всю стратегическую обстановку в Азии, не позволила администрации Б. Обамы допустить, чтобы права человека определяли американо-вьетнамские отношения. И президент США отдал приоритет именно стратегическим и экономическим интересам, отодвинув на задний план все другие соображения. Визит состоялся, прошел успешно, а его итоги свидетельствуют, что никаких уступок с вьетнамской стороны в этих вопросах сделано не было.

Для Вьетнама цели визита явно не связывались напрямую с вопросами безопасности. Они состояли в том, чтобы зафиксировать определенные рамки отношений с США на новом этапе, способствовать их расширению и углублению, особенно в тех областях, где обе стороны имеют общие интересы и приоритеты. В совместном заявлении по итогам встречи говорится, что президенты «решили установить всеобъемлющее партнерство США - Вьетнам, чтобы обозначить рамки развития своих отношений». Отвечая своему

названию, эти отношения касаются самого широкого круга проблем, включая политику, экономику, дипломатию, безопасность и оборону, науку, технологии, культуру, образование здравоохранение и права человека.

Визит привлек большое внимание мировых СМИ. Некоторые наблюдатели рассматривали его как исторический шанс для Вьетнама поднять отношения с США до уровня «стратегического партнерства». Этот оптимизм основывался на слухах, будто вьетнамское руководство приняло решение установить более близкие отношения с США в целях балансирования отношений с Китаем.

Принятая в итоге переговоров формула отношений говорит о том, что о «стратегическом партнерстве» договориться не удалось, хотя предложение об этом было сделано ещё во время визита Х.Клинтон в Ханой в 2010г. Но оно тогда принято не было. Переговоры шли почти два года, пока не были прерваны из-за серии арестов диссидентов во Вьетнаме. Незадолго до визита президента в США премьер-министр СРВ Нгуен Тан Зунг, выступая с докладом на представительном форуме в Сингапуре, говорил о стремлении установить такие отношения со всеми постоянными членами СБ ООН. Но вместо этого стороны нашли промежуточную формулу – «всеобъемлющее партнерство», которое охватывает самую широкую сферу сотрудничества. За этой разницей в названиях просматривается желание вьетнамского руководства показать, что стороны ещё не достигли той степени близости и доверия, как в отношениях с другими «стратегическими партнерами» вроде России и Китая.

3. Политические основы «всеобъемлющего партнерства»

Стороны приняли совместное Заявление, касающееся принципов и содержания отношений двух стран в установленных ими новых рамках. В нем отмечается, что эти

отношения основаны на принципах «уважения Устава ООН, международного права, политических систем независимости, суверенитета и территориальной целостности друг друга»[7] (подчеркнуто Г.Л.). Характерно, что слова «взаимное уважение», «невмешательство во внутренние дела», «уважение политического строя» друг друга повторяются в нескольких местах Заявления. В сложившейся атмосфере перед визитом напомнить об этом было особенно важно для Вьетнама.

В Заявлении президенты особо отметили, что всеобъемлющее партнерство Вьетнама и США отвечает не только общим интересам народов двух стран, но и вносит вклад в сохранение мира, стабильности, сотрудничества и процветания в регионе и во всем мире. Ханой и Вашингтон договорились ежегодно проводить диалог по внешней политике на уровне министров иностранных дел, поднимая уровень существовавшего соглашения о консультациях их заместителей. Они решили создать институты для регулярного диалога между министерствами иностранных дел, парламентами и даже собираются рассмотреть возможность обмена делегациями между партийными органами двух стран, что крайне удивительно для США.

В ходе визита США и Вьетнам как бы приоткрыли свои общие стратегические интересы и цели. Президент Шанг даже заявил во время своего пребывания в Вашингтоне, что Вьетнам рассматривает США как своего «главного партнера» (Top partner). Наряду с этим он говорил, что «Вьетнам приветствует расширение сотрудничества США с АТР в интересах мира, стабильности, сотрудничества и развития региона». Это было сказано в выступлении президента в Центре международных и стратегических исследований (CSIS) в Вашингтоне. И это было первое выступление Президента СРВ в этом «мозговом тресте» американской политики, где он встретился с видными экспертами и дипломатами. Его заявление было воспринято весьма компетентной аудиторией

как ясно выраженная поддержка стратегии «перебалансировки» США в АТР. Среди других проблем Чыонг Тан Шанг также однозначно заявил, что далеко идущие территориальные претензии Китая в ЮКМ, выраженные в пресловутой линии «U» [8], не имеют никакого правового основания. И это было первое столь откровенное заявление вьетнамского руководителя на таком уровне относительно территориальных притязаний Китая.

Впервые в совместном Заявлении сторон прямо говорится о проблемах ЮКМ, причем президентом США выражены пожелания, полностью совпадающие с позицией Вьетнама по этим спорным вопросам с Китаем. В отношении проблем ЮКМ США и до этого не раз заявляли, что не разделяют позицию Китая по чрезмерным территориальным требованиям в ЮКМ и возражают против попыток шантажа в отношении американских компаний, занятых законной экономической деятельностью на шельфе Вьетнама. Они особенно активно выступали против любых попыток Китая препятствовать свободе судоходства в этом море. И на этот раз президенты Вьетнама и США подтвердили поддержку мирного решения споров в ЮКМ в соответствии с международным правом, включая все положения Конвенции ООН по морскому праву 1982г.(UNCLOS).

Одновременно они подтвердили приверженность принципу неприменения силы и угрозы силой для разрешения территориальных споров, как на суше, так и на море. Оба президента подчеркнули важность полного соблюдения Декларации о поведении сторон в ЮКМ 2002г.(DOC) и большое значение начала переговоров о разработке эффективного Кодекса поведения сторон (COC).

Подтвержденная позиция США по территориальным спорам в ЮКМ в общем плане отвечает интересам Вьетнама. США заявляют о нейтралитете в этих спорах, но активно поддерживают многосторонние усилия всех государств

АСЕАН по сохранению мира и безопасности в регионе, по обеспечению свободы судоходства[9], по решению спорных вопросов на основе норм международного права и Конвенции 1982г. Особое значение для Вьетнама имело в этой связи подтверждение сотрудничества американских нефтяных корпораций в разведке и добыче нефти и газа на шельфе в его исключительной экономической зоне.

Из совместного Заявления от 25 июля 2013г. со всей очевидностью вытекало, что США намерены продолжать работать с Вьетнамом в ЮКМ, игнорируя все протесты и предупреждения Китая. В июле 2008г. Китай, как известно, потребовал от американской компании «Эксон Мобайл» прекратить реализацию всех проектов по контрактам с Вьетнамом в его исключительной экономической зоне. Компания не отступилась, но с тех пор не было ничего слышно о том, как продвигается этот проект. 23 июня 2012г. китайская оффшорная нефтяная компания CNOOC выставила на тендер 9 нефтяных полей в районах, которые входят в ИЭЗ Вьетнама, что вызвало резкий протест Ханоя. Пока желающих участвовать в нем не нашлось.

По этому случаю целый ряд корпораций и компаний обеих стран заключили между собой важные для Вьетнама соглашения: Меморандум государственной нефтяной корпорации Вьетнама (Петровьетнам) и Экспортно-импортного банка США о помощи в торговле и инвестициях в нефте-газовую промышленность; рамочное соглашение Петровьетнам с компанией Эксон Мобайл о продолжении работ по разведке и добыче нефти и газа на шельфе Вьетнама в границах его исключительной экономической зоны; Соглашение о сотрудничестве между генеральной компанией по разведке и добыче нефти (PVEP) и американской нефтяной компанией Марфи ойл (MURFY Oil); Меморандум страховой компании Метрополитэн лайф (Metlife) и Банка инвестиций и развития Вьетнама, обязательство министерства финансов

Вьетнама создать управляющую компанию фондов страховой компании АСЕ[10].

4. В военно-техническом сотрудничестве без перемен

Относительно военного сотрудничества в совместном Заявлении говорится только, что стороны будут поддерживать контакты в соответствии с Меморандумом 2011 года об усилении двустороннего сотрудничества в области обороны. Вьетнаму это мало что дает. В свое время президент Дж. Буш на встрече с премьер-министром Нгуен Тан Зунгом в 2008 году более четко заявил, что «США поддерживают территориальную целостность, независимость и суверенитет Вьетнама». Поддержка не означает обязательство защищать эту целостность. Но вьетнамская пресса тогда по этому поводу не скрывала большого удовлетворения. На этот раз никаких громких заявлений на этот счет не было.

Визит президента не внес заметных изменений в содержание и формы военного сотрудничества. Американцы добиваются более свободного доступа в порты Вьетнама и дальнейшего развития военного сотрудничества, но запрет на продажу боевого оружия не снимают. В интервью Агентству Ассошиэйтед Пресс перед визитом президент Шанг призывал США снять ограничения на продажу оружия Вьетнаму. Это - давняя задача вьетнамских дипломатов и политиков. Президент Шанг тоже настаивал на отмене ограничений на продажу оружия, но явно не так настойчиво, как в отношении антидемпинговых барьеров в торговле. Очевидно, во Вьетнаме отдают себе отчет в том, что за поставками оружия последуют и американские инструктора и другие дополнительные условия. А тем временем страна уже имеет надежного партнера по ВТС в лице России. Так что в Ханое, похоже, справедливо считают, что менять поставщиков современных вооружений не имеет никакого смысла.

Американская сторона подтвердила все прежние договоренности о помощи в ликвидации таких особо болезненных последствий прошлой войны, как оставшиеся на полях мины и снаряды, а также последствия массового применения американской авиацией т.н. «оранжевого вещества» (диоксина).

5. Экономика – движущая сила развития отношений

Как показывали результаты визита, именно экономическое сотрудничество рассматривается сторонами как фундамент и движущая сила отношений между двумя странами. Они договорились поощрять американских бизнесменов и инвесторов на продолжение работы во Вьетнаме, особенно в таких приоритетных для Вьетнама отраслях, как высокие технологии, энергетика, машиностроение, окружающая среда, информационные технологии, модернизация сельского хозяйства, развитие трудовых ресурсов и другие. Вьетнамская сторона предлагала ускорить полное признание Вьетнама страной с рыночной экономикой, устранить торговые барьеры на пути вьетнамского экспорта на рынки США, особенно сельскохозяйственных и морских продуктов. Но США на это не пошли, ссылаясь на по-прежнему решающую роль государственных предприятий в экономике Вьетнама. Они лишь обещали вернуться к рассмотрению этого вопроса, поставив его в зависимость от идущих там реформ.

Самым главным достижением Б.Обамы на этих переговорах в американской печати называлось обязательство Вьетнама до конца года завершить переговоры и подписать соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП) – самой большой Зоны свободной торговли в АТР, но без Китая. Этот преференциальный торговый пакт явно конкурирует с активно продвигаемым Китаем Всеобъемлющим экономическим партнерством в Восточной

Азии (ВЭПВА), куда собираются вступить страны группы АСЕАН+3 [11], а в дальнейшем Австралия, Индия и Новая Зеландия.

Б. Обама и до этого визита не скрывал своего намерения завершить создание этой крупнейшей Зоны свободной торговли в АТР с участием ещё 11 других государств в октябре на саммите АТЭС на индонезийском острове Бали, в котором он собирался участвовать лично. Естественно, вынужденный отказ президента США от намечавшейся ранее поездки в страны ЮВА и на саммит АТЭС и Восточноазиатский саммит в Брунее поставил все эти планы временно под вопрос и вызвал немало сомнений среди будущих партнеров.

В создаваемой США крупнейшей Зоне свободной торговли предполагается ликвидация почти всех импортных пошлин. Однако при этом предъявляются жесткие требования к экологии, соблюдению прав интеллектуальной собственности, ограничению роли государства, охране труда, к стране происхождения сырья для экспортных товаров и другие обязательные условия для полного или значительного освобождения от пошлин. Швейная промышленность Вьетнама, экспортировавшая свою продукцию в 2012г. почти на 17 млрд. долл., в том числе 50% в США, а остальное в ЕС, Японию и Южную Корею, во многом зависит от импорта сырья из Китая[12]. А в этом случае, по условиям ТПП, швейные изделия Вьетнама не смогут освободиться от пошлин, что сделает их неконкурентоспособными и приведет, как считают многие, к параличу важнейшей отрасли вьетнамской промышленности и массовым увольнениям.

Соглашение по ТПП заложит основу для более кодифицированных торговых отношений с важными партнерами в формальном международном документе. Но в деловых кругах Вьетнама продолжаются дискуссии о возможных негативных последствиях этого шага. Вьетнамское

руководство устроило обещание Президента США учесть особенности вьетнамской экономики при вступлении в ТПП, и оно пошло ему в этом на уступку, надеясь оговорить для себя всевозможные отсрочки и исключения из жестких требований ТПП.

И действительно, 8 октября 2013г. на прошедшем в кулуарах саммита АТЭС на о. Бали очередном раунде переговоров по ТПП было решено предоставить Малайзии, Сингапуру, Вьетнаму и Брунею отсрочку в 4 года для приведения своих законов о государственных предприятиях в соответствие с требованиями ТПП. Но осталось ещё немало и других условий, принятие которых для Вьетнама будет весьма трудным. Но вьетнамское руководство идет на участие в ТПП, полагая, что выгоды от этого превысят все издержки. Оно может и многое дать Вьетнаму. Прежде всего, оно означает открытие огромного американского, японского и австралийского рынков. Многочисленные барьеры, с которыми сталкивается вьетнамский экспорт, как ожидается, будут сняты.

6. Будущее вьетнамо-американских отношений

Естественно, что многие наблюдатели сравнивали два визита - в Китай, который состоялся за месяц до второго, и США. Многие отмечали холодный тон и сдержанность в Пекине и теплоту, открытость и доброжелательность на встрече двух президентов в Белом доме во втором, оставляя за скобками шумную кампанию диаспоры и правозащитников в Конгрессе. Понятно, что встреча двух партнеров, имеющих серьезные различия и тяжелую историю своих отношений, вызвала множество разных и часто противоречивых оценок. Но большинство сошлись в том, что непримиримые противники в «холодной войне» решили оставить позади этот период в своих отношениях.

В целом итоги визита президента Чыонг Тан Шанга в США не привели к какому-то сенсационному прорыву в отношениях, но обе стороны в той или иной мере достигли своих целей. Визит дал возможность обоим главам государств показать, хотя и довольно символически, что бывшие противники готовы сделать новый шаг к сближению. Время покажет, во что всё это выльется. Общий результат можно считать ничьей, но в пользу Вьетнама. Б. Обама, конечно, принял полагающееся в таких случаях ответное приглашение посетить Вьетнам, на при этом лишь обещал, что он попытается это сделать до конца своего пребывания в Белом доме, до которого оставалось ещё три с половиной года.

Реакционная часть вьетнамской диаспоры в США осталась крайне недовольной тем местом, которое было отведено на переговорах проблемам демократии и прав человека. По этим вопросам состоялся типичный разговор глухих. США ничего не теряли, требуя от Вьетнама улучшения положения с правами человека в их собственном понимании, а Вьетнам тоже ничего не потерял, игнорируя все эти требования и отделавшись обещанием продолжить диалог по этим вопросам.

Что касается деловых отношений, то, похоже, что обе стороны остались довольны. США смотрят на Вьетнам как на новый рынок, который ещё предстоит освоить, а Вьетнам смотрит на США как на потенциального инвестора в его растущую экономику.

Визит подтвердил, что Вьетнам при всех трудностях и препятствиях, действительно, становится важным политическим партнером США в регионе. Но представить себе военный союз между ними в обозримой перспективе невозможно. Неправильно считать, как пишут некоторые американские аналитики, что у Вьетнама в создавшейся ситуации в ЮВА остается единственный выбор: либо подчиниться требованиям Китая, либо опереться на США.

Третьего, мол, не дано. Это не так. Не отказываясь от любой возможности заполучить помощь извне, вьетнамцы всегда предпочитали опираться на свои собственные силы и мобилизацию мирового общественного мнения в свою поддержку. Интересам Вьетнама на данном этапе отвечает начатая при президентстве Б. Обамы политика «перебалансировки» в АТР. Но в Ханое, без сомнения, сознают, что она может потребовать и дальнейшего вовлечения страны в орбиту американской политики. Поддержка США всегда имеет свою цену. Поэтому «перебалансировка» США вряд и сильно повлияет на характер вьетнамо-американских отношений. Стремясь получить американские инвестиции и технологии, вьетнамское руководство ни на какие уступки, способные привести к изменению политического строя, не идет и в обозримом будущем не пойдёт.

Оно не стремится и к тому, чтобы отношения с США представляли вызов Китаю. При этом каждый шаг в направлении сближения с США – это всегда своеобразное послание китайскому руководству с напоминанием о бесплодности дальнейшей конфронтации и предпочтительности мирного взаимовыгодного сотрудничества. Ханой явно не желает, чтобы его, так или иначе, втягивали в т.н. «сдерживание» Китая. Вьетнаму удалось сохранить сбалансированный подход к своим международным отношениям в целом. Вьетнам не будет военным союзником никакой страны и никому не позволит создавать военные базы на своей территории. Он не присоединится ни к какому союзу, направленному против другой страны. Об этом вновь напомнил премьер-министр Вьетнама Нгуен Тан Зунг, выступая с докладом на открытии 12-го Диалога Шангри Ла в Сингапуре 31 мая 2013г., который привлек большое внимание мировой печати[13].

Внешняя политика Вьетнама четко выражена в принципе «трёх нет», впервые сформулированном в «Белой книге Оборона» за 2009г. Они заключаются в следующем: нет – участию в военных блоках, нет - военным союзам против Китая, нет - иностранным военным базам на территории СРВ.

Список литературы:

[1] Hoang Anh Toan, Director General of the Institute for Foreign Policy and Strategic Studies at the Diplomatic Academy of Vietnam. www.East-Westcenter.org/APB/ №225/august 1.2013

[2] Background Briefing: Thayer Consultancy ABN # 65 648 097 123 Vietnam & U.S. Presidents to meet at The White House Carlyle A. Thayer July 23, 2013

[3] WWW. Mofa.vn/Thứ tư, ngày 31 tháng 07 năm 2013 (МИД среда 31 июля 2013)

[4] Asia Times on line www.atimes.com/SouthEast Asia/Vietnam Weaves between US and China Sep 19,2008

[5] Hoang Anh Toan, op.cit.

[6] The Diplomat August 14, 20137

[7] www.Thong tan xa vn. Tuyên bố chung Việt-Mỹ Cập nhật: 03:28 GMT - thứ sáu, 26 tháng 7 2013 Телеграфное агентство Вьетнама, Совместное заявление Вьетнама и США/ суббота 26 июля 2013г.

[8] Линия «U» официально появилась на карте, представленной в ООН в 2009г. Она обозначает претензии КНР почти на 90% акватории ЮКМ со всеми его островами

[9] США добиваются свободы плавания своих военных кораблей за пределами 12-мильной зоны территориальных вод в 200-мильной исключительной экономической зоне прибрежных государств, а Китай допускает это только после запроса и его разрешения на «мирный проход» без какой-либо военной деятельности, включая разведку, чем часто занимаются американцы. Слабость позиции США и в том, что

они Конвенцию 1982г. подписали, но до сих пор не ратифицировали.

[10] BBC(viet) co uk thứ sáu, 26 tháng 7, 2013. Biển Đông trong chuyến đi của ông Sang (БиБиСи (вьет.яз) суббота 26 июля 2013 Восточное море в поездке г-на Шанга в США)

[11] АСЕАН = Китай, Корея и Япония

[12] www.RFA 2013-06-21 Hiệp định TPP Hoa Kỳ-Việt Nam còn gặp trở ngại lớn. (Радио «Свободная Азия»2013- 06-21 Соглашение о ТПП США-Вьетнам ждёт ещё много больших препятствий

[13] WWW. Shangri-La Dialogue 2013/ Keynote Address: Q&A/ Nguyen Tan Dung, Prime Minister, Vietnam

ВОЗВЫШЕНИЯ КИТАЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лошкарёв И.Д.*

В последнее десятилетие произошли важные изменения в структуре взаимодействий государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Прежде всего, речь идет о новой роли и возрастающем потенциале Китайской Народной Республики. Последствия подобных сдвигов на глобальном уровне не до конца ясны, некоторые тенденции носят противоречивый характер. Все же, большинство исследователей сходятся в том, что процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе будут иметь решающее значение для существующего и одновременно динамично формирующегося международного порядка. В самом общем виде, «ответ на вопрос будет ли Азия править миром, зависит от тех, кто поведет за собой Азию, а Китай – очевидный кандидат на такое лидерство» [7, С. 12].

* Лошкарёв Иван Дмитриевич - студент 2 курса магистратуры МГИМО (У).

Сама возможность регионального и глобального лидерства Китая поднимает ряд важных вопросов. Во-первых, вызывает сомнение, готов ли Пекин к такому лидерству. Во-вторых, определенная дискуссия развернулась относительно того, насколько структура международных отношений способствует или препятствует глобальному доминированию Поднебесной. В-третьих, неочевидно, насколько далеко простираются амбиции Китая, каково соотношение высказываемых политических деклараций и реальных намерений. В-четвертых, не совсем понятно, что может предпринять в этом отношении действующий глобальный лидер и единственная сверхдержава (США), насколько действенными окажутся взятые на вооружение приемы и модели поведения. Не секрет, что американские политические и научные круги посылают четкие сигналы: Вашингтон не готов расстаться с текущим статусом и вытекающими из него возможностями. Поэтому возникает пятый вопрос: насколько болезненным будет перераспределение ответственности и силы в международных отношениях, чего ждать другим государствам АТР. Наконец, последний вопрос окончательно уводит исследователей в предметную область футурологии: как изменится структура взаимосвязей на глобальном и региональном уровне в гипотетическом китаецентричном мире, каковы будут его принципы.

Слагаемые и «вычитаемые» лидерства

Готовность Пекина к глобальному и региональному лидерству оценивают по-разному. С либеральной точки зрения, лидерство – это способность приносить благо другим участникам международных отношений, брать на себя ответственность и приносить в жертву собственные интересы. Судя по поведению КНР во время азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг., когда Пекин не девальвировал юань и

тем самым смягчил удар для своих партнеров в Юго-Восточной Азии, Китай вполне может действовать как региональный лидер. Однако, в финансово-экономической сфере подобным образом готовы действовать, как минимум, Япония и Индия, так что китайское лидерство остается под вопросом и активно оспаривается [7, С. 21-22]. Данное соревнование хорошо прослеживается через инициативы по институциональной консолидации АТР, то есть по проектам того, какие организации и неформальные форумы, с каким составом участников и с каким набором механизмов сотрудничества и координации, будут формировать настоящее и будущее региона. Еще в 1990 году малазийский премьер-министр М. Махатхир рекомендовал учредить Восточноазиатское экономическое объединение на основе членов АСЕАН и Японии, поскольку японский капитал выводил производство с территории страны и это приносило очевидную пользу будущим «азиатским тиграм». Однако, такой вариант не устраивал как КНР, так и США. Напротив, с 2005 года запущена инициатива «Транс-тихоокеанского партнерства», активно продвигаемая Вашингтоном и включающая в качестве учредителей страны с проамериканской внешней политикой (Сингапур, Новая Зеландия, Бруней). После непростых дискуссий к переговорам о партнерстве подключился целый блок союзников и доброжелателей Вашингтона – Канада, Мексика, Австралия и Япония. Однако, подобные ассиметричные проекты, подразумевающие четкую иерархию в АТР во главе с США или Японией, не слишком соответствуют реалиям постбиполярного мира, в котором страны Восточной Азии (особенно некрупные) стремятся как можно дольше сохранять свободу действий. В такой ситуации, КНР действует осторожно: лишь с 2010 года заработала подписанная за 8 лет до этого зона свободной торговли Китай-АСЕАН, а запущенный в 2001 году механизм форума Боао только к

концу десятилетия стал антиподом Давосскому экономическому форуму.

Не менее важный аспект лидерства – наличие так называемой «мягкой силы», то есть способности сформировать в других странах хотя бы упрощенное понимание и симпатию по отношению к внешней и внутренней политике. Для Китая «мягкая сила» подразумевает объединение усилий государственных и частных структур по продвижению китайской культуры, участию во всевозможных международных и региональных институтах, а также меры по «мягкому» (дипломатическому и экономическому) принуждению. Под частными структурами имеются в виду не только бизнес-холдинги, но и многочисленная китайская диаспора, которая обеспечивает до 50% ВВП Тайланда, до 90% ВВП Малайзии, до 70% ВВП Индонезии, а также до 35% промышленного производства Филиппин. Некоторые достижения в применении «мягкой силы» особенно наглядны: премьер-министр Тайланда этнический китаец Таксин Чинават (2001-2006 гг.) объявил Китай одним из двух наиболее важных партнеров своей страны и был поддержан более чем 70% своих сограждан, хотя Бангкок по-прежнему обладает высоким статусом «союзника США вне НАТО» [11, С. 6-8; 6, С. 478-479].

С реалистской точки зрения, самая важная характеристика Китая как возможного мирового лидера – его военный потенциал. Вооруженные силы КНР – крупнейшие в мире (2,25 млн. чел.), как и численность тех, кто может быть призван на службу в экстренных ситуациях (до 200 млн. чел.). Более того, экономический рост обеспечивает Пекину возможность проводить модернизацию Вооруженных Сил (НОАК). В ежегодном докладе министерства обороны США Конгрессу за 2012 год отмечается следующее: «В попытке противостоять системам противоракетной обороны США и других стран, Китай работает над целым рядом технологий, в

том числе над маневрирующими и разделяющимися головными частями ракеты, приборами по созданию ложных целей, помех и теплового экранирования, дипольными отражателями для дезориентации систем наведения ракет, вооружением против спутников на околоземной орбите. Официальные СМИ Китая приводят многочисленные свидетельства учений 2-го артиллерийского корпуса (стратегические ракетные силы), включая маневры, маскировку и проведение операций в смоделированных боевых условиях, что предназначено для сохранения боеспособности. В совокупности с повышением мобильности и боеспособности нового поколения боевых ракет, эти технологии и усиление подготовки личного состава укрепляют общее состояние ядерных сил Китая и **увеличивают их способность наносить стратегические удары**» [15, С. 31-32]. Более того, общеизвестная напряженность на морских границах с Японией и Южной Кореей позволяет сделать вывод, что с ростом военных возможностей Поднебесная может действовать менее осторожно. Доклад министерства обороны Конгрессу за 2012 год весьма деликатно комментирует ситуацию: «Несмотря на стремление позиционировать себя как развивающуюся страну с мирной стратегией, Китая предпринял меры по защите национального суверенитета и территориальной целостности, которые проявились в настойчивом поведении и риторике [...], что сформировало в регионе **сомнения по поводу его намерений**» [15, С. 16]. Более жесткие формулировки использовала в отчете за 2013 год Комиссия по изучению вопросов национальной безопасности и экономики в американо-китайских отношениях при Конгрессе США: «Модернизация НОАК (Народно-Освободительная армия Китая) меняет баланс безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и **бросают вызов десятилетиям американского превосходства в регионе**. [...] Повсюду в Азиатско-

Тихоокеанском регионе НОАК **стремительно расширяет и диверсифицирует свои возможности по нанесению удара** по военным базам, кораблям и летательным аппаратам США, включая те из них, которые ранее не могли попасть под удар, в том числе, военную инфраструктуру на Гуаме» [17, С. 322]. В итоге, «жесткая сила» Пекина представляется ощутимой и имеющей тенденцию к увеличению, как количественному, так и качественному. Безусловно, Китай пока избегает прямых столкновений с США, но одновременно стал более активным тактически.

Очевидно, что основой для модернизации Вооруженных Сил, так же как и для сверхактивного участия в формировании глобальных и региональных институтов, так же как и для проецирования «мягкой силы», является существенный прогресс в экономике. Согласно подсчетам Э. Меддисона, среднегодовой темп роста ВВП Китая за 1990-2003 гг. составил 8,5%, в то время как аналогичные показатели США составили 2,9%, Японии – 1,17%, Индии – 5,7%, России – отрицательный рост в - 1,76% [4, С. 511]. За счет притока иностранных инвестиций Китай сумел запустить множество отраслей производства, создать сотни миллионов рабочих мест, подстегнуть внутренний спрос и стать крупным экспортером, увеличив долю в мировой торговле по сравнению с 1978 годом почти в 10 раз (до 7,9%). По прогнозам, к 2018-2025 гг. КНР вполне может обогнать США по объему экономики. Однако есть и обратная сторона медали. Поскольку Китай с помощью низких издержек на производство (дешевой рабочей силы) смог стать главным американским торговым партнером, у Пекина появились большие объемы долларов, что привело к буму кредитования как внутри Поднебесной, так и за ее пределами (через Эксимбанк КНР). Таким образом, руководство в Пекине пыталось заставить работать на себя колоссальную валютную выручку, которая в любой момент могла быть обесценена

Вашингтоном. С учетом всего этого, сформировалось несколько проблем: спекулятивный рост и схемы по образцу «пирамид» в кредитной сфере в самом Китае, очевидный рост благосостояния и потребления среди населения КНР (а, значит, и рост стоимости рабочей силы), перспектива сокращения темпов роста инвестиций из-за структурных ограничений (проще говоря, при нынешних условиях почти все возможные инвесторы уже пришли на рынок Поднебесной, а, чтобы привлечь новых, необходимы более серьезные перемены и гарантии – например, политическая реформа). Поэтому неудивительно, что темпы роста экономики Поднебесной будут снижаться. По прогнозам Э. Меддисона, среднегодовой темп роста ВВП Китая за 2003-2030 гг. составит 4,98%, в то время как для Индии аналогичный показатель равняется 5,68%, для США – 2,56%, для Японии – 0,95%, для России – почти 3%. Стоимость рабочей силы и рост ее запросов можно проследить по динамике роста ВВП на душу населения. Для КНР показатель в ценах 1990 года составил: 1990 – 1871 доллар, 2003 – 4803 доллара, 2030 – 15763 доллара [4, С. 510-511]. Вышеперечисленные данные свидетельствуют, что экономический потенциал Китая в дальнейшем не будет столь же сильно гарантировать политические успехи на региональном и глобальном уровнях.

Еще один важный компонент готовности к мировому лидерству – наличие стратегической культуры, способности ориентироваться в бурном потоке событий и выделять главные направления деятельности на долгосрочный период. Такой подход подразумевает готовность к тактическим уступкам, компромиссам, линии на выжидание. Стратегическая культура в известной мере сводится к определенному видению мира – реального и идеального. Что касается китайского взгляда на современное устройство мира, то имеющаяся информация приводит к противоречивым выводам. Власти КНР делают упор на «китайскую специфику» во всех сферах общественной

жизни, что может означать как компромисс заимствования и адаптации, так и непримиримость ко всему чужому. В ноябре 2012 года новый глава КНР Си Цзиньпин ввел в оборот доктрину «китайской мечты»: достигнуть умеренного благополучия к 2021 году, демократического, гармоничного и современного социализма – к 2049 году. Доктрина предполагает, что китайская нация обновится и улучшит мировой порядок, поскольку обеспечит дальнейший экономический рост и тем самым предстанет альтернативой Западу и его пути развития. В сущности, эта доктрина представляет собой логическое продолжение концепции «мирного возвышения» или «мирного развития», согласно которой Китай двинется по самостоятельному пути «социализма с китайской спецификой» и одновременно будет интегрироваться в мировую экономику, для чего необходим мир с соседними государствами и мир во всем мире. Важно, что руководство в Пекине склонно оценивать отношения со странами в категориях семейного родства, то есть когда есть страны-братья и государства-недрузья, так что противодействие китайским интересам может восприниматься как неразумное действие или измена [5, С. 15-17]. Очевидно, что такое стратегическое видение включает в себя следующие ипостаси Китая: самостоятельный центр в мировой политике, модель для подражания, анти-Запад. Кроме того, подобная картина мира подразумевает: отторжение конкуренции как неродственного типа отношений, мирное сосуществование с Западом при принципиальном его неприятии, стремление к установлению собственного доминирования хотя бы в целях мира и «мирного развития». Не случайно, на деле Китай вкупе с прагматизмом демонстрирует обостренное чувство престижности и независимости, боязнь полного совпадения собственной позиции со взглядом других держав, стремление к самостоятельному подходу и малую выразительность («расплывчатость»). Исходя из этого, основной метод внешней

политики КНР хорошо описан в формуле Дэн Сяопина: «Хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, не терять самообладания, скрывать свои возможности и дожидаться благоприятного момента, стоять на своем, не высываясь, но быть готовым к действиям» [3, С. 247-265]. Безусловно, в таких установках самовосприятия и действия прослеживается некоторая стратегическая культура, однако весьма специфическая и явно переоценивающая применимость «китайской специфики». Иными словами, подобная картина соответствует некоему идеалу, но не помогает осознать, в том числе самим китайцам, как воспринимается реальный мир.

В целом, можно сделать вывод, что Китай к мировому лидерству готов, но с очень большими оговорками. Прежде всего, речь идет об очевидном недостатке стратегической культуры и грядущем снижении экономического роста. Вдобавок, «мягкая сила» КНР может быть поколеблена открытыми военными акциями в АТР (включая Тибет и Синьцзян-Уйгурский автономный район), значительным пренебрежением к экологии в процессе производства, активным переселением китайских граждан в соседние страны.

Исторические траектории китайского могущества

Головокружительные темпы роста и очевидная активизация Пекина на мировой арене – характеристики нескольких последних десятилетий. Однако, в прошлом Китай уже обладал впечатляющими показателями, что не привело к резкому изменению его роли в мире. По подсчетам Э. Меддисона, ВВП Китая в ценах 1990 года по состоянию на 1820 год почти в 2 раза превышал ВВП всех государств Западной Европы и составлял свыше половины ВВП всех стран Азии. Сходная картина отмечает в данных по населению на 1820 год: численность подданных китайского богдыхана составляла свыше половины (381 млн. человек из 710 млн.)

жителей Азии и почти в 3 раза превышала численность обитателей Западной Европы (133 млн. человек). Несмотря на это, мировой порядок оставался европоцентричным. Более того, с 1840 года экономическое развитие европейских государств стало поступательным, а аналогичные показатели Китая снижались. В частности, мировой ВВП вырос в 8 раз к 1950 году, подушевой доход – в 2,6 раза, причем в Европе – в 4 раза, в США – в 8 раз. В то же время, доля Китая в мировом ВВП за 1820-1950 гг. снизилась с трети до 1/20, подушевой доход снизился в 4,5 раза [4, С. 183-185, 262]. Причины такого резкого спада общеизвестны – колониальные войны, навязывание неравноправных торговых договоров, территориальные уступки, неповоротливость бюрократической машины Поднебесной. Однако, неизменным остается факт, что в нынешних условиях доля ВВП Китая в мировом ВВП по разным оценкам составляет всего 15-20%, а при более высоких показателях в недавнем прошлом Китай не сумел стать мировым лидером.

Причины упадка Поднебесной в XIX веке и нынешних сложностей в достижении мирового лидерства отчасти кроются в структурных особенностях мировой системы. Согласно И. Валлерстайну, в основе современного мира и его социальной структуры лежит разделение труда и накопление капитала. В зависимости от времени подключения к международному разделению труда положение региона или страны в этой структуре разнится: в большинстве случаев работает принцип «чем раньше, тем лучше». Участники международного разделения труда, которые ранее подключились к этому разделению, получают больше преимуществ, чем условные «новобранцы», так что возникают отношения «центр-периферия». С XIX столетия Китая не по своей воле включился в этот комплекс отношений в качестве системной периферии, поскольку это случилось позже относительно других европейских государств. Нельзя сказать,

что положение государства закрепляется навсегда, наоборот, периодически открывается окно возможностей. Разделение труда и капитал неразрывно связаны с политической властью, так что мировой системе присущи два типа трансформирующих циклов – циклы Кондратьева (50-70 лет) и циклы мировой гегемонии (100-150 лет). В момент течения каждого из циклов меняется географическое распределение капитала и центров его накопления, а в завершение второго цикла может измениться держава, которая гарантирует существующий мировой порядок (в том числе, классической «силой» реалистов). В то же время, каждый цикл разнонаправленным образом корректирует структуру мировой системы и придет время, когда эти корректировки нарушат работу всего механизма и мировая система переродится во что-то новое. Очевидно, что в XIX веке Китай не успел воспользоваться сменой мировой гегемонии после наполеоновских войн, что отложило возможность политического изменения его положения до Второй Мировой войны. Однако, после 1945 года возникла ситуация, когда фактический гегемон уступил часть территории мира для относительно изолированного «строительства социализма», что совпало с фазой роста в цикле Кондратьева. В итоге, этой возможностью Китай воспользовался возможностью «тепличного роста» вне классического разделения труда и был относительно готов к глобальной конкуренции в начале фазы упадка в цикле Кондратьева (1968-1979). Шансы Китая увеличиваются из-за уникальной ситуации: с конца 1970-х США (тогдашний и нынешний гегемон) стали пытаться управлять самими циклами мировой системы – изначально неосознанно и по внутривнутриполитическим соображениям. В экономической сфере с помощью кредитных механизмов Вашингтону удавалось продлевать краткосрочные и среднесрочные периоды экономического роста. Мировой порядок также претерпел изменения – с 1970-х годов

существующие центры накопления капитала составили коалицию, так называемую «триаду» (США, Западная Европа, Япония). Итогом этих действий (не всегда умелых) стал триумф неолиберальных идей, что привело к краху популярности левых партий и снижению роли государств в качестве «невидимой руки». Восточная Азия избежала этого, находясь в относительно изолированной зоне «строительства социализма». Поэтому институт государства и левые идеологии сохранились в регионе в более выигрышном положении, могут служить основой для нового цикла мировой гегемонии [13, С. 35-46].

Возможно несколько сценариев. Во-первых, мировая система, вероятно, дошла до точки бифуркации, то есть до момента, когда корректировки, внесенные циклами, и циклы, скорректированные США, нарушат работу всего механизма. Дж. Арриги отмечает, что точка невозврата могла возникнуть и по иной причине. В основе нынешней мировой системы лежали период поочередного функционального и пространственного расширения капиталистических отношений, однако, в территориальном смысле предел достигнут (весь мир), поэтому либо радикальное изменение произойдет в ближайшее время, либо после функционального расширения (то есть когда будет найдено новое применение денежно-кредитным инструментам) [2, С. 415-416]. В любом случае настанет некоторый период раскола системы на несколько фрагментов, которые могут вступить в конкуренцию и вооруженную борьбу между собой (например, ЕС и блок США-Япония). Пекин сможет, или подключиться к одному из блоков (например, предложенная Б. Обамой «Большая двойка»), или будет занимать самостоятельную позицию в духе «китайской специфики», выжидая, пока остальные игроки истощатся. Какой из вариантов более перспективен – неясно.

Во-вторых, в мировой системе могут начаться новые циклы. Новый цикл Кондратьева после мирового экономического кризиса означает усиление позиций «Триады», сохранение с некоторыми исключениями текущего распределения центров накопления капитала. Однако, новый цикл мировой гегемонии подразумевает, что глобальный лидер или будет заменен, или сохранит свое положение. Обычно смена лидера происходила военным путем, так что вероятность крупного столкновения США и КНР сохраняется. Преимущества Китая в этом случае – сильное государство (высокая эффективность мобилизации ресурсов на среднесрочный период) и левая идеология (сильно спланирует массы, меньше считается с потерями) [13, 46-47].

Имеются и факторы, которые будут препятствовать вступлению Китая в борьбу. Во-первых, в терминологии С. Амина руководство в Пекине, как и во многих других странах, заражено «либеральным вирусом», то есть убеждением, что можно успешно интегрироваться в мировую систему и со временем участвовать в конкуренции с центрами накопления на равных. Однако, при действующей мировой системе у США есть неконкурентные преимущества, в том числе возможность навязывать меры по выборочной либерализации сфер производства, то есть снимать торговые барьеры в выгодных для себя отраслях. Кроме того, США могут в некотором смысле паразитировать на мировом движении капитала – за счет эмиссии доллара и увеличения внешнего долга [1, С. 36, 47-48]. Во-вторых, хотя Китай и позиционирует себя как лидера «третьего мира», реальных союзников у него нет, в то время, как «триада» прочно связана военно-политическими узами. Более того, китайское лидерство вызывает разумные опасения у других государств. Британский профессор М. Кокс отмечает, что «к Китаю относятся подозрительно повсюду в мире» [9, С. 377]. В то же время, Пекин наладил относительно прочные связи с некоторыми

соседями (Бирма, Пакистан, КНДР), активно участвует в форуме претендентов на глобальное и региональное лидерство (БРИКС), что дает основания полагать, что в будущем может оформиться глобальная прокитайская коалиция.

Линии поведения США и КНР.

Как утверждал Р. Гилпин, смена лидерства в мировой политике неизбежна. Дело в том, что в какой-то момент каждое общества достигает пределов расширения и испытывает трудности в поддержании самого себя. Между тем, внутренние и внешние факторы увеличивают как потребление, так и издержки производства, что ведет к очевидным финансовым проблемам. В то же время, распространение организационных, технологических и экономических навыков такого общества ведет к утрате им сравнительных преимуществ, обеспечивавших до этого развитие и экономический рост. Некоторые державы на периферии мировой системы могут использовать как навыки, так и собственный невысокий уровень потребления и издержек. В ситуации, когда одни общества достигают новых уровней развития, а другие проходят через период стагнации, равновесие силы нарушается, происходят разрывы между компонентами международной системы. С точки зрения державы-гегемона возрастает стоимость поддержания статус-кво, однако для государства, набирающего силу, стоимость смены международного порядка снижается. С точки зрения экономического закона спроса, потенциальный кандидат в глобальные лидеры будет искать случая, чтобы увеличить свои преимущества. Однако, моральные и политические нормы могут сдерживать это стремление: война за гегемонию почти неизбежна только в случае делегитимизации существующего мирового порядка, то есть когда правовые институты и

обеспечивающая их сила доминирующей державы утратят доверие множества государств [10, С. 185-189].

Вышеописанная идеальная ситуация напоминает существующее положение дел. США открыто заявляют о неготовности расстаться с мировым лидерством, мотивируя это универсальностью своих ценностей и их очевидной полезностью. В обращении «О положении страны» в феврале 2013 года президент Б. Обама подчеркнул следующее: **«Америка должна оставаться маяком для всех, кто ищет свободу»** в этот период исторических перемен. Я видел силу надежды в прошлом году в Рангуеке в Бирме, когда Аун Сан Су Чжи (политический диссидент – И.Л.) приветствовала американского президента в доме, где находилась в заключении много лет, когда тысячи бирманцев выстроились вдоль улиц, размахивая американскими флагами. Включая человека, сказавшего: «Право и правосудие существуют в США. Я хочу, чтобы моя страна была такой же». Защищая свободу, **мы останемся скрепой могущественных союзов** на всем протяжении от двух Америк до Африки, от Европы до Азии» [16].

В докладе уходящего с поста генерального секретаря Ху Цзиньтао XVIII-ому съезду КПК значилось: «Неизменно идя по пути мирного развития, Китай будет непоколебимо проводить *независимую* и *самостоятельную* мирную внешнюю политику. Мы будем с непоколебимой стойкостью охранять суверенитет и безопасность государства, интересы его развития и **никогда не будем подчиняться какому бы то ни было давлению извне**. Мы определяем собственную позицию и политику в зависимости от существа дела, поступая по справедливости и борясь за нее. Китай выступает за мирное разрешение международных споров и «горячих» проблем и возражает против сплошного применения оружия и угроз его применять, *против подрыва законной власти* в других странах, против терроризма во всех его видах и формах. Китай

выступает против всех видов гегемонизма и силовой политики, не вмешивается во внутренние дела других стран и никогда не будет стремиться ни к гегемонии и ни к экспансии. Китай будет неизменно связывать интересы китайского народа с общими интересами народов всех стран, принимать более активное участие в международных делах, **играть роль большой и ответственной страны**, на *совместных* началах реагировать на бросаемые вызовы глобального характера» [14]. Таким образом, китайское руководство задекларировало, что не имеет планов на глобальное лидерство (во всяком случае, официально и на ближайшее время) и готово действовать в коалиции с другими странами, что независимость и самостоятельность Китая распространяется и на действующую доминирующую державу.

В зависимости от склонности к риску и масштабностей целей претенденты на мировое доминирование делятся на несколько типов. Во-первых, набирающая силу держава может стремиться к весьма скромным характеристикам или же к почти ничем не ограниченному (революционному) переустройству мира. В случае немасштабных амбиций, запросы такой державы могут быть удовлетворены без изменения существующего мирового порядка. Во-вторых, в ряде стран лидеры могут быть склонны к риску, могут вступать в конфликт при очень небольшой вероятности победы и даже при отсутствии таковой. И, наоборот, в некоторых государствах руководство настороженно относится к риску и старается достигнуть заведомо выигрышных позиций. Согласно типологии Р. Швеллера, определяющего претендентов на глобальное лидерство в качестве ревизионистов (то есть тех, кто переосмысливает и меняет существующий порядок вещей), в итоге могут относиться к следующим типам: невосприимчивые к риску умеренные ревизионисты (Италия времен Б. Муссолини), восприимчивые к риску умеренные ревизионисты (СССР под руководством

Н.С. Хрущева), невосприимчивые к риску ревизионисты революционного толка (маоистский Китай), восприимчивые к риску ревизионисты революционного толка (наполеоновская Франция) [12, С. 19-23]. Применяя данную классификацию, заметим, что КНР относится, скорее всего, к невосприимчивым к риску ревизионистам революционного толка. Дело в том, что, хотя Пекин, по собственным заверениям, не стремится к гегемонии, доктрины «мирного возвышения» и «китайской мечты» сводятся к тому, что Китай действует по своему усмотрению и становится примером для третьего мира (аналогично, маяку Б. Обамы), что противоречит американскому видению мира. Проще говоря, Китай нацелен на переустройство мировой системы. Вдобавок, намерение действовать в коалиции выдает осторожность руководства в Пекине. Хотя достоверных сведений нет и многие высказанные суждения основаны на косвенных данных, можно сделать вывод, что китайская стратегия сводится к тому, чтобы изменить мироустройство, чтобы, не вступая в борьбу с США и сохраняя форму американской гегемонии, лишить её содержания. Очевидно, что данная стратегия не совсем классическая, в определенном смысле инновационная.

Невосприимчивые к риску ревизионисты революционного толка – наиболее сложный для государства-гегемона случай. Небезызвестно, что в отношении государств с ограниченными целями доминирующая держава может выработать политику вовлечения в общие проекты, поощрения определенных уступок, связывания долгосрочными обязательствами, принуждения (в том числе, угрозой насилия) к изменению внешнеполитической линии. Такие меры возымеют действие, поскольку такие страны-ревизионисты получают определенный доступ к формированию внешней политики гегемона, гарантии собственной безопасности. В то же время, в отношении восприимчивых к риску ревизионистов

революционного толка держава-гегемон может применить силовые инструменты – санкции, диверсии, превентивную войну. Подобные методы воздействия также эффективны, поскольку существенно повышают для претендента на глобальное лидерство цену победы и снижают потенциал (военный, экономический, политический) для ее достижения. Только в случае невосприимчивых к риску ревизионистов революционного толка, держава-гегемон способна применить лишь меры косвенного воздействия – главным образом, предложения по формированию коалиции. Однако, несклонность страны-претендента на глобальное лидерство к риску будет препятствовать формированию полноценной коалиции с широким спектром взаимных обязательств, если о таковой вообще удастся договориться [12, С. 7-15, 19-24].

На сегодняшний день, США пытаются использовать смешанную стратегию, предусматривающую меры, которые срабатывают для нескольких типов государств-ревизионистов. Во-первых, инициатива «Большой двойки», исходившая от Б. Обамы, де-факто подразумевала формирование американо-китайской коалиции. Все же, Пекин из идеологических соображений и присущей ему осторожности отказался от участия в подобной рискованной затее. Во-вторых, Вашингтон исходит из того, что не взаимодействовать с КНР невозможно, поскольку речь идет о крупнейшем торговом и инвестиционном партнере. Поэтому США придерживаются тактики «селективного партнерства»: поощряют постоянные консультации, обмен опытом, неформальные контакты – для поиска точек соприкосновения и вопросов, не вызывающих разногласий. В-третьих, американское руководство пытается возложить часть ответственности за глобальное управление на региональных лидеров (таких как КНР, Индия, Бразилия), сместив акцент с работы в формате «Большой Восьмерки» на «Большую Двдцатку». Таким образом, Китай противопоставляется менее значительным государствам и

лишается возможности сформировать с ними долгосрочную коалицию. В Азиатско-Тихоокеанском регионе Пекину в качестве региональных лидеров противопоставляют, как минимум, Японию, Индию и Австралию. Очевидно, что такая смешанная стратегия не вполне эффективна против КНР, поскольку не воздействует на факторы, предопределяющие смену гегемонии – делегитимизацию мирового порядка и рост затрат на поддержание гегемонии.

Глобальная и региональная расстановка сил: возможности

На текущий момент можно описать мировую систему как многоуровневое явление. На глобальном уровне структура системы подразумевает одну доминирующую державу, а на региональном уровне в АТР, напротив, центров притяжения как минимум два. Такая ситуация позволяет по-разному характеризовать текущий мировой порядок (однополярный, многоцентричный, плюралистически однополярный). Пока что США способны направить в любой уголок мира свои военные и дипломатические усилия для того, чтобы отстаивать свое мнение и интересы [9, С. 372-376].

В то же время, на региональном уровне структура биполярная, что имеет позитивные и негативные последствия. Во-первых, для поддержания существующего положения, государства-«полюсы» должны мобилизовать внутренние ресурсы, подстегивать общественное развитие. Во-вторых, у стран-соперников (в данном случае, США и КНР) формируется высокая чувствительность к успехам другого, к потенциальным угрозам, что усиливает напряженность, обостряет малозначимые проблемы и часто ставит «полюсы» в заведомо неудобное положение. В обычных случаях возникла бы дилемма безопасности, то есть, когда недоверие к сопернику ведет к укреплению собственной оборонительной

системы, что вызывает ответную реакцию. Дилемма безопасности ввергла бы такие страны в жесткую конфронтацию. Однако, США и КНР удалось избежать этого сценария, поскольку географическое положение держав предопределило некоторые зоны ответственности в АТР: у Поднебесной – континентальная суша (теллуократия), у Вашингтона – островные и прибрежные государства (талассократия). Фактически, границы внешнеполитических амбиций двух держав в регионе естественным образом определены тихоокеанской береговой линией [8, С. 269-291].

«Возвышение» Китая возможно двумя путями. В первом случае, Поднебесная вступит в конфликт за региональное лидерство, победа в котором будет означать и конец американской однополярности на глобальном уровне. Однако, подобный «жесткий» сценарий подразумевает для Пекина затратную внешнюю политику и наращивание темпов модернизации НОАК, что увеличит дисбалансы в экономической сфере, обеспечивающей внешнеполитические амбиции. Такие действия не останутся незамеченными в Вашингтоне. Таким образом, будет запущена дилемма безопасности. Известный отечественный американист А.И. Уткин отмечал: «Если США будут слишком энергично реагировать на потенциально силовые действия Китая — скажем, давление на Тайвань — то это усиливает китайское чувство, что Вашингтон отказывает китайцам в их исконных правах как великой державы региона. С другой стороны, слабая (или ее отсутствие) реакция Соединенных Штатов воспринимается соседями Китая как сигнал о дипломатическом наступлении Китая, которому следует либо подчиниться, либо начать противодействие в экономическом и военном отношении» [6, С. 511]. Лобовое столкновение КНР и США будет крайне болезненным для стран региона (в том числе, и для России), поскольку стороны противостоят

используют все рычаги, чтобы обеспечить себе поддержку основных региональных игроков.

Во втором случае, Китай постарается обеспечить себе ведущие позиции по всем экономическим показателям, оформит систему экономических взаимосвязей, которыми сведет на нет военно-политические связи стран региона с США, что прямо вытекает из доктрины «мирного возвышения». Проще говоря, Пекин достигнет глобального лидерства, сохранив биполярную структуру АТР. Для того, чтобы этого не допустить, США вполне могут прибегнуть к построению новой системы региональной коллективной безопасности в АТР, наподобие ныне не существующего Манильского пакта, или создать в противовес китайским экономическим связям свой комплекс таких связей (например, Транс-тихоокеанское партнерство). Такая ситуация вынудит страны региона определить свои предпочтения по отношению к тому или иному «полюсу», хотя их возможность уклониться от этого и вести политику балансирования будет выше, чем при «жестком» столкновении США и КНР.

В целом, следует отметить, что Пекин готов к статусу глобального лидера, несмотря на ряд существенных противоречий. Более того, нынешняя структура МО открывает окно возможностей для Китая, поскольку на исходе долгосрочные циклы мирового развития. Безусловно, США всеми доступными методами будут осложнять «мирное возвышение» КНР, не исключены «лобовое» столкновение, отчаянная гонка вооружений в рамках дилеммы безопасности и рост региональной напряженности. Однако, мирная стратегия Пекина сохраняет за ним наибольшее количество шансов достигнуть трансформации глобального и регионального лидерства, поскольку в отношении невосприимчивых к риску стран-ревизионистов, нацеленных на полное (революционное) переформатирование мирового порядка, наиболее трудно подобрать эффективные

сдерживающие механизмы. В течение подобного противостояния у большинства стран АТР сохранится возможность маневрировать, если только противостояние США и КНР не войдет в «жесткую» фазу.

В случае приобретения Китаем статуса мирового гегемона, что, как видно из вышеизложенных соображений, нельзя назвать откровенной фантазией, глобальная и региональная структура мировой системы с течением времени изменится. Перемены, которые могут возникнуть после «возвышения Китая», таковы:

- 1) Окончательный закат европоцентричного мира, пересмотр функций и структуры основных международных институтов (ООН, МВФ).
- 2) В АТР Китаю продолжат противостоять Япония и США. Однако, теперь именно Пекин будет определять первоочередность глобальных вызовов и угроз, задавать повестку дня региональной безопасности. При этом, возрастет возможность решения проблемы Тайваня и объединения Кореи.
- 3) Возникшая на англо-саксонской почве идеология неолиберализма будет заменена умеренно-левыми, возможно, альтерглобалистскими доктринами.
- 4) Вместо «Вашингтонского консенсуса», подразумевающего снижение роли государства в проведении макроэкономической политики, возникнет условный «Пекинский консенсус», который будет поощрять стимулирование занятости и устранение отсталости в странах третьего мира. Возможно, такая политика будет означать формирование новых барьеров для внешней торговли и ограничения для прямых инвестиций.
- 5) Мир станет более фрагментарным. В других регионах мира Пекин постарается опираться на партнеров по БРИКС и сформирует тесные военно-политические связи со странами исламского мира.

Список литературы:

- [1] *Амин С.* Конфликты и современная политическая культура // *Закат империи США: кризисы и конфликты* / С предисловием Б. Кагарлицкого. – М., 2013. С. 33-60
- [2] *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. — М., 2006.
- [3] *Внешиполитический процесс в странах Востока* / Под ред. Д.В. Стрельцова. – М., 2011.
- [4] *Мэддисон Э.* Контурь мировой экономики в 1-2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. О. Филаточевой. – М., 2012.
- [5] *Странь СНГ и Балтии в глобальной политике Китая* / под ред. Т.С. Гузенковой, М.В. Карпова. – М., 2013.
- [6] *Уткин А. И.* Новый мировой порядок. — М., 2006.
- [7] *Acharya A.* Asia Rising: Who Is Leading? – Singapore, 2008.
- [8] *Balance of power : theory and practice in the 21st century* / ed. by T.V. Paul, J.J. Wirtz, and M. Fortmann. – Stanford, 2004.
- [9] *Cox M.* Power Shifts, Economic Change and the Decline of the West? // *International Relations*. – 2012. – № 26. pp. 369-388
- [10] *Gilpin R.* War and Change in World Politics. – Cambridge, 1981.
- [11] *Kurlantzick J.* Charm offensive: how China's soft power is transforming the world. – New Haven and London, 2007.
- [12] *Schweller R.L.* Managing the rise of great powers: history and theory // *Engaging China: the management of an emerging power*/ Edited by Al. I. Johnston and R.S. Ross. – London and New York, 1999. pp. 1-32
- [13] *Wallerstein I.M.* The end of the world as we know it: social science for the twenty-first century. – Minneapolis, 1999.
- [14] Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая // http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204_29.htm

- [15] Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China (2013). Office of the Secretary of Defense // http://www.defense.gov/pubs/2013_china_report_final.pdf
- [16] Remarks by the President in the State of the Union Address // <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/12/remarks-president-state-union-address>
- [17] 2013 Report To Congress Of The U.S.-China Economic and Security Review Commission // origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2013%20Report%20to%20Congress.pdf

ИНСТРУМЕНТЫ МЯГКОЙ СИЛЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

И.В. Троян*

По мере преобразования своих экономических завоеваний, Поднебесная стала уделять внимание и таким внешнеполитическим инструментам, как "мягкая сила". На официальном уровне теория "культурной мягкой силы" впервые была озвучена в КНР на 17 съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в октябре 2007 года в качестве важной составляющей комплексной государственной мощи страны и ее международной конкурентоспособности. Председатель КПК Ху Цзиньтао отмечал, что культура становится все более важным фактором в совокупной государственной мощи, и призывал к повышению роли культурной составляющей "мягкой силы"[1 С.32–35]. Одним из элементов практической реализации этой теории стало открытие по всему миру

* Троян Ирина Владимировна – студентка 3 курса, кафедры Теории и истории международных отношений. Научный руководитель – к.ю.н., доцент кафедры Бокерия Светлана Александровна.

центров по продвижению китайского языка и культуры, получивших название Институты Конфуция, а также проведение Олимпиады 2008 года в Пекине. У КНР есть свой стиль в осуществлении процесса построения дружественных отношений - всесторонняя дружественная "атака", стремление сотрудничать по всем направлениям с целью обеспечения стабильного и устойчивого доступа к ресурсам страны и возможности открытия новых экспортных рынков для поддержания своей экономики. В последние годы, Китайская Народная Республика была во многом успешна благодаря использованию "мягкой силы", это помогло обрести статус великой державы. Одна из основных задач ее использования на международном уровне - это создание привлекательного образа страны. Вторая задача-стремление заставить другие страны принять культурные ценности данного государства и проведение своей идеологии. Нельзя не признать успех проведения данной политики китайскими лидерами и возрастающую роль Китая как глобального игрока на мировой арене. Он становится все в большей степени интегрированным в международные институты, капиталистическим и современным государством. Благодаря бурному экономическому росту у современного Китая появляется все больше ресурсов для решения своих геополитических и экономических интересов, которые распространяются далеко за пределы Азиатско-Тихоокеанского региона. КНР заявляет о себе как о лидере во многих сферах, в частности уже как и о космической державе[2 С. 20-31].

Использование "мягкой силы" в политике Китая мы можем наблюдать на протяжении последнего десятилетия, она направлена не только на развивающиеся страны, но и на Западные в том числе, расширяя данную внешнюю политику в сфере культуры, СМИ, экономики, тем самым наращивая усилия в формировании глобального пространства и создавая привлекательный образ своей страны. Очевидно, что данная

внешняя политика носит мирный и ответственный характер. Так, в своей книге "Китай-Россия 2050: стратегия соразвития" Б.Н. Кузык и М.Л. Титаренко отмечают, что "внешнеполитическая стратегия Китая на ближайшие 50 лет определена. Она нацелена на обеспечение национальных интересов страны, ее целостности и стабильности". Главная цель Китая - обеспечение поступательного развития и улучшения качества жизни населения на основе инновационного развития, продолжение политики открытости и реформ. Одна из основных характеристик внешнеполитической стратегии - "обеспечение мирных условий для решения проблем внутри Китая"[3 С.525-526].

Существуют некоторые различия применения "мягкой силы" КНР в Соединенных Штатах, Европе и в развивающихся странах. В таких регионах, как Африка, Латинская Америка и Юго-Восточная Азия, Китай, особенно активен, инициатива "мягкой силы" привязана к ключевым ресурсам, таким как энергоносители. Также данная инициатива направлена на то, чтобы убедить страны признать Тайвань, как неотъемлемую часть КНР, т.е. признание "одного Китая". Одним из ярких примеров внедрения мягкой политики Китая можно рассмотреть на Африке. Опросы, проведенные рядом агентств, показывают, что африканцы расценивают присутствие Китая в своих странах как положительное. Нарастание мягкой силы Китая можно объяснить ростом экономики и налаживанием экономических связей со многими Африканскими странами. Экспансия торговли и инвестиция Китая в страны Африканского континента, а также расширение совместных проектов оставляют позитивный отпечаток о Китае на граждан Африки[4]. Вовлечение Китая в экономическую среду является прагматичным и согласованным с приоритетами Африканских стран. Более того, растущее влияние Китая как мировой державы способствует росту желания сотрудничества

с их правительством. Обязательства китайской мягкой политики варьируются от здравоохранения вплоть до профессионального и культурного обмена. Тем не менее, Китай не может пока что сравниться с показателем Соединенных Штатов Америки.

Культурное взаимодействие между Китаем и Африкой является наглядным примером распространением мягкой политики. В 2005 году был основан Институт Конфуция. Китайское правительство оказывает финансовую поддержку и предоставляет возможность изучения Китайского Языка и культуры Китая обществу. На данный момент существует 19 институтов в Африке, в ближайшем будущем Китай планирует инвестировать 20 миллионов юаней в образовательные проекты в Южной Африке, включая изучение китайского языка в 50 местных школах [5].

Экономический подъем Китая создал условия для усиления его влияния в мире. В настоящее время КНР занимает лидирующие позиции в международной структуре, в частности, в таких организациях, как МВФ, ООН, Всемирный Банк и др., а также в глобальных и региональных проектах – форумах БРИКС, ШОС, АТЭС, АСЕАН и пр. При этом Китай стремится быть не только полноценным участником в системе международных отношений, но и одним из полюсов многополярного мира. Хотя китайское наступление в области "мягкой силы" хорошо подкрепляется материально, в Китае не учли, что применение "мягкой силы" подразумевает, прежде всего, наличие ценностей, открытости и высокого уровня благосостояния, а также привлекательного примера, которому бы хотели следовать. В Китае до сих пор энергично воздействуют на западное общественное мнение через специально создаваемые псевдообщественные организации, полностью контролирующиеся на практике государственно-партийной властью. В этих условиях "публичная дипломатия" непременно превращается в обычную государственную

пропаганду. Вдобавок, китайские власти закрывают излишне откровенные СМИ, приговаривают к длительным тюремным срокам даже умеренных оппозиционеров, закрывают доступ к многочисленным "вредным" сайтам ГИС Интернет. Несмотря на все усилия по превращению агентства Синьхуа и китайского центрального телевидения в конкурентов Си-эн-эн и Би-би-си, зарубежных зрителей и слушателей у китайской пропаганды немного. Поэтому китайская модель развития вряд ли станет особенно привлекательной для всего мира.

В целом, на Западе, "мягкая сила" страны направлена в сторону более тонких и менее конкретных определенных усилий, например, развитие международной культуры и истории экспонатов и участие в международных мероприятиях (таких как, Олимпийские игры) и непосредственное привлечение иностранной общественностью языковых институтов и СМИ. Целью данной инициативы можно определить изменения изображения Китая и избежание негативного восприятия страны для остального мира.

Деятельность КНР по проведению «мягкой силы» во внешней политике можно сгруппировать в пять основных категорий:

- Инвестиции и иностранная помощь: Китай вложил значительные средства в ключевые ресурсы развивающихся стран, особенно в Азию, Африку и Латинскую Америку. Например, Китай ведет переговоры по соглашениям о свободной торговле с такими регионами, как Юго-Восточная Азия. В отличие от многих других крупных многосторонних и двусторонних «доноров», Китай не связывает свою помощь с другими вопросами, такими, как экологические нормы качества или соблюдение прав человека, принципов правильного, с точки зрения Запада, поэтому китайские инвестиции особенно привлекательны для многих развивающихся стран [7]. В Китае иностранные инвестиции и иностранная помощь может иногда быть не различны;

инвестиции, к примеру, могут осуществляться по политическим причинам.

- Поддержание мира и гуманитарная помощь: Китай направляет значительное число миротворцев в «горячие точки» под флагом Организации Объединенных Наций, а также поддерживает медицинские учреждения и оказывает медицинские услуги для развивающихся стран.

- Программы обмена: затрагивают области языка и культуры. Например, для продвижения китайского языка и культуры Китая, по всему миру открылось около 400 институтов Конфуция.

- Двусторонние межгосударственные связи и многосторонняя дипломатия: Китай активно участвует в многосторонних форумах, поддерживает экономические, политические отношения и контакты в военной сфере, устанавливает стратегическое партнерство с отдельными государствами Юго-Восточной Азии, а так же и со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Большой интерес для КНР проявляется в развитии интеграции ЮВА, тем самым усиливая свои позиции в странах АСЕАН и ослабляя антикитайские настроения. Кроме того, китайская сторона создает новые региональные организации для расширения своего влияния в регионе, например, Шанхайская организация сотрудничества и форум китайско-африканского сотрудничества[6].

- Дипломатия: КНР увеличила количество встреч на высшем и высоком уровне, устраиваются многочисленные конференции и региональные форумы, на которых разъясняются основы политики страны, повышается профессионализм и квалификация дипломатов, которые, в свою очередь, получают образование в престижных зарубежных университетах.

Данные категории необходимы КНР для реализации двух долгосрочных целей во внешней политике. Первая цель

характеризуется созданием и сохранением благоприятных условий для дальнейшего развития государства, вторая-стремлением к становлению Китая, как одного из полюсов многополярного мира. Продолжение развития своей экономической базы для привлечения технологий, инвестиций и для открытия новых рынков, а также избежание прямых вооруженных конфликтов являются достижением этих двух целей Китая. В рамках данной стратегии основными объектами для дипломатии КНР становятся приграничные станы и регионы, так как именно с ними допустимы не только высокоэффективное развитие экономических связей, но и локальные вооруженные конфликты. Китай не стремится к прямому и силовому политическому контролю, а стремится к организованному и направленному воздействию на ключевые точки регионов и стран, государств и общественных систем. Во внешней политике Китая преобладает не диктат, а дипломатическая направляющая, стремление «побеждать, не сражаясь»[8]. Сегодняшняя борьба между Китаем и США носит идеологический, принципиальный характер, так как затрагивает основные положения китайской идентичности, включая общую модель развития страны, систему ценностей и ведется в сфере общественного сознания. При этом в Поднебесной обеспокоены тем, что не столько Китай привносит в мир свою культуру, сколько США, которые приобрели черты культурологической гегемонии в мире, включая растущее влияние американской мягкой силы в самом Китае. И в западных кругах это тоже хорошо осознается.

Стабильный и мирный, но в то же время активный и уверенный характер внешней политики КНР, а также ее желание расположить к себе другие страны позволяют понять использованием Китаем «мягкой силы» в политике, то есть желание продемонстрировать всему миру современный ненасильственный и конструктивный характер политики Китая и создать привлекательный образ страны. Сегодня в

китайском арсенале активно используется экономическая помощь, миролюбивая внешняя политика, моральные ценности и привлекательность традиционного и современного Китая, материальной и духовной культуры. Следует отметить, что КНР в настоящее время испытывает давление Запада, охватывающее практически все сферы деятельности – общество, политику, духовную жизнь народа. Китай делает акцент на укреплении собственной репутации путем постепенного формирования своего позитивного образа и имиджа надежного экономического и политического партнера в сознании элит и населения государств региона. Из-за своего сложного языка и специфической культуры, носителями которой могут быть только непосредственно китайцы, и которая отторгается другими народами, Китай ограничен в применении «мягкой» силы, в её социокультурном аспекте, и тем самым фактически лишается важного механизма влияния на международную политику, что сильно подрывает его претензии на мировое лидерство.

Список литературы:

- [1] Сергеева, А. А. Поиски эффективного использования диаспоры // Азия и Африка сегодня. 2011. № 9. С. 32–35
- [2] Басов А.Н. Китай как новая космическая держава // Проблемы Дальнего Востока. 2010. №5. С. 20-31
- [3] Кузык Б.Н. Титаренко М.Л. Китай-Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С.525-526
- [4] Joshua Kurlantzick, China's Charm: Implications of Chinese Soft Power, Policy Brief 47 (Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, June 2006).
- [5] Denise E. Zheng, "China's Use of Soft Power in the Developing World: Strategic Intentions and Implications for the United States," in Chinese Soft Power.

[6] Douglas Farah and Andy Mosher, Winds from the East: How the People's Republic of China Seeks to Influence the Media in Africa, Latin America, and Southeast Asia (Washington, DC: Center for International Media Assistance, September 8, 2010).

[7] Государственное статистическое бюро КНР. URL : <http://www.stats.gov.cn/>.

NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN CHINA

Shao Dewan, Li Dong, Liu Yang

China in many foreigners' eyes is a single-party socialist republic with a great control by the party.

Let's begin with the emergence of NGOs in China. Actually, International non-governmental organizations have a history dating back to at least 1839. ("The first such organization is said to be Anti-Slavery International, established in 1839"[1, p.7])It has been estimated that by 1914, there were 1083 NGOs. [2, p.21] For example, the earliest German NGOs which are still active now were established in the 1830s, although at the time of their founding the term NGO would not have made sense to them. [3, p.21]

In the nineteenth and twentieth centuries, when the western countries came into their historic development of NGOs, China fell into confusion: The first Opium War let China become a semi-feudal semi-colonial country, which followed by the demise of the Qing Dynasty, the Second World War, and the Chinese Civil War,

Shao Dewan, Li Dong, Liu Yang -6th course Master Student of the Chair of Theory and History of International Relations of PFUR. Научный руководитель Бокерия С.А.

etc. Colonialism was a significant impediment to the development of NGOs based in colonial territories. [3, p.23]

In 1949, as everyone knows, the People's Republic of China was founded, but what a battered young country could do more for NGO? Until the commencement of economic reforms in 1978, there was virtually no space for NGOs to survive and develop in China. After 1978, the opening of the economy brought changes to the production and distribution of economic and social resources that made full state control difficult to maintain. It is estimated that, in the first years of the reform process, some 200,000 NGOs were established. Most of them were genuine grass-roots organizations, had only few members and worked informally without registration. [4, p.6] Even in the 1990s, there were only a few NGOs, and they were difficult to exist.

However in the last decade, NGOs in China developed rapidly and started coming into the mainstream of China. The development, I think also like in other countries (when they went into the first flame of development in the nineteenth and twentieth centuries) – in 2001 China joined into the WTO, after that industrial maturity and affluence have acted as spurs to public interest activity. In China Non-governmental organizations have become significant and influential players and generate much interest.

Now China not only has NGOs, but also quite a few. However a number of Chinese NGOs have closer links with the government or the Chinese Communist Party. So as the question we talk about in the beginning: whether these organizations should be considered as NGOs since they are not entirely independent from the state? Some scholars believe that according to Western conceptions, very few Chinese organizations can be regarded as real NGOs. Western conceptions of NGOs provide useful standards against which to evaluate the situation of NGOs in China. [4,p.3] In fact, Chinese NGOs have their own particular characteristics due to China's unique economic, social and political context – we can

call it “The socialist road with Chinese characteristics”, according to the Deng Xiaoping Theory. The relations between the government and NGOs in China are closer than that in Western countries, not only because of the political and legal environment for NGOs in China, but also of the NGOs’ own understanding of their roles.

Many Chinese NGOs are reluctant to use the term “non-governmental” to describe themselves. Although the term “Fei Zhengfu ZuZhi” is the literal Chinese translation for NGO, it has a negative connotation. In Chinese, the word “Fei” means “not”, but also “wrong” or even “anti”. The term was first introduced in China in the context of the 1995 Fourth World Women’s Conference in Beijing. To prepare Chinese women’s organizations for the “Non-Governmental Forum” that took place parallel to the conference, almost two million women leaders and activists participated in over 8,000 workshops and seminars nationwide. Since then, NGO has become a formal term in the Chinese political vocabulary. [4,p.3] Although it has become more widely used in the last years, it is commonly used to describe foreign NGOs. Many Chinese NGOs prefer the terms “non-profit organization” or “social organization” to indicate their nature. NGOs do not take an antagonistic or conflicting stance towards the government or the Chinese Communist Party, this by no means lessens their importance for the development of China’s society and political system. [4,p.4]

The government of the People's Republic of China passed three sets of legal documents for NGOs in 1950, 1989 and 1998 respectively. The first two laws classified all types of NGOs into a single category called “social organizations”. Instead of giving a clear definition of the term “social organization”, the 1989 regulations only listed all types of associations and institutions recognized by the government as social organizations. The government categorized them into five general types, based primarily on professional field and organizational functions. The five types were :

- 1) Scholarly or scientific organizations (including research institutions)
- 2) Professional associations
- 3) Trade or industrial associations (including chambers of commerce)
- 4) United organizations (such as alumni and friends' associations)
- 5) Grant making institutions [4,p.8]

In 1998, the “Regulations on the Registration and Management of Social Organizations” were revised, and the “Provisional Regulations on the Registration and Management of Popular Non-Enterprise Work Units” were adopted. These documents established a new official category for Chinese NGOs.

Current Situation of Chinese NGOs

It's clear that, Beijing boasts the most NGOs – almost 30%, Shanghai – 12%, Sichuan – 10%. [5,p.10] Beijing is the capital of China. As the political center, NGOs in Beijing get most support from government, even the central government, and also the support of international organizations. Shanghai takes the second place for being the economic center of China with higher urbanization. These NGOs are the trailblazers in the evolution of Chinese NGOs. What about Sichuan, why it is in the third place? Do you know The 2008 Sichuan earthquake? It was the deadliest earthquake to hit China since the 1976 Tangshan earthquake, which killed at least 240,000 people. It attracted a number of NGOs to Sichuan from 2008, such as “**Sichuan 512 Voluntary Relief Service**”, “**NGO Disaster Preparedness Center**”.

From the above, we can say that Chinese NGOs are distributed in the place with political, economical and cultural atmosphere, or some place with requirement of NGOs, such as the place with serious environmental disruption, and natural disaster, etc.

According to the theory “Supply-demand relationship”, if in this spheres with requirement of NGOs, there will be more and more NGOs there.

Chinese NGOs cover wide spheres, such as Environment (*“Friends of Nature”, “Global Village”, “Blue Dalian”*), Education (*“21st Century Education Research Institute”, “Genuine Love”*), Disabilities (*“Shaliwen Rehabilitation Center”*), Culture (*“Huazang Library”, “Journey of Love Social Work Service Center”*), Children (*“Shanghai Root & Shoots”, “Journey of Love Social Work Service Center”*), Health (*“The Hemophilia Home of China”*), Rural Development (*“Rural Reconstruction Centre of Renmin University”*), Community (*“The Nine Worlds”*), Migrant Worker (*“Grassroots Home”*), Human Rights (*“China Charity Federation”*), Women (*“Gender and Development In China”*), Think Tank (*“Social Enterprise Research Center”*), Animal Protection (*“ ‘Don’t Eat Friends’ Vegan Initiative”*), poverty Relief (*“The Nine Worlds”*), and some others.

Environmental NGOs are the most common NGO in China. It’s not only the result of high voice of environmentalism in the world, but also the result of the environmental deterioration in China. For example, some 70 percent of the country's rivers and lakes are polluted, with roughly two hundred million tons of sewage and industrial waste pouring into Chinese waterways in 2004. Every year about 5,800 square miles of grasslands disappear. *“Friends of Nature” (FON)*, an Environmental NGO, is one of the first independent environmental NGOs in China. Sponsor by the authority, FON formally registered in March 1994 as the Academy for Green Culture, an affiliate to the non-governmental Academy for Chinese Culture. Since then, FON has become one of China’s best known and most influential environmental advocacy groups. Its mission is “to promote environmental protection and sustainable development in China by raising environmental awareness and initiating a “green culture” among the public”. FON has around

1,200 individual members and over 20 institutional members. With a staff of eleven, FON relies heavily on the support of a large number of volunteers. [4,p.32]

NGOs are playing an important role in Chinese modern society. Like all the young NGOs, Chinese NGOs face many problems. There are two main problems: registration and financial concerns.

Some Chinese NGOs are not officially registered, faced with very difficult process to register a new NGO. Many NGO leaders prefer other ways of establishing their organizations. According to statistics of the Ministry of Civil Affairs by the end of 2001, China had about 129,000 organizations registered as “social organizations” and about 82,000 registered as “popular non-enterprise work units”. Other NGOs have been able to establish themselves as secondary or subsidiary organizations associated with universities, commercial enterprises or other institutions.[4,p15]

Small or large, various NGOs need budgets to operate. Most budgets are coming from International organizations: the World Bank, the UN; International foundations: Oxfam Hong Kong, Ford Foundation, Germany MISEREOR Foundation; Foreign embassy: Canadian, American, Germany; Chinese Foundation: Tencent Charity Foundation, SEE Foundation, China Foundation for Poverty Alleviation, Nanto Foundation; Government; and some companies.

According to a 2001 study by the NGO Research Center at Tsinghua University, nearly 90 percent of Chinese NGOs have an annual expenditure of under 500,000 Yuan (approx. US\$ 60,000), and less than two percent spend more than one million Yuan (approx. US\$ 120,000) per year. These figures show that, the main constraint for Chinese NGOs is the lack of dependable funding. There are various reasons for this situation. One of them is China’s lack of an effective institutional structure for charitable contributions. [4,p.24]

Furthermore, Chinese NGOs also encounter problems with a lack of management skills, technical information and clear goals.

Therefore, for the future of Chinese NGOs, at first we must build a new regulation for the registration of NGOs, and build a new relationship between government and NGOs. Second, innovation is the new way for development. It helps NGOs to attract more attention. Widely authoritative and famous are very important to NGOs, for which not only bring more donors, but also reach the aim of helping more people.

LITERATURE

[1]The Rise and Fall of Transnational Civil Society: The Evolution of International Non-Governmental Organizations since 1839. By T. R. Davies City University London Working Paper. Steve Charnovitz, "Two Centuries of Participation: NGOs and International Governance, Michigan Journal of International Law, Winter 1997.

[2]Subcontracting Peace - The Challenges of NGO Peacebuilding. Edited by: Richmond, Oliver P., and Carey, Henry F. Published by Ashgate, 2005. Page 21.

[3]NGOs in International Politics. Edited by: Shamima Ahmed and David M.Potter. Published by Kumarian Press, Inc.2006.

[4]Report: Non-Governmental Organizations in China. Edited by: Andreas Edele and Geneva. Published by CASIN. 2005.

[5]Chinese NGOs Directory 《中国公益组织名录》特别报告. Edited by Shawn Shieh (谢世宏) and Amanda Brown-Inz (毕彦如). Published by China Development Brief中国发展简报 2013.

CAMBODIA'S FOREIGN POLICY IN ASEAN

Eng Huyleng

The successful UN-sponsored election in 1993 and positive internal and external conditions of world politics after the Cold War opened the new pages of Cambodia's foreign policy toward regional community and the world. As a weak and poor state, Cambodia had to integrate itself into global community, in particular, into the regional organization — Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). In this regard, in April 1999 Cambodia officially became the last 10th member of this dynamic regional community.

At the end of the 1980s, with the Cold War winding down, the new Soviet leader, Mikhail Gorbachev, disengaged from the Third World and thus ended military and economic support to Vietnam. As the result, on September 1989 Vietnam decided to withdraw its troops from Cambodia after invading this country since 1979 [20. P.226]. This “golden opportunity” was a positive indicator for Cambodia to end up its decades of conflict and international isolation. On the one hand, the end of Cold War and the collapse of the Soviet Union did not only mean the end of the ideological confrontation between Indochinese countries of Cambodia, Vietnam and Laos and ASEAN countries (Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia and the Philippines), but also meant the end of the bloody fight between the four Cambodian factions.[2.P.55].

Cambodia's critics have argued that the fundamental decision by the Cambodian government to integrate itself into ASEAN was motivated by both political and economic reasons.

Eng Huyleng, 2 Course Master Student History and Theory of International Relations, PFUR- Supervisor: Doc. A.Yu. Borzova

Politically, the Cambodian government needed international recognition due to its decades of international isolation, particularly from the United States, China, Russia and the EU and, economically, Cambodian government had to seek for economic cooperation and development assistance with the countries sympathetic to it [17].

The political reason refers primarily to recognition of Cambodia by regional and international community. Cambodia's entry into ASEAN has not only legitimized Cambodia's government but has also recognized Cambodia as a sovereign and independent state, as a member of the international community. After the end of the Cold War and decades of civil war, Cambodia appeared to crave internal and external legitimacy due to its infamous genocidal regime of Pol Pot and its international isolation [1.P.142]. Generally, the degree of legitimacy may be measured by in terms of how people respect the state on the basis of the government's perceived right to rule — in traditional terms, or based on leaders' personal charisma, or government performance — it is important to bear in mind that these domestic sources of legitimacy are inadequate in contemporary politics. Another key source of legitimacy is recognition and support by world community [4 p.23].

It is important to note, that in July 5-6, 1998 the two Cambodian parties—Cambodian People's Party (CPP) and FUNCINPEC—in the coalition government opened fighting in the center of Phnom Penh. In response to the 5-6 July coup d'état, ASEAN countries and the international community began to put pressure on the government [10]. The coalition government lost its legitimacy due to the non-recognition from ASEAN Member countries and international community. ASEAN responded decisively by delaying the Cambodia admission into ASEAN until second democratic election could be held in Cambodia [8.P.118]. Meanwhile, in order to promote regional peace and stability, ASEAN Troika led by the three foreign ministers of Indonesia,

Thailand and the Philippines accompanied with the “Friends of Cambodia” group namely the United States, Japan, France, South Korea, New Zealand and others took action to bring the two Cambodian parties to the negotiating table and to restore democratic legitimacy to the government. As the result, the new government was formed under the leadership of Prime Minister Hun Sen. The Hun Sen’s government started a search for legitimacy at home and abroad. In the case of Cambodia, becoming one of the ASEAN members in 1999 was the successful step which marked the recognition of Cambodian government’s legitimacy from ASEAN Member countries after the coup in 1998 [12 p.103].

Theoretically and practically speaking, the foreign aid is also marked as the recognition of the legitimacy from the international community [9 p.76]. Cambodian relations with other non-ASEAN states outside the region have improved noticeably since Cambodia became a full ASEAN member. From the late 1999, multilateral and bilateral donors pledged greater financial assistance to Cambodia. For instance, at a donors meeting in Paris, May 2009, aid pledges reached \$548 million, more than the \$ 500 million requested. Most recently, in March 2012, China approved US\$1.2 billion of aid to Cambodia, including 14 agreements for grants and loans, ranges from help in building roads to repairing Buddhist temples [14 p.35]. Moreover, the national image is one of the most important components of a state.

After integrating into ASEAN, Cambodia has been actively involved with regional and international affairs. One of the main reasons of the Cambodia’s participation is to restore its positive image and build mutual confidence with other states in the region and in the world. For example, in 2012 there were many regional issues, some occurring simultaneously, including the issue of territorial conflict between Japan and China over the Senkaku islands (Japanese) or the Diaoyu islands (Chinese), Japan and South Korea over the Dokdo islands and especially the conflict

over the South China Sea between some ASEAN countries and China.

As ASEAN Chairman in 2012, the challenging year in ASEAN history, Cambodia played very important role as a neutral mediator to seek resolution in the South China Sea conflict. Despite some accusations of Cambodia's bias toward China over the dispute, both the Joint Statement and the Declaration on the Conduct (DOC) were adopted with the assistance of Cambodia as ASEAN Chairman in order to seek the peaceful resolution. It is marked the significant contribution of Cambodia to make easy the tension and to promote security in the Southeast Asian Region. This approach helps to raise international prestige of Cambodia.

In term of diplomacy, ASEAN is the important indicator for Cambodia to engage itself with other states as: the United States, China, Russia and European Union. Moreover, Cambodia can use this opportunity to seek their support for the national development and to promote its foreign affairs in the international relations [9.P.135]

For the last 14 years after becoming the full ASEAN member, Cambodia has actively involved with ASEAN's internal affairs and ultimately benefited from ASEAN diplomacy and its fruitful diplomatic relation with other states in the world, especially in relations with the ASEAN dialogue partners. For instance, Cambodia has signed the "Protocol on the Extension of the ASEAN-EC Cooperation Agreement to Cambodia" with the European Union as well as with Canada, a Memorandum of Understanding (MOU). The signing of these important agreements means that Cambodia is no longer isolated and became one of the partners in development of cooperation programs with both ASEAN states and international community. In addition, Cambodia has actively participated with equal rights in the ASEAN cooperation initiatives in all levels such as [20]:

- ASEAN Ministerial Meeting (AMM),
- The Informal ASEAN Summit,

- the Post-Ministerial Conference (PMC),
- the ASEAN Regional Forum (ARF),
- ASEAN Defense Ministers Meeting (ADMM)
- ASEAN Ministerial Meeting on Transnational Crime (AMMTC)
- Asia-Europe Meeting (AEM) and others,
- Ayeyawady-Chaopraya-Mekong Economic Cooperation Strategy (ACMEC),
- Greater Mekong Sub-region (GMS) and others.

Cambodia joins the Greater Mekong Sub-region (GMS) which was made together with Vietnam, China, Laos, Myanmar and Thailand. The main goals of this cooperation are to promote economic cooperation among six nations along the Mekong River, to reduce poverty and to manage of shared environment resources [6]. In order to promote economic cooperation and reduce poverty these six countries understood that it could be attained through strategic interventions of integrated community development, infrastructure renovation (urban and rural) and private sector development for promoting resource efficiency, productivity and equitable economic growth. Cambodia realized that the Greater Mekong Sub-region is important forum to promote the mutual understanding and to build close cooperation among the member countries.

In addition to GMS, Cambodia is an active participant of the Ayeyawady-Chao Phraya-Mekong Economic Cooperation Strategy (ACMECS). ACMECS is an economic, political and cultural organization, made by Cambodia, Laos, Thailand, Vietnam and Myanmar. Cambodia hosted the First GMS Summit at which the ACMECS affirmed their commitment to cooperate in some priority areas such as [18]:

- Strengthen infrastructure linkages through a multi-sector approach;

- Enhance private sector participation in development and improve its competitiveness;
- Protect the environment and promote sustainable use of the sub-region's shared natural resources,
- Develop human resources and skill competencies,
- Facilitate cross-border trade and investment.

At present, ACMECS made progress in a number of areas, including agricultural and industrial cooperation; tourism cooperation, transport linkages; the establishment of industrial estates in border areas of member countries and human resources development. Since the first day of the participation, Cambodia realized that her participation in ACMECS is very important to deepen and broaden the regional cooperation, since ACMECS is clearly dedicated to economic cooperation.

Meanwhile, it is a positive achievement in diplomacy when Cambodia successfully organized the 8th ASEAN summit in 2002, ASEAN Regional Forum, ASEAN Foreign Ministerial Meeting, and other ASEAN important events in Phnom Penh as the rotating chairman of ASEAN. In 2012, for the second time in the history of ASEAN, Cambodia took over the chairmanship of this dynamic regional organization. With the Cambodian initiatives, the ASEAN Member states agreed to sign the key documents, such as [13]:

- Phnom Penh statement on the Adoption of the ASEAN Human Rights Declaration,
- Establishment of ASEAN Regional Mine Action Centre,
- ASEAN Human Rights Declaration (AHRD)
- Bali Concord III Plan of Action (2013-2017).

Furthermore, under the theme “ASEAN: One Community, One Destiny,” Cambodia played very important role to encourage the parties concerned in the South China Sea dispute to resolve territorial disputes by peaceful means, not to undertake any activities which may complicate the situation and break out regional stability and peace. Furthermore, as ASEAN Chairman, Cambodia played an important role in realizing a “people-centered

ASEAN” with an emphasis on narrowing the development gap, linking economic integration with poverty reduction, and creating an environment for the security and safety of ASEAN citizens.

The great powers also improved diplomatic relations with Cambodia. One year after integrating into ASEAN, Japanese Prime Minister Keizo Obuchi visited Cambodia, it was the first visit by a Japanese head of state in over forty years. During his visit, Obuchi pledged to provide grant aid of nearly 10 million USD in addition to its regular contributions, making Japan the first Cambodian donor.

At the bilateral diplomatic relations, Sino-Cambodian relations have also significantly improved after Cambodia became the full ASEAN member. A number of high-ranking Chinese officials also made contact at around the same time. Among them was Vice-President of Chinese National People’s Congress, paving the way for a visit of Chinese President Jiang Zemin, in November 2000, the former Chinese Premier Wen Jibao in 2006 and the former Chinese President Hu Jintao in 2010. In short, after joining ASEAN, Cambodia’s legitimacy and status in the international arena continues to improve according to the recognition from regional and international community due to peace, national unity, political and economic stability and the growth of confident in the country and outsiders.

Becoming one of the ASEAN members, Cambodia was obliged to participate in ASEAN Free Trade Area (AFTA). For Cambodia, in order to promote its economy and to compete with other ASEAN Members, it is necessary to focus on some key sectors such as: tourism, trade, agriculture and investment [3.P.45]. After becoming the full ASEAN member, Cambodia has gained benefits from joining ASEAN in term of economic development such as [19]:

- ASEAN as a catalyst for advancing domestic economic reform,

- ASEAN as an important window for the Cambodia to seek a membership in World Trade Organization.
- ASEAN as a forum to build up the confidence of foreign businessmen to invest in Cambodia,
- ASEAN as a regional market and raw material providers for Cambodian products and the economic development of Cambodia,
- ASEAN as the gateway to the global economy.

Moreover, in September 2003 at the Ministerial Meeting in Cancun, Cambodia was invited to become one of the WTO Members after four years participating in the regional organization—ASEAN . It was the second successful stage to seek the membership in this international organization. Cambodia was officially declared as a full Member of World Trade Organization on October 13, 2003. It was the second Less Developed Country (LDC) to become a member of WTO. This achievement was supported by the ASEAN Members.

Moreover, according to the Ministry of Economy and Finance (MEF), after becoming a full member of ASEAN, GDP growth of the country increased more than 9.5 percent per year between 1999 and 2008. Although this noticeable growth dropped to 0.1 percent in 2009 due to the consequences of the world economic crisis and natural disasters in the country, Cambodia's GDP growth rate between 2010 and 2013 recovered up to 7.2 percent [5]. This growth is expected to continue with the rates of 7.5 percent in 2014 [15].

According to UN Database and IMF's International Financial Statistics

Cambodia's total trade with ASEAN initially accounted about 466 million USD in 1993 which indicated around 50 percent of total trade and jumped to 1.1 billion USD in 2000, a year after becoming the full ASEAN Member. In 2012, trade with ASEAN rose by 15.5 billion USD [11]. It is noted that the total trade between Cambodia and ASEAN has been actively promoted after

Cambodia gained the membership. In essence, the integration into this regional organization brings Cambodia the new opportunity to promote trade and to widen its free market with ASEAN Member states. Furthermore, based on the Ministry of Tourism database, there were 118,183 tourists visited Cambodia in 1993 and 367,743 tourists which accounted around 190 million USD in 1999. In 2012, Cambodia received more than 3,584 thousand international tourists and 1,514,267 from ASEAN nationals, which gained more than 2,210 million USD to the national economy [16].

The integration into ASEAN is the right approach of Cambodia's foreign policy in order to fasten the development of national economy, to improve strategy, diplomacy, legitimacy, and status in the international arena.

Literatures:

[1] Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А. Альтернативные пути демократизации: например Камбоджи и Таиланда. Учебное пособие. — М.: ЛЕНАНД, 2009.

[2] Бойцов В.В. Новые члены АСЕАН и проблема их адаптации в сообществе. Сборник статей. — М., 2004.

[3] Малентин Н. П. АСЕАН: три десятилетия внешней политики (1967 – 1997). Учебное пособие. — М., 1999.

[4] Amitav Acharya. Cambodia and Regional Cooperation in Southeast Asia and the Asia-Pacific Region / the Cambodian Institute for Cooperation and Peace: Distinguished Lecture Series. — Phnom Penh, 1997. №12

[5] Annual reports of the Ministry of Economy and Finance.

URL:

<http://www.cambodiainvestment.gov.kh/content/uploads/2011/09/Chapter2.pdf>

[6] ASEAN Greater Mekong Sub-region official website:

<http://www.adb.org/countries/gms/main>

- [7] ASEAN Foreign Direct Investment Statistics.
URL: <http://www.asean.org/news/item/foreign-direct-investment-statistics>
- [8] Gillian Goh. The 'ASEAN Way' Non-Intervention and ASEAN's Role in Conflict Management. — Standford, 2003. № 01
- [9] Kao Kimhoun, Kaplan Jeffrey. Cambodia's Future in Dynamo or Dynamite? Phnom Penh, 1998.
- [10] Kyodo News Service. "Japan proposes peace formula for Cambodia." June 30, 1998.
- [11] Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation of Cambodia. Department of International Trade. "The ASEAN Regional Forum: Confidence Building. Phnom Penh. 2012.
- [12] N. Funston. Government and Politics in Southeast Asia. — Jakarta, 2002
- [13] Official website of 21st ASEAN Summit.
URL: <http://www.asean2012.mfa.gov.kh/?page=detail&article=343&lg=en>
- [14] Principles under Pressure: Cambodia and ASEAN's Non-inference Policy. Phnom Penh: Cambodian Institute for Cooperation and Peace, 1999.
- [15] Quote of H.E. Keat Chhorn, Minister of Economy and Finance, "Does ASEAN Boost Cambodia's Economy?", Phnom Penh, 2012.
- [16] Report of the Ministry of Tourism 2012.
- [17] Statement by Cambodia Foreign Minister on the role of Cambodia in ASEAN. Phnom Penh 2012.
- [18] Statement by Prime Minister Hun Sen at Ayeyawady-Chao Phraya-Mekong Economic Cooperation Strategy summit (ACMECS), Phnom Penh, 2002.
- [19] Statement of Foreign Minister Hor Namhong on the Role of Cambodia in ASEAN. Phnom Penh 2012.
- [20] Wayne C. McWilliams and Harry Piotrowski. The World since 1945: A history of International Relations.—London, 2009.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
АВАЛЯН Г.А.	
<i>Безопасность в Северо-Восточной Азии.....</i>	<i>6</i>
БАКАЛИНА Г. В.	
<i>Роль Тайваня в системе политико-экономических связей Азиатско-Тихоокеанского региона.....</i>	<i>17</i>
БЕРЁЗИНА Т.И., Д.М. СИБАРАНИ	
<i>Китайские иммигранты в Индонезии.....</i>	<i>26</i>
БИРЮКОВА Д. Р.	
<i>Место астрополитики во внешнеполитической доктрине Индии.....</i>	<i>42</i>
ВОРОНИН С.А.	
<i>Политика Вьетнама в АТР.....</i>	<i>63</i>
ГРУШИНА М.И.	
<i>Двусторонние отношения Аргентины и КНР на современном этапе.....</i>	<i>80</i>
ДАНИЛОВ В.В.	
<i>Дипломатические методы решения тайваньского вопроса в двустороннем формате «США-КНР».....</i>	<i>96</i>
ДОРОГОВА Е.Ю.	
<i>Энергетическое сотрудничество КНР и стран Ближнего Востока.....</i>	<i>106</i>
ЗАБЕЛЛА А.А.	
<i>Роль “мягкой силы” во внешней политики Китайской Народной Республики.....</i>	<i>119</i>
КАБАСАКАЛОВА М.Г.	
<i>Двусторонние отношения Китая с Россией и США: состояние и перспективы.....</i>	<i>130</i>
КАНУННИКОВ Е.	
<i>Россия и Вьетнам: аспекты современных взаимоотношений.....</i>	<i>150</i>

КОЛПАК А.В.	
<i>Дипломатия РФ и КНР в решении Югославского кризиса...</i>	162
ЛИ ЦЫИНЬ, И.В.ТРОЯН, У ЮЙЯО	
<i>Взаимодействие КНР со странами ШОС по проблемам международной безопасности</i>	174
ЛОКШИН Г.М.	
<i>Вьетнам – США: роман без взаимности.....</i>	183
ЛОШКАРЕВ И.Д.	
<i>Возвышения Китая: проблемы и перспективы.....</i>	201
ТРОЯН И.В. - студент 3 курса кафедры ТИМО	
<i>Инструменты мягкой силы во внешней политике Китая....</i>	224
SHAO DEWAN, LI DONG, LIU YANG NON-	
<i>Governmental Organizations in China.....</i>	232
ENG HUYLENG	
<i>Cambodia's Foreign Policy in ASEAN.....</i>	239

Научное издание

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

**Сборник научных публикаций
по материалам
межвузовской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых учёных**

Москва, 25 октября 2013 г.

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 31.07.2014 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 14,65. Тираж 100 экз. Заказ 942.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41